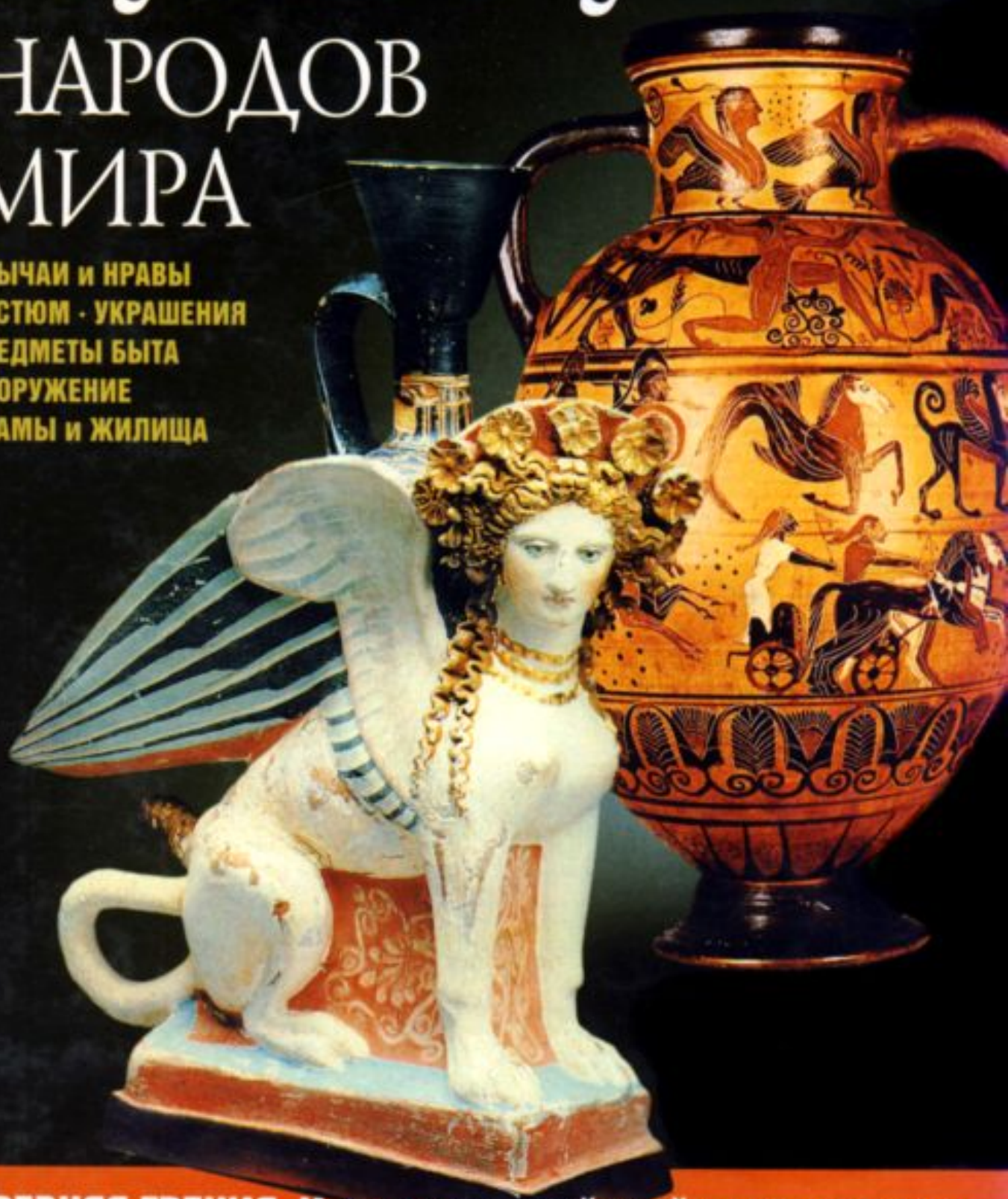

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ МИРА

ГЕРМАН ВЕЙС

ОБЫЧАИ и НРАВЫ
КОСТЮМ · УКРАШЕНИЯ
ПРЕДМЕТЫ БЫТА
ВООРУЖЕНИЕ
ХРАМЫ и ЖИЛИЩА

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ. Истоки европейской цивилизации

ГЕРМАН ВЕЙС ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ МИРА

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ

Герман Вейс

История культуры народов мира. Древняя Греция

Этот том «Истории культуры народов мира» целиком отдан Древней Греции, в которой всего за несколько столетий было придумано и создано столько, что этого вполне хватило на остальные два с лишним тысячелетия развития европейской цивилизации. Древние эллины были талантливы во всем — в сооружении храмов и театральном искусстве, в строительстве кораблей и мореплавании, в устройстве военных машин и гимнасиев, не говоря уже о мелких бытовых деталях: бесчисленных флакончиках и футлярчиках для косметики, вазах и других обиходных предметах, при помощи которых наша жизнь навсегда стала удобнее и уютнее.

«История культуры народов мира» — уникальное издание, в котором описаны костюмы, оружие, мебель, посуда и архитектурные сооружения народов нашей планеты начиная с IV тысячелетия до н. э. и вплоть до XIX века. Автор этого интереснейшего труда — выдающийся немецкий художник и историк культуры Герман Вейс (1822–1897), профессор Берлинской академии художеств, лично выполнивший большинство многочисленных иллюстраций, украшающих страницы этого энциклопедического собрания. По широте и объему материала, сведенного в единое целое с истинно немецкой добросовестностью и аккуратностью, эта книга до сих пор не знает себе равных в России.

Герман Вейс
ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ И НАРОДОВ МИРА
Древняя Греция
Истоки европейской цивилизации

Герман ВЕЙС

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ МИРА

Истоки европейской цивилизации
ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ

*Обычаи и нравы
Костюм
Украшения
Предметы быта
Вооружение
Храмы и жилища*

МОСКВА
ЭКСМО
2005

ДРЕВНИЕ НАРОДЫ
ЕВРОПЫ

НАРОДЫ ГРЕЦИИ

Предварительные замечания

а лканский полуостров делится заливами на несколько частей, которые едва связаны между собой узкими перешейками. На востоке от него отделяется ряд островов, простирающихся до юго-восточной оконечности Малой Азии, а на юге поднимается из моря остров Кандия (Крит).

Почва полуострова преимущественно известковая и неплодородная. Она плодородна лишь в предгорных долинах, орошаемых полноводными реками, как в Додоне, Фессалии или на территориях, лежащих южнее, где более влажный климат, как в Мессене и Арголиде. На склонах гор растет виноград, рис и фрукты, южные долины наполнены апельсиновыми, лавровыми и оливковыми рощами.

У морских берегов и в реках водится рыба; как на материке, так и на некоторых островах добывались медь, железо и серебро. Климат, суровый в гористых местностях, на большей части территории умеренный: зной, смягчаемый морским бризом, редко бывает томительным даже на юге полуострова. Воздух необыкновенно чист и прозрачен.

Такие климатические условия не могли не повлиять благотворно на древнейшее население Греции и не побудить его к деятельности. Изрезанные заливами берега и близость островов способствовали развитию мореплавания. Разбитое на отдельные племенные группы горными хребтами, население греческих островов было вынуждено объединяться в воинственные союзы. Возникли укрепленные поселения, а с ними и земледелие, скотоводство.

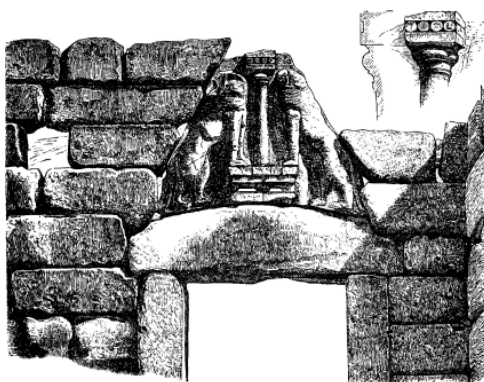

Рис. 1.

Согласно преданиям, первые жители Греции (пеласги) не были грубыми, бескультурными дикарями.

Родство их языка с кельтским и германским дает основания полагать, что они были ветвью ариев и пришли в Европу из Азии по суше с севера. Проникнув на Балканский полуостров, они заняли его северную часть, выбрав для своих поселений наиболее плодородные территории. Долины Додоны и Фессалии являются древнейшими очагами греческой культуры.

Либо вследствие движения фракийских народов, либо самостоятельно большая часть северного населения устремилась на юг полуострова. Здесь к ним присоединились выходцы из Фракии, а также следовавшие за ними малоазиатские народы, перебравшиеся в Грецию по островам: лелеги, карийцы, куреты, лелебои и другие. Вся эта разноплеменная масса людей сначала захватала плодородные равнины, потом заняла пригодные лишь для скотоводства горные долины Аркадии и продвину-

лась до южного берега, где тоже основала поселения.

Население Аркадии занялось скотоводством, а жители приморских областей — мореходством. Надо полагать, что последние, известные позже как отважные пираты (тирренские пеласги), вскоре завладели некоторыми островами и, смешавшись там с прежними семитскими (финикийскими) поселенцами, стали посредниками между промышленными народами Востока и оседлым населением Греции и Италии.

Пока на юге происходили эти события, на севере готовилось новое переселение, следствием которого стало перераспределение территории племен.

Из общей массы населения выделились жители южной Фессалии, или Фтиотиды (Эллады), а также родственные им эолийские и ахейские племена.

Объединившись в союзы, они вторглись в соседние земли. Их успехи в этой племенной борьбе (к которой, вероятно, и относится сказание о походе против Фив), героизм их вождей, покоривших отдельные народы (на что, по-видимому, указывает миф о походе аргонавтов), сделали их господствующей силой в стране. Но их власть была непродолжительна и пала в Троянской войне.

В результате этой войны погибли вожди и лучшие воины. Привыкнув к восточной изнеженности, вернувшиеся из-под Трои воины не могли отвыкнуть от нее у себя дома. Все это стало причиной ослабления эолийско-ахейского союза и подготовило его окончательное разрушение дорийцами.

Дорийцы были горцами, закаленными духовно и телесно суровостью климата своей родины. Около конца II тысячелетия до н. э. они спустились с южных склонов Олимпа, вероятно вместе с этолийцами и другими северными племенами, и врезались в самое сердце Пелопоннеса.

Завладев Аргосом, Лаконией и Мессенией, они обосновались в Коринфе, Элиде, Сиконе, Флие, Эпидавре и на острове Эгине. Предание говорит, что Афины не достались им лишь потому, что царь афинский Кодр добровольно принял смерть и тем дал исполниться предсказанию оракула.

Население захватываемых дорийцами областей или покидало их, или признавало над собой власть победителей.

Только аркадийцам удалось сохранить свою территорию и в то же время остаться независимым племенем. Но ахеяне были вынуждены оставить свои поселения и уйти на северные и восточные берега полуострова, где уже издавна жили ионийцы — племя, населявшее также и Аттику.

Ахеяне покорили ионийцев, отняли у них побережье и отбросили их за Коринфский перешеек, в Аттику. Отсюда часть ионийцев вынуждена была перейти на острова, а потом и на малоазиатский берег, куда за ними последовали эолийские и дорийские племена. В Малой Азии новые поселенцы нашли себе второе отечество и благодаря давно развившемуся там ремесленничеству быстро достигли благосостояния.

Другие дорийско-эолийские переселенцы двигались на запад и расселились в Сицилии и Южной Италии. Захват Пелопоннеса дорийцами остановил дальнейшее развитие тяготевшей к Востоку культуры древних ахейских царств. Ее не могли принять суровые от природы и презиравшие всякую изнеженность пришельцы, утвердившиеся в Спарте (рис. 2).

Рис.2.

Точно так же не восприняли ее совершенно иные по характеру ионийцы, поэтому она не привилась и в Афинах.

Первым следствием переселения дорийцев было деление племени на отдельные общины, а вскоре после раздела завоеванных земель между вождями племени дорийцам стала угрожать опасность полного распада.

С одной стороны, царская власть была низвергнута вновь образовавшимся воен-

ным сословием, а монархия разделена на несколько аристократических республик, с другой — богатства, доставшиеся завоевателям, поколебали прежнюю строгость нравов даже в таком бедном населении, каким было население Лакедемона.

Только когда законодательство Ликурга (800 г. до н. э.) (рис. 3) вернуло народ к образу жизни предков, возродились и его прежние качества, усиленные опытом: сила духа, прирожденное чувство порядка, трезвая умеренность и строгость нравов.

Рис. 3.

Закаленные в борьбе, осознавая свои силы, дорийцы обратили оружие против соседних государств.

Завладев после продолжительных войн Арголидой и отдельными частями Аркадии и Мессении (730–630 гг. до н. э.), они почувствовали себя настолько могущественными, чтобы под предводительством Клеомена вмешаться во внутренние дела афинян.

В Аттике на небольшой территории сосредоточились различные ветви ионийского племени. Здесь землевладение основывалось не на завоеваниях, а, скорее, на взаимных уступках.

Естественным следствием этого было не рабское подчинение одного слоя населения другому, а деление всех жителей по роду и племени. Такой порядок вещей давал полную свободу стремлению к независимости.

Уже после геройской смерти Кодра, который еще носил титул царя, начала развиваться демократия. Благодаря ей скоро удалось свергнуть царскую власть, но предстояла еще более жестокая борьба с родовой аристократией. Демократия и здесь взяла верх, но она еще мало была научена опытом и большей частью сама воздвигала себе новые преграды в виде аристократическо-монархической власти «тиранов».

Народ поддерживал этих вождей, потому что они содержали хороший двор, покровительствовали торговле и ремеслу, а Писистрат в Афинах (560 г. до н. э.) даже искусствам и науке.

Рис. 4.

Хотя Солон (594 г. до н. э.) и придал законам Дракона (624 г. до н. э.), изданным в пользу аристократии, более демократические формы, но и его меры могли лишь несколько ослабить гнет тирании.

Только тогда водворилась истинная демократия и упрочилась индивидуальная свобода, когда Писистратиды окончательно пали в лице Гиппия, а афиняне нашли себе в Клисфене такого вождя, который сумел оградить их как от дальнейших вмешательств Клеомена (т. е. Спарты), так и от притязаний старой аристократии (510 г. до н. э.).

В то время как спартанцы строго проводили повсюду свой консервативный принцип и в государственном устройстве стремились к суровому самоограничению, верные своему характеру афиняне беззаботно следовали закону постепенного развития и усваивали легкий, веселый взгляд на жизнь.

Если спартанцам законами Ликурга запрещалось свободное индивидуальное развитие, нарушение принятых норм поведения, то афинянам, наоборот, было предоставлено полное право развивать свои духовные и физические силы, наживать состояние торговлей или промыслами.

Благодаря своей подвижности, непоседливости они рано познакомились с морем и дальними островами. Их торговля процветала по берегам Малой Азии, охватывала и южную окраину Фракии.

Вдоль северного побережья Понта, в Скифии, у них были созданы прочные поселения. У афинян неустанное стремление к деятельности и созиданию сочеталось с жизненной энергией и весельем, спартанцы же наряду с мужеством и строгостью нравов обладали уверенностью в себе и настойчивостью.

Рис. 5.

«Спарта, — говорит Герман, — статуя, вышедшая из рук художника Ликурга, а Афины — идеально прекрасное, живое человеческое тело.

Каждое из этих государств представляло по-своему духовный характер эллинской нации: дорийцы в национальном, нравственном и политическом отношении, ионийцы в общечеловеческом и промышленном, пока наконец оба эти направления достигли высшей художественной законченности, слившись вместе в народе афинском», (рис. 7, Зевс Олимпийский. Графическая реконструкция XIX в.)

Но прежде чем афинская гражданственность поднялась на такую высоту, ей было

суждено пройти ряд непрерывных и тяжелых испытаний.

Благодаря общенациональному значению дельфийского оракула и Олимпийских игр (рис. 6), равно как и продолжительной гегемонии Спарты дорийское влияние было сильно во всей Греции, но его последствия для Афин обнаружили в полной мере лишь со времени более тесного политического сближения со Спартой, то есть при Клеомене.

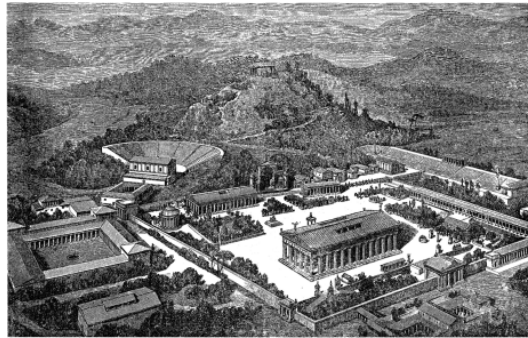

Рис. 6.

С одной стороны, его неудачная попытка ввести в Афинах прежние аристократические учреждения, а с другой — усиление демократии наряду с возрастанием благосостояния города послужили поводом к войне между государствами, результатом которой было укрепление афинской демократии.

Удачной борьбой с Беотией, Халкидой и Эгиной афиняне упрочили свое политическое могущество, победами над персидским флотом Мардония (492 г. до н. э.) и над персидским войском при Марафоне (490 г. до н. э.) афиняне показали, на какие воинские подвиги они были способны. У них появились такие вожди, как Мильтиад, и такие прославленные воины, как Аристид (рис. 6), Фемистокл, Кимон, Перикл (рис. 4).

Этим мужам удалось сокрушить могущество Персии и навсегда покончить с попытками порабощения Греции. После геройских побед, одержанных при Саламине (480 г. до н. э.) и Платее (479 г. до н. э.), уничтожения персидского флота при Евримедоне (470 г. до н. э.) и заключения Кимонова мира с распавшимся царством Артаксеркса была навсегда утверждена свобода не только всей Эллады, но и малоазиатских греков (449 г. до н. э.).

РИС. 7.

Во время общей опасности Спарта также принимала участие в битвах, хотя по-

беды нужны были только афинянам как властителям на море и на островах (479–459 гг. до н. э.). Новые войны, в которые впоследствии были вовлечены афиняне (447 г. до н. э.), не мешали им спокойно наслаждаться плодами своей победы.

С самого начала персидских войн, тянувшихся почти полвека, всю Элладу охватил страх за независимость страны. Народ восстал на защиту своей свободы. Под предводительством военных вождей ионийский народ вышел на политическую арену.

Рис. 8.

При Перикле Афины достигли вершин своего культурного развития. Этот великий государственный деятель и храбрый воин, постоянно (уже с 469 г. до н. э.) заботившийся о славе и величии Афин, гонко угадал призвание своего народа.

Став во главе государства (444 г. до н. э.) и завоевав благодаря честности и достоинству всеобщее доверие, он приобрел неограниченную власть и в управлении финансами страны.

Возрождение Афин дало новый толчок развитию искусств, но лишь благодаря гению Перикла они достигли совершенства. Афины стали центром духовной жизни всей Эллады.

Под влиянием Фидия искусство стало в них законом, источником благороднейших влияний, идеалом образованности для всего эллинского мира. Таким образом, у Спарты появился опасный соперник. Ее всегда восстанавливало против Афин сознание собственной силы и оскорбленная гордость, теперь же появилось и чувство зависти.

Повод к новой войне нашелся скоро (431 г. до н. э.). Все началось со стычек, в результате которых политические связи были прерваны, что привело к разъединению всех племен в Элладе, а в Афинах поднялись старые партии, утратившие свое значение при Перикле.

Уже на втором году войны Афины были осаждены, а в самой стране кипело междоусобие. Перикла, спасшегося от народной ярости, унесла чума (429 г. до н. э.), свирепствовавшая в городе и немало способствовавшая деморализации и беспорядкам.

Потеряв со смертью Перикла мудрого государственного деятеля, Афины погрязли в беспорядках и раздорах. Демократию сменило господство черни.

Каждая партия служила самолюбию отдельных личностей, и во главе масс оказывались в зависимости от результатов борьбы то коварная низость, то благородный талант. Снижению нравственного уровня немало способствовала и постоянная ожесточенная борьба со Спартой. Договор Никия (421 г. до н. э.), заключенный без взаимного доверия враждующих, привел лишь к тому, что старая вражда не замедлила разгореться с еще большей силой (418 г. до н. э.).

Хоть Никий и стоял во главе правления, выразителем общественного мнения был племянник Перикла Алкивиад. Богато одаренный как хорошими, так и дурными качествами, он был истинным представителем своих сограждан, зачинщиком раздоров и причиной многих несчастий.

После затеянной им неудавшейся морской экспедиции в Сицилию (415–413 гг. до н. э.) сила Афин была навсегда сломлена. Продолжая войну, Афины были вынуждены отворить ворота победоносному спартанцу Лисандру (404 г. до н. э.). Так закончилась Пелопоннесская война, которая истощила силы Спарты и поколебала строгость ее нравов.

Уже во времена Перикла философские учения, обратившиеся позднее в софистику, подрывали прежнюю нравственность. Вместе с тем и изящные искусства, утратив трезвое чувство меры, обратились к чрезмерному поклонению чувственной красоте и наслаждению ею.

Искусство как свободная творческая сила могло еще создавать великое, но не могло избавиться от влияния времени и перемены в нравах. Как некогда думал Фидий, так уже не мог чувствовать Скопас, и что создавал Поликлет, было недоступно Практиелю.

Трагедия пережила свои лучшие времена, даже комедия клонилась к упадку. В образе жизни афинян господствовал разврат, обуздываемый лишь дорической строгостью.

Впрочем, и Спарта изменилась не меньше. Победа над Афинами и ее спутники — богатство и роскошь, к которым не привыкли спартанцы, возвышение отдельных личностей во время войны — все это поколебало основы государства; им стали управлять роскошь и порок.

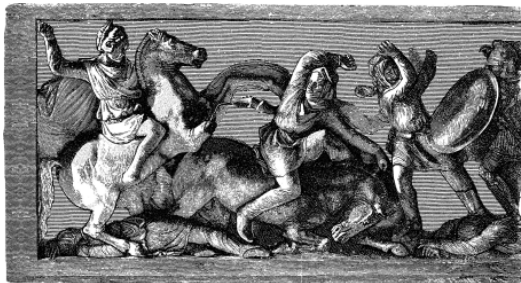

Рис. 10.

Несмотря на изгнание из Афин тиранов и восстановление (Фразибулом) республиканского правления (403 г. до н. э.), спасти страну было уже невозможно из-за полного упадка нравственности. Не удалось и Спарте восстановить свои силы в войне с персами (394 г. до н. э.).

Потеря флота и позорный мир с Артаксерксом Мнемоном (387 г. до н. э.) подорвали ее самостоятельность, а неудачные войны с Фивами затмили последние лучи ее славы (447 г. до н. э.).

Если уже во время Пелопоннесской войны был замечен упадок нравственности, то теперь, после событий, полностью уничтоживших достоинство нации, он стал особенно заметен.

Измена и вероломство, жадность и корыстолюбие овладели обществом. Знать роскошествовала, распущенность в отношениях между полами стала обычным явлением.

Этим страстям служило теперь искусство, едва охраняемое немногими художниками от полного осквернения. Но в народе сохранялись еще духовные силы, а следовательно, и способность к великим и благородным подвигам.

Появление на арене Филиппа Македонского только продолжило трагедию, разыгравшуюся в Элладе, еще на один акт.

После битвы при Херонее (338 г. до н. э.) Филиппу удалось установить гегемонию над Грецией. Но только при Александре, взошедшем на отцовский престол в 336 г. до н. э., греки увидели спасителя, восстановителя былого величия Эллады (рис. 8).

Однако даже он, несмотря на величие и широту своих замыслов и непреодолимую настойчивость в их исполнении, не мог победить в себе тщеславие и честолюбие.

До дальних пределов Индии донес он славу своего оружия, но вдохнуть новую жизнь в отживший эллинизм и ему было не под силу, он только раздул его в яркое, но быстро угасшее пламя (рис. 10, горельеф с так называемого саркофага Александра, или «Сидонский саркофаг»). Открыв взорам современников страны Востока, Александр дал новую пищу умам греков, но вместе с тем в греческую жизнь пришли азиатские нравы и восточная страсть к внешнему блеску. Эллинизм был раздавлен упавшей на него тяжестью варварских форм. Не устояло и искусство, только наука нашла себе в Александрии достойное убежище (331 г. до н. э.).

Разделение царства после Александра еще в большей степени способствовало усилению восточного влияния. Разврат стал обычным явлением даже среди простого народа. Общественная жизнь протекала, как и прежде, но это происходило не столько из сознания необходимости порядка, сколько вследствие привычки.

Рис. 11.

С постепенным ослаблением македонского владычества в Греции проснулась надежда на освобождение, которая привела, впрочем, лишь к слабым проблескам прежней славы (307 г. до н. э.).

Этолийским и ахейским городам удалось наконец заключить тесный союз (рис. 9, монета Этолийского союза) и завоевать Беотию, Афины и Лакедемон (284–281 гг. до н. э.), но потом это лишь послужило поводом к новым междоусобицам.

Затем Спарта, казалось, окрепшая вследствие насильственного ее возврата к ликурговым законам, была побеждена Коринфом (222 г. до н. э.). Начались опустошительные войны ахейского союза, которые удалось прекратить Филиппу III Македонскому (216 г. до н. э.), принужденному в свою очередь римлянами к постыдному миру.

Только тогда Греции была объявлена свободной. Но было уже поздно: судьба ее была решена (197–183 гг. до н. э.), Эллада пала уже настолько, что не смогла воспользоваться этим даром, силы ее были полностью истощены.

В ней по-прежнему продолжались внутренние раздоры, а римляне тем временем покорили Македонию, это случилось в царствование Персея (168 г. до н. э.), а затем и всю Элладу постигла та же участь. В борьбе с Римом, дерзко начатой ахейцами, эл-

линское юношество пало под мечом Муммия, а Греция, все еще оставаясь сокровищницей искусств и наук, превратилась в римскую провинцию (146 г. до н. э.).

Для изучения греческой одежды и утвари особенно важны (кроме уцелевших скульптурных произведений) расписанные сосуды (рис. 11), найденные в Греции и ее бывших колониях. Так как эти сосуды относятся к продолжительному периоду времени с VI в. до н. э. до падения Греции, то по ним мы можем проследить как развитие самого ремесла в Греции, так и (по рисункам, на них сделанным) все изменения, которые испытывала греческая одежда и утварь в течение этого времени.

Кроме сосудов для историков представляют ценность различные изделия из глины, камня и металла. Что же касается предметов, добытых в Помпее и других местах Южной Италии, то, хотя большая их часть носит на себе отпечаток эллинского искусства и эллинской техники, они могут служить скорее памятниками римского быта, поддавшегося греческому влиянию, чем греческого.

Рис. 12

Одежда

Изобразительное искусство египтян и ассирийцев не пошло далее отработки условных форм выражения. Искусство персов, хоть и обнаруживало некоторое стремление к естественности, тоже не могло освободиться от свойственного ему схематизма.

Напротив, хронологическое обозрение памятников греческого искусства представляет нам вполне согласное с общим ходом греческой культуры постепенное развитие этого древнейшего способа выражать мысли с помощью образов, совершенствуя их до уровня высших художественных идеалов.

Такое отношение греческого искусства к действительности необходимо иметь в виду и при изучении изображаемых им предметов, в том числе одежды. Ни древние произведения греческого искусства, по стилю близкие к египетским и ассирийским, ни более поздние не передают действительности.

В первых она изображена примитивно, в последних — слишком ярко. Первые ее искажают, последние идеализируют. Истинное, реальное воспроизведение действительности следует искать в произведениях, связывающих эти две крайние грани греческого искусства.

Изваяния и сосудная живопись все-таки несут на себе отпечаток того или другого направления, а потому также представляют предметы не такими, какими они действительно были и использовались в обиходе, а более изящными. При этом не надо упускать из виду и той тесной связи между искусством и жизнью, которая существовала в Греции преимущественно в эпоху ее процветания.

Рис. 13.

С одной стороны, по мере развития искусства все бытовые отношения облагораживались привнесением в них художественного элемента, с другой — выставленные публично изваяния развивали эстетическое чувство народа, а образованной его части служили и образцами изящной манеры носить одежду, располагать ее складки и т. п.

Из сравнения представленной на памятниках искусства одежды с описаниями у Гомера можно сделать вывод, что костюм малоазиатских греков времен Гомера был не хуже, чем костюм европейских.

Сравнивая изображения одежды, мы находим, что в целом греческий костюм оставался почти неизменным до самого падения Греции, трансформируясь только в отдельных элементах, в покрое, отделке и украшениях, которые становились изящнее по мере развития в народе художественного чувства.

Сходство описанного Гомером костюма с позднейшим ионийским (аттическим) дает основания предполагать, что последний был в употреблении у эолийских и ахейских племен Пелопоннеса задолго до появления дорийцев.

Неизвестно, был ли он заимствован этими племенами из Малой Азии. Можно лишь утверждать, что в эту раннюю пору своего развития они также испытывали на себе восточное влияние наравне с другими племенами.

Поселение дорийцев в Пелопоннесе дало другое направление развитию ахейской культуры. Дорийская простота и суровость нравов не сочетались с изнеженностью ионийцев и их склонностью к восточной роскоши.

Борьба этих двух противоположностей имела определяющее влияние на развитие греческой одежды вообще и ионической в особенности. Суровый образ жизни дорийцев, особенно спартанцев, строго следовавших законам Ликурга, повлиял и на ионийцев (преимущественно на афинян) в том отношении, что они постепенно отошли от восточной изнеженности и заменили свою прежнюю одежду более простой.

Но благодаря своей подвижной, впечатлительной и художественной натуре они и из простой одежды с течением времени сумели сделать нечто большее, чем предмет обихода.

Рис. 14.

Аттическая одежда разделила судьбу греческого искусства. Вместе с постепенным упадком искусства после Перикла она тоже стала постепенно меняться, а ее простая красота вырождаться.

Эта перемена медленно назревала уже при Перикле, главным образом под влиянием частых контактов с такими центрами торговли, как Коринф, а во время Пелопоннесской войны и после нее даже Спарта сменила свою простую национальную одежду на пышный ионийский костюм.

После блистательного царствования Александра и войн с Востоком азиатская роскошь заняла господствующее положение в моде.

Греческая одежда состояла из двух главных частей: нижнего одеяния наподобие

рубашки и накидки или плаща. Ни рубашка, ни накидка не выкраивались, а изготавливались из цельной ткани, имевшей форму продолговатого четырехугольника.

Все изменения, которым подвергалась греческая одежда, касались только ее украшений, материала, размеров, но способ изготовления ее оставался все тот же от самых древнейших времен до самых поздних.

Материал, из которого делалась одежда — шерсть и лен, — уже в гомеровское время был местного происхождения, а также привозился из колоний и с островов.

Шерстяные ткани Аттики высоко ценились из-за своего качества, но особенной известностью пользовались шерстяные изделия Самоса и Милета и полупрозрачные ткани с островов Кос и Аморгос. Впоследствии, с развитием торговли, стали применяться хлопчатобумажные и другие ткани, в большом изобилии привозившиеся в Афины, Коринф и другие торговые центры.

Рис. 15.

Из всей массы роскошных изделий, отовсюду, даже из Индии, стекавшихся в Грецию, самыми ценными считались: узорчатая персидская материя, финикийские пурпурные одежды (известные уже Гомеру), сирийские шелковые ткани, привозившиеся в виде готовых одежд.

Пока по старинному азиатскому обычаю носили одежду только домашнего изготовления, она, конечно, не могла подвергаться значительным изменениям. Но когда ткацкое ремесло получило самостоятельное развитие как отрасль промышленности и особенно когда оно достигло такой степени совершенства, как на островах Кос и Аморгос, начала развиваться и домашняя выделка одежды. Оставляя неизменным старый покрой одежды, для нее стали выделывать более разнообразные ткани, используя как образец знаменитые ткацкие изделия.

Вследствие этого одежда стала наряднее, чему, вероятно, способствовали и красильщики, которые начали раскрашивать материи узорами, притом, судя по рисункам на вазах, в азиатском стиле.

Хотя белые полотняные и шерстяные одежды продолжали считаться самыми престижными у европейских греков, тем не менее и они полюбили пестрые материи, клетчатые, с мелкими узорами и т. п.

Это положило начало особому искусству отделки одежды рисованными, вытканными, вышитыми или нашитыми орнаментами. Развиваясь вместе с усовершенствованием эстетического вкуса, это искусство постепенно отошло от своих прежних азиатских образцов и затмило их самостоятельно изобретенными изящными формами орнамента.

Такие орнаменты в виде узких оторочек на подоле, рукавах, вороте (рис. 12, а — л) были приняты даже высшими классами, когда те носили только белые одежды. Но когда вошли в моду тяжелые, дорогие материи и одежда больших размеров, масса ее складок увеличилась, изменился и прежний характер орнаментов: они стали тяжелее, шире, массивнее.

Все это относится скорее к ионийско-аттическому, чем к дорическому костюму. Прежде чем Спарта изменила древним Ликурговым постановлениям, ткацкое ремесло ограничивалось в ней изготовлением довольно грубых тканей из местной шер-

сти, а красивое — исключительно употреблением кокусовой и темно-пурпурной краски, известной также и афинянам.

Но и эта одноцветная одежда, несмотря на известность, которой она пользовалась за границей, служила у суровых спартанцев только воинским нарядом. Они одевались в шерстяные ткани натурального цвета, какими те снимались с ткацкого станка.

Рис. 16.

Эта крайняя простота и составляла главное отличие дорического костюма от ионического. Ионийцы, верные своим первоначальным восточным привычкам, любили длинные, богатые складками одежды и носили их вплоть до VI в. до н. э. и даже во время персидских войн.

Дорийцы же больше думали не о том, какой одеждой прикрыть свое тело, а о том, как укрепить и развить его. Они систематически занимались гимнастикой, заботились о телесной красоте и гармонии движений, это доставляло им эстетическое наслаждение. Забота о своем теле поддерживала в них привычку ходить нагими.

Ионийцы тоже занимались гимнастическими упражнениями, но эти занятия никогда не приобретали у них такого национально-политического значения, как у спартанцев.

У ионийцев, как и у дорийцев, не считалось зазорным показаться нагишом, однако их понятия о нравственности несколько отличались. Тогда как в Афинах даже в искусстве долго оставалось не принятым изображать развитое женское тело без одежды, а гимнастике в общественных гимназиях обучали только мужчин, в Спарте вся молодежь без различия пола собиралась вместе для гимнастических упражнений.

Рис. 17.

Сообразно с эстетическими взглядами дорийцев на красивое человеческое тело как на предмет, прекрасный сам по себе и потому не нуждающийся в искусственном украшении, а также из-за обычая закаляться с детства дорийская одежда обоих полов была крайне проста и служила для необходимого прикрытия тела, а не для укра-

шения. Как вообще одежда всех древних народов, она состояла из двух частей: рубашки, надевавшейся прямо на тело, и накидки или плаща, набрасывавшегося сверху.

Мужчины, преимущественно свободные спартанцы, довольствовались только плащом или накидкой (гиматием), т. е. четырехугольным куском ткани, который они накидывали себе на спину так, что левый верхний конец его спускался через левое плечо на грудь, а правый проходил под правой подмышкой наперед и закидывался за спину опять через левое плечо.

Иногда гиматий надевался на оба плеча. По древнейшим скульптурам видно, что старинный гиматий был узким и коротким, он плотно прилегал к телу сзади и едва доходил до колен (рис. 13).

В такой форме он сохранился до позднейшего времени как одежда спартанской молодежи под различными, имевшими отношение к качеству ткани, названиями: трибон, трибонион и др.

Такой гиматий мог иметь некоторое общее сходство с плащом современных арабов. Иногда гиматий надевали другим образом: четырехугольный кусок ткани складывали вдвое и, пропустив ее под правую или левую руку, застегивали на противоположном плече пряжкой (рис. 14, 15).

Мужская нижняя одежда или рубашка (хитон) была не что иное, как сложенный вдвое четырехугольный кусок ткани с прорезью для руки на сгибе и сшитый или сцепленный застежками, шнурками и т. и. на противоположной стороне, где тоже оставалось отверстие для руки.

Верхние края хитона скреплялись на обоих плечах пряжками или застежками, а на талии он схватывался поясом. Греческий хитон отличался от нижней одежды восточных народов тем, что был гораздо короче, а старинный — еще и тем, что вовсе не имел рукавов (рис. 15).

Рукава были введены у дорийцев позднее, они переняли их у своих восточных соседей вместе с полотняной одеждой, а это не могло случиться ранее их войн с персами (394 г. до н. э.). В Аттике длинные, до кисти, рукава хитонов вошли в моду только в период увлечения роскошью.

Хитоны с короткими рукавами были известны ионийцам и ахеянам издавна и могли сохраниться как остаток древнейшей одежды среди покоренного дорийцами населения Пелопоннеса — периеков и илотов. Одежда илотов походила на одежду низших классов всей Греции, следовательно и Аттики.

Кроме описанного старинного и чисто национального гиматия, спартанцы носили еще и другие накидки или плащи, заимствованные ими, вероятно, у афинян.

Из них особенно замечателен короткий плащ, встречающийся, впрочем, у всех североευропейских кельтских и германских племен, называвшийся у греков хламидой.

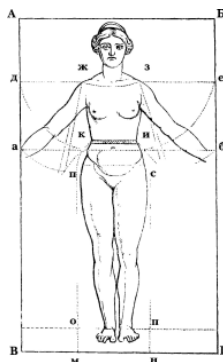

Рис. 18.

Одежда дорийских женщин мало отличалась от мужской. Она тоже состояла из верхней и нижней, но, тогда как юноши носили преимущественно только верхнюю

одежду — гиматий, девушки предпочитали хитон. В простейшей форме женский хитон был очень похож на мужской и только в особенных случаях, например при гимнастических упражнениях и борьбе, отличался тем, что его для свободы движений спускали с одного плеча и подпоясывали повыше (рис. 16, а, б).

Ношение длинных и широких, спускавшихся до ног хитонов не было запрещено девушкам, но встречалось у них реже, чем у замужних немолодых женщин. Для таких хитонов типичными были две формы: либо точная копия мужского, но с двойным отворотом, образовывавшимся из излишка ткани, который откидывался на грудь и спину (рис. 17), либо же с выпуском в виде закрытого (сшитого) длинного и широкого платья со множеством складок.

Для последнего рода хитонов брали четырехугольный кусок ткани, как и для простого хитона, но более длинный и широкий (рис. 18), складывали его по длине вдвое и сшивали сверху донизу, так что обе его продольные стороны (АВ и БГ) были сплошные и надевать его нужно было через голову. Одеваясь, сначала откидывали верхний край (Ад Бе) в виде отворота наружу (адбе), потом собирали его складками и сцепляли переднюю и заднюю его половину пряжкой на каждом плече.

Таким образом, с обеих сторон оставались отверстия для рук (жк и зи). Висящую на плечах массу ткани собирали вокруг тела в складки и схватывали на талии поясом (ки). Волочившийся остаток одежды (опмн) вытягивали из пояса кверху настолько, чтобы открылась ступня, и потом отпускали, отчего вокруг всей талии делался буф (кипс), который назывался колпос (рис. 19, а).

Рис. 19, а.

Рис. 19, б.

Плащ дорийских женщин был похож на мужской и поэтому часто служил как мужчинам, так и женщинам.

Одежда ионийского населения, несмотря на все изменения, сохраняла свой старинный (ахейский) характер и поэтому больше походила на одежду азиатских народов, чем на дорическую.

Ионийские женщины, пользовавшиеся гораздо меньшей свободой, чем дорийские, поддерживали старинную восточную традицию прятать все тело. Любопытно, что и мужчины носили закрывающую тело одежду.

Правда, они почти отказались от своей длинной, похожей на женскую, нижней (полотняной) и верхней (шерстяной) одежды (рис. 20), а со времени Пелопоннесской войны и вплоть до того, как к ним пришла азиатская роскошь, одевались по-древнеэллинически, однако всегда любили одежду, драпирующуюся множеством складок, и

предпочитали носить хитон, а поверх него плащ. Отсутствие нижней одежды считалось у них признаком бедности.

Во всем остальном ионийская мужская одежда не отличалась от дорической ни внешним видом, ни способом ношения. Разве что хитон, кроме рукавов, отличался от дорического еще и тем, что делался до конца персидских войн из льняной ткани (см. рис. 20).

Рис. 20.

Для плаща, одевая который, знатные афиняне особенно заботились об артистическом расположении складок, выбирали, как правило, тонкие милетские шерстяные ткани.

Древние законы приличия требовали, чтобы эта одежда доходила до икры ноги или до колена (рис. 20), а позднейший обычай (уже во времена Перикла) удлинил ее до того, что ее конец волочился по земле (рис. 21, а— в). Но так как с увеличением объема одежды становилось все труднее драпироваться, то упражнение в этом искусстве составляло существенную часть воспитания.

Рис. 21.

К тому же благопристойность требовала (как в Спарте, так и в Афинах), чтобы в спокойном положении обе руки были под одеждой (рис. 21, а), а при движении правая рука закрыта.

Для этого греки пришивали к углам одежды небольшие, обтянутые тканью гирьки. От этого накинутая на плечи материя не только ниспадала свободными и упругими складками, но и яснее обрисовывала формы тела.

Хламида, о которой мы говорили выше, впервые упоминается Сафо (около 600 г до н. э.). Она была северного происхождения (македоно-фессалийского) и введена сначала афинянами, у которых ее заимствовали впоследствии и спартанцы.

Ее носили преимущественно юноши, которые, судя по памятникам времен процветания греческого искусства, на торжественных играх ничего больше и не надевали. В форме простой продолговатой накидки она не доходила и до колен (рис. 22, а), а при большем объеме, когда использовалась в виде дорожного плаща, она опускалась до ступни (рис. 22, в).

Должно быть, хламида сохранила эту первоначальную продолговато-четырёхугольную форму до позднейших времен, потому что фасон военного плаща древних был таким же. Кроме того, можно предположить, что в период роскоши именно эта одежда послужила образцом для других видов плащей, которые носили вместе с хитоном уже не ради защиты от непогоды, а как наряд (рис. 22, б).

Рис. 22.

Очень вероятно, что, помимо простой хламиды, носили широкие плащи, вытканые в форме отрезка круга или удлиненного овала, притом так, что края такого плаща должны были сами собой образовывать красивую волнистую линию.

От подобных незначительных различий в размерах, форме, отделке могли зависеть и названия одежды, точное объяснение которых теперь стало невозможным.

Некоторые названия указывали на материал, из которого делалась одежда. Так, например, гомеровская хлена означала гиматий из толстой мохнатой шерсти, служивший теплым зимним одеянием; хланисом называлось летнее платье из легких тканей тонкой милетской шерсти. То же самое можно сказать и о ледионе или леда-рионе. Хитон, из которого делали эту одежду, менял название в зависимости от ткани.

Рис. 23.

Женская одежда также имела множество названий, обозначавшие ее различные видоизменения, хотя основные элементы не менялись. Так, неизменным был хитон. По свидетельству Геродота (V, 87, 88), в старину ионийские женщины носили одежду дорийскую, очень похожую на коринфскую, но заменили ее полотняным одеянием без застежек на плечах (следовательно, с рукавами).

Эта одежда была, однако, не ионийского, а карийского происхождения, так как в древности все греческие женщины одевались одинаково и носили одежду, которую впоследствии (при Геродоте) называли дорийской.

Этот геродотовский (карийско-ионийский) женский хитон был сродни очень широкой полотняной рубашке с широкими мешкоподобными рукавами и такой длиной, что ее нужно было подпоясывать два раза (рис. 23; ср. рис. 20). А поскольку такие же хитоны малоазиатские гречанки носили с незапамятных времен, то малоазиатское происхождение ионийского хитона очевидно.

Рис. 24.

Дальнейшие изменения этой одежды происходили, вероятно, таким образом. Сначала рукава ее стали разрезать сверху и застегивать на плечах пряжками, а потом и совсем их убрали (рис. 24), получив таким образом одежду, занимавшую как бы промежуточное положение между ионийским и длинным дорийским хитоном.

Впоследствии у дорийцев был заимствован настоящий дорийский хитон (открытый с одной стороны или сплошной) (рис. 24 и 25).

Рис. 25.

Но и дорийский хитон подвергся различным переделкам, в которых главную роль играл его отворот, о котором было сказано выше. Его то различным образом перепоясывали (рис. 25; рис. 28), то удлиняли на боках, заставляя спускаться вдоль бедер волнообразной складкой, то превращали в самостоятельную часть одежды, т. е. надевали поверх хитона короткую накидку, закрывавшую грудь и спину (рис. 26; рис. 27) и спускавшуюся вдоль бедер извилистыми складками.

Рис. 26.

Иногда края этой накидки на плечах и вдоль руки связывали завязками или застегивали крючками, от чего образовывались фальшивые рукава (рис. 27).

В дальнейшем эта одежда приняла форму безрукавной кофты, застегивавшейся на плечах пряжками, иногда она была разрезана с обеих сторон и застегивалась на пуговицы или просто обхватывалась поясом.

Обычно носили один хитон, но иногда надевали и два хитона, один на другой, причем нижний, надетый прямо на тело, был обшит фальбалой, которая выпускалась наружу (рис. 27).

Рис. 27.

Короткие безрукавные хитоны из прозрачной ткани, с прорезью для одной руки, так что другая рука с плечом и часть груди оставались открытыми, были принадлежностью домашнего туалета, хотя в них иногда показывались и вне дома.

Кроме гиматия, ничем не отличавшегося от мужского (рис. 28, а), ионийские женщины носили и накидки наподобие мантилий или шалей (рис. 29; рис. 30).

Что касается цвета женской одежды, то хоть белый цвет и считался самым изысканным, однако носили не только хитоны, но и гиматии желтого, коричневого, зеленого, голубого, красного и пурпурного цвета. Также было в моде надевать хитон одного цвета, а гиматии другого. Украшения допускались как на хитоне, так и на гиматии, но очень умеренные, в виде простых и узорчатых каемок, одинарных и двойных. Узорчатая или испещренная украшениями одежда составляла редкое исключение.

Мужчины в Греции покрывали себе голову только для защиты от дождя и солнца, например в дороге или в театре во время длинных, продолжавшихся в течение дня представлений. Женщины надевали головной убор исключительно для наряда.

Иначе было с обувью. Хоть она тоже считалась принадлежностью нарядной одежды, ее надевали для предохранения ног как мужчины, так и женщины (особенно в Аттике).

Мужчины носили шляпы и шапки.

Низкая широкополая шляпа из войлока, заимствованная греками у фессалийцев и македонян одновременно с хламидой, называлась каузия.

Та же шляпа с круглой низкой тульей и с очень широкими, загнутыми кверху, или с узкими дугообразно вырезанными полями использовалась в дороге, на охоте и солдатами (рис. 22, а, в). Эта шляпа называлась петас.

Сельские жители носили войлочные шляпы с завернутыми кверху или опущенными вниз мягкими полями (рис. 35, в), моряки и рабочие покрывали голову яйцеобразными шапками, соломенными, кожаными или войлочными. Такие же шапки, но из лучшего материала, были головным убором больных (рис. 15; рис. 35, а).

Цвет шляп и шапок был натуральным цветом войлока, из которого они были сделаны. Иногда шляпы красили в красный и другие цвета или украшали цветной каймой.

Самой распространенной обувью у мужчин были известные с незапамятных времен на Востоке и в Египте сандалии. Изначально никакой другой обуви, кроме простых сандалий, не существовало. У Гомера упоминаются только сандалии, но впоследствии, с развитием промышленности, появилась красивая разнообразная обувь.

Рис. 28.

Даже в суровой Лаконии изготовление обуви было доведено до совершенства, так как афиняне, у которых красивая, ловко обтягивающая ногу обувь считалась одним из признаков благовоспитанности, ставили мужские башмаки лаконского изготовления наряду со знаменитыми произведениями амиклейских, аргосских, родосских и сикионских башмачников.

В процессе постепенного превращения простых сандалий в башмаки и полусапожки появилось несколько видов обуви, из которых каждый носил особое название

в зависимости от цвета, материи и формы.

Простая подошва, подвязанная ремнем, была обыкновенной обувью для дома и выхода; сандалии, тоже прикреплявшиеся к ноге ремнями, были наряднее: их надевали, отправляясь в гости или на общественные собрания.

Башмаки были двух видов: низкие, закрывавшие только ступню (рис. 31, а), и высокие, заходящие за лодыжку (рис. 31, в). К этому же разряду обуви принадлежали и часто упоминаемые крепидис и эндромидис. Первые были нередко подбиты гвоздями. Высокие сапоги (рис. 31, г), похожие на ассирийские, были преимущественно обувью охотников и путешественников и надевались поверх чулок. Впрочем, простолюдины, пастухи и т. и. тоже нередко носили высокую обувь (рис. 35, в).

Женщины (преимущественно в Аттике) покрывали себе голову сеткой, чехлом или платком, а для украшения носили на ней цветные ленты и обручи, прямые и вырезанные полумесяцем, кожаные (из позолоченной, раскрашенной и тисненой кожи) и металлические (из бронзы, золота, серебра).

Рис. 29.

Сетки были известны уже в гомеровское время. Они делались из шнурков (иногда золотых) и закрывали всю голову (рис. 40, в). Надевали их, ложась спать или когда волосы еще не были причесаны, но также носили и вне дома.

Чехол, или мешок, был просто платком (нередко пестрым), которым повязывали или всю голову, или только одну косу (рис. 32, ж, з, к; ср. рис. 28, б; рис. 29). Иногда вместо таких повязок носили колпаки с кисточкой (рис. 32, м) или накидывали на голову покрывало, закрывавшее только заднюю часть головы (рис. 32, д), но не лицо.

Прозрачное покрывало, прикреплявшееся к косе, было принадлежностью костюма замужних женщин. О нем упоминается у Гомера (Ил., XVII, 382; XXII, 469).

Рис. 30.

Из головных украшений обручи или диадемы первоначально носили только лица, приближенные к царю. Они назывались стефаны и надевались на лоб, соединяясь концами с другим обручем, охватывавшим заднюю часть головы и называвшимся сфендоне (рис. 32, г, д; ср. рис. 19; рис. 28, в, г). От них отличалось и формой, и названием полос металлическое украшение, поднимавшееся полукружьем вокруг головы.

Обувь женщин была наряднее мужской, она была цветной и с металлическими украшениями. Особенно славились башмаки лидийские и тирренские, вошедшие в моду около 450 г. до н. э., богато украшенными были котурны на высокой подошве.

Не менее роскошны были и женские сандалии, названные Гомером «ярко блестящими» и «золотыми» (Ил., XXV, 175; XXIV 341; Од., I, 97). Их делали из мягкой кожи пурпурного цвета и выстилали пробкой. К ноге их крепили ремнями, которых было пять на каждой сандалие: один спереди и по два сбоку. Передний ремень, пропустив между большим и вторым пальцем, соединяли с боковыми с помощью пряжки, часто имевшей форму листа (ср. рис. 40, в, г). Женские сандалии зашнуровывались иногда так же высоко, как и мужские.

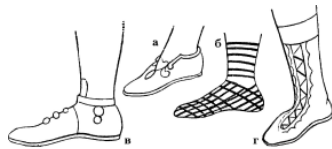

Рис. 31.

Украшения

Украшения были у греков исключительной принадлежностью только женского наряда, поскольку всякое излишнее убранство считалось неприличным для мужчины как признак изнеженности и женоподобия.

У спартанцев мужчинам носить украшения запрещалось законом.

В старину все заботы о своей внешности у мужчин ограничивались только тем, что они ежедневно мылись в холодной или теплой воде и ухаживали за волосами. Как в Афинах, так и в Спарте, и вообще в Греции густые длинные волосы и борода (по крайней мере у афинян, спартанцы иногда брили себе усы) всегда считались лучшим украшением свободного мужчины, а короткие волосы, напротив, указывали на низкое происхождение. С македонского времени постепенно стало обычаем брить бороду, а волосы коротко стричь или завивать в мелкие кудри.

Мужчины носили трости и перстни. У спартанцев в качестве тростей использовались простые посохи, у афинян они были более изысканными, с красивыми набалдашниками (рис. 21, б, в; ср рис. 22, б). Позже трости вышли из употребления, по крайней мере в высшем обществе. Перстни, служившие первоначально вместо печати, превратились вскоре в предмет роскоши. Вместо одного перстня, как было прежде, их стали носить по несколько на каждой руке. Перстни были золотые и серебряные с резными камнями. В Спарте носили только железные перстни.

Женщины натирали себе кожу и волосы благовонными маслами и эссенциями, кроме того, пользовались (особенно гетеры) белилами, румянами и сурьмой — средствами, завезенными в Грецию с Востока. Гетеры даже разрисовывали себе руки на манер фракийских женщин, хотя это встречалось крайне редко.

Рис. 32.

Прическа греческих женщин всегда сохраняла одну особенность: оставлять лоб как можно менее открытым. Замужние женщины обычно носили какой-либо из вы-

шеописанных головных уборов (рис. 32), в противном же случае просто зачесывали все волосы назад и связывали на затылке в пучок, завивали их в локоны или заплетали в косы и обвивали ими голову спирально (ср. рис. 16, а, б; рис. 17, рис. 23; рис. 24; рис. 27; рис. 28, а).

Тщательный уход за внешностью греческим женщинам вменялся в обязанность. Те из них, кто считались некрасивыми, должны были восполнить свой недостаток искусственными средствами. Первоначально эти средства были очень незамысловаты и немногочисленны, но впоследствии они усложнились и их стало намного больше.

Чтобы талия как можно дольше оставалась тонкой, применяли широкий пояс наподобие корсета. О своднях говорится (Афин., XIII, 23), что они «набирают новых девушек и в короткое время переделывают их так, что и узнать их нельзя. Которая мала ростом, той выстилают башмаки пробкой, которая высока, той дают башмаки на тонких подошвах и заставляют ее ходить, опустив голову; от этого ее рост кажется ниже. Тоци ли у нее бедра — недостающее восполняется подушками, и всякий, видя ее, любитесь полнотой бедер. Выдается ли слишком у нее живот, ей подкладывают поддельные груди, какие носят актеры, и дело исправлено. У кого рыжие брови, сажа превращает их в черные, у кого кожа смугла, той помогают белила, а слишком бледной — киноварь. Особенно красивые части тела с умыслом обнажают, и, если у нее прекрасные зубы, она должна смеяться и кстати, и некстати, чтобы люди могли любоваться ее красивым ртом».

Женские драгоценности, которые греки называли «золотыми вещами», оставались неизменными со времен Гомера, за исключением колец, которые начали носить довольно поздно.

Упомянутые Гомером браслеты, булавки для волос, цепочки, ожерелья из золота и электрона (сплава золота с серебром) и золотые шейные цепи не выходили из употребления и в последующее время, но их форма и отделка стали совершеннее.

Кольца превратились в дорогие перстни, украшенные драгоценными камнями или янтарем. Их стали носить даже мужчины, и притом по несколько штук на каждой руке. Руки украшали браслетами и обручами, обычно в виде извивающейся змеи (рис. 33, г), на ногах тоже иногда носили браслеты.

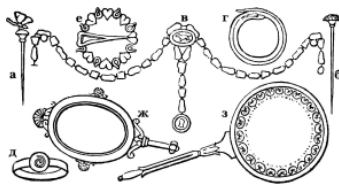

Рис. 33.

Серьгам придавали форму падающей капли и иногда прикрепляли к ним подвески из жемчуга, золотых и серебряных кружочков. Очень красиво отделялись также и головные булавки, золотые и бронзовые (рис. 33, а, б).

Но самым изящным и дорогим убором было ожерелье. Иногда оно состояло из простой цепочки или тонкого обруча, но в таком случае его украшали драгоценными камнями и жемчужными подвесками.

Застежки для платья делались в виде пряжек (рис. 33, е) или в виде простых шпилек. Агривянки и эгинетки, в отличие от афинянок, носили такие застежки огромного размера.

К драгоценностям можно причислить и другие принадлежности туалета: металлические зеркала (рис. 33, ж, з), металлические и костяные гребни, опахала, зонтики. Опахала делались из цветных перьев либо имели вид листьев и были раскрашены (рис. 34, б). Зонтики сохранили свою восточную форму и могли раскрываться и закрываться (рис. 34).

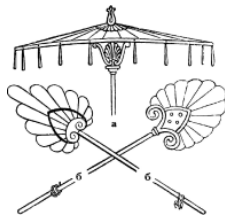

Рис. 34.

Относительно значения одежды как внешнего признака звания и сана следует заметить, что в Афинах, где каждый мог одеваться, следуя своему личному вкусу, высшее общество руководствовалось в выборе одежды требованиями приличия.

Иначе обстояло дело в Спарте, где весь образ жизни граждан определялся предписаниями закона. Хотя и спартанцы измеряли степень образованности человека его умением накидывать плащ, а входить в дом с опущенной головой и держать руки под плащом считалось у них признаком хорошего воспитания, но такого подробного устава, касающегося моды, какой выработали себе афиняне, в Спарте не было и в позднейшее время.

Если в Афинах распространение роскоши (по окончании Пелопоннесской войны) и вызвало протест со стороны образованных людей, которые стали одеваться по древнеспартанскому обычаю (носить трибон и т. д.), то еще больше появилось там щеголей, которые расхаживали по улицам и площадям завитые и надушенные, одетые в богатые одежды, держа в руках букет или флакон с духами.

Иных, например врачей, заставлял заботиться о чистоте и приличии одежды род их занятий, другие по той же причине должны были одеваться определенным образом, например педагоги, наблюдавшие за воспитанием детей. Они носили поверх хитона короткий застегнутый спереди плащ, высокие сапоги и длинный загнутый посох.

Точно так же отличались своим костюмом софисты и их ученики, одевавшиеся обычно крайне бедно, не без некоторого хвастливого цинизма выставляя напоказ свои рубища. Немало было в Афинах и настоящих бедняков, но эти не носили никакой особенной одежды, а и в позднейшее время одевались в такие же лохмотья, как и при Гомере (Од., XVII, 1; XIII, 431).

Очень бедно одевались в Греции ремесленники, чернорабочие, в особенности те из них, которые не были полноправными гражданами. Их одежда подлежала даже законодательным ограничениям. В демократических Афинах эти ограничения касались только чужестранцев и иноземных рабов, в Спарте они распространялись и на местных жителей недорийского происхождения, то есть на периеков и илотов, составлявших земледельческое и рабочее население Лакедемона.

Об илотах известно, что они долго сохраняли свою старинную одежду из овчины и кожаную шапку. Такую же одежду носили земледельцы Мегары и коренные жители Аркадии. Фессалийские и македонские племена носили хламиду и петас, этолийцы отличались высокими башмаками и хитонами из шкур или выделанной кожи.

Рис. 35.

Обычной одеждой городского населения был хитон из толстой шерстяной мате-

рии. Он делался без рукавов (рис. 15), с короткими рукавами (рис. 35, в) или с одним рукавом (рис. 35, б). Матросы и рабы носили безрукавные хитоны, оставлявшие правую часть груди открытой и, кроме того, обязаны были брить бороду и коротко стричься. Во время работы иногда заменяли хитон передником (рис. 36) или работали нагишом.

Что касается женщин низших классов — служанок, рабынь и т. д., то их одежда ничем не отличалась от обыкновенной женской, кроме того, что была несколько проще.

Гетеры, флейтистки и танцовщицы одевались в роскошные одежды из прозрачных коринфских и аморгийских тканей самых ярких цветов. К таким одеждам принадлежал длинный, переходящий в шлейф тарантинидион (рис. 37; рис. 38).

Обрядовое значение одежды как условного внешнего отличительного признака в частной, религиозной и общественной жизни было различным у дорийцев и ионийцев. Это обуславливалось отчасти обычаями обоих племен, отчасти их политическим положением.

Рис. 36.

Уже в семейной жизни заметна разница между ионийскими и дорийскими обычаями. В Афинах дитя по закону принадлежало родителям, в Спарте, напротив, оно становилось собственностью государства. Потому афиняне могли воспитывать своих детей по собственному усмотрению, в Спарте же система воспитания определялась законами Ликурга и была основана главным образом на укреплении тела и приучении его к лишениям.

Спартанский и афинский методы воспитания отличались уже с самого рождения ребенка. Омыв новорожденного, в Спарте его оставляли нагим, а в Афинах заворачивали во что-нибудь теплое. Не умеющих еще ходить детей у афинян держали в небольшом корытце и качали в колыбели (ср. рис. 39, а).

Пока дети оставались при матери (обычно до шести лет), у афинян они ходили в рубашке, а у спартанцев в одной накидке (рис. 39, б). Для предохранения от всякой порчи на детей сразу же после рождения надевали амулеты. Забавляли их разными играми и игрушками, за шалости били подошвой, прутом или ремнем.

В Афинах девочек на пятом (иногда на десятом) году жизни посвящали богине Артемиде. С этого момента их называли «медведицами», они должны были носить одежду шафранного цвета, сидеть дома почти безвыходно и заниматься хозяйством.

Так как спартанское воспитание предполагало главным образом укрепление тела и приучение переносить всякие лишения и даже физическую боль, то спартанские мальчики по заведенному обычаю подвергались ежегодно на празднике Орфии жестокому бичеванию перед алтарем Артемиды. Они должны были одеваться только в один грибон (накидку) и ходить босиком даже зимой. Афинские мальчики носили хитон и ходили обутыми.

Афинский мальчик, достигнув 18 лет, становился эфебом. Тогда ему остригали волосы и надевали на него хламиду, которая была главной и единственной одеждой молодых людей. Отбыв государственную службу и приобретя права свободного гражданина, молодой человек мог уже думать о женитьбе.

При затворнической жизни женщин, особенно строго соблюдавшейся в Афинах,

молодые люди были лишены женского общества и проводили время, собираясь в палестрах, банях и других общественных местах. Они любили также устраивать пиры и попойки, как правило, в складчину. Пирь богатой молодежи бывали очень роскошны и проходили по довольно торжественному церемониалу.

Рис. 37.

Приглашенные являлись на пир в праздничных одеждах, предварительно вымывшись в бане и умастившись благовониями. Возлежать за столом в сандалиях считалось неприличным, поэтому перед началом пира являлись рабы и разували гостей, затем слуга дома, где давался пир, подавал им воду для омовения рук (а иногда и ног).

Во время обеда каждый располагался как ему было удобнее и выбирал из поданого то, что находил себе больше по вкусу. По традиции, сохранившейся со времен Гомера, кушанье брали с блюда пальцами, но уже не голыми, а в специальных перчатках.

Рис. 38.

После трапезы опять разносили воду, смешанную с душистыми мылистыми веществами. Затем гости надевали на голову венки, рабы приносили вино и начиналась собственно пирушка, или симпозион. Венки обычно сплетали из мирта, фиалок, плюща, листьев серебристого тополя, роз и разных цветов.

Венки из роз считались самыми изысканными. Иногда гирляндами из цветов обвивали себе грудь, руки и даже ноги. Вино всегда пили разбавленным. Затем вошло в обычай для увеселения пирующих приглашать на симпозионы гетер, флейтисток, танцовщиц, отчего пиры нередко переходили в оргии, продолжавшиеся до утра.

Полной противоположностью этим афинским симпозионам были введенные Ликургом спартанские сисситии (фидитии), или общественные обеды, в которых обязаны были участвовать все граждане, начиная с восемнадцатилетнего возраста. Обеды эти отличались такой же простотой, как и вообще весь установленный законом образ жизни спартанцев, и, естественно, никогда не переходили в пиршества.

Молодые спартанцы женились гораздо раньше афинян. Этому способствовали большая свобода, которой пользовались спартанские девушки по сравнению с афинскими, законодательные постановления, поощрявшие брак, и всеобщее презрение, которому подвергались старые холостяки.

Рис. 39.

Хотя брак заключался не иначе как с согласия родителей невесты, по стародавнему обычаю жених выкрадывал невесту из семьи (разумеется, с ведома последней) и скрывал у ее подруги. Там ей остригали волосы и, одев в мужское платье и башмаки, прятали в темной горнице, где она оставалась до тех пор, пока жених, поужинав за общим столом, не приходил к ней тайком, чтобы снять с нее пояс — символ девственности. Но и после этого молодые виделись лишь украдкой, и в дом своего мужа жена входила открыто лишь долгое время спустя после брака.

В Афинах обручение жениха и невесты сопровождалось жертвоприношениями покровителям брака — богам Зевсу и Гере. В Грезене, по старинному обычаю, обрученные девушки жертвовали храму Ипполита локон своих волос.

Днем молодые мылись в бане, а вечером в доме невесты устраивался пир, в котором участвовали и женщины, но отдельно от мужчин. Все гости были по-праздничному одеты и увенчаны цветами.

Невеста отличалась от прочих женщин длинным покрывалом и иногда цветным платьем. Костюм жениха был тоже очень наряден, в позднейшее время богатые афиняне в день своей свадьбы одевались в малоазиатско-ионическую одежду (см. рис. 40, б). Для гостей, однако, самыми приличными считались белые одежды, по крайней мере так было принято в высшем обществе.

Рис. 40.

После пира жених увозил невесту к себе. Закутанную в покрывало, ее сажали между женихом и дружкой на повозку, запряженную лошадьми, быками или мулами.

Впереди шли факельщики, сзади следовали гости. Мать невесты зажигала факел, и поезд трогался, сопровождаемый игрой на флейтах и пением гимнов в честь Гименея. Прибыв к дому новобрачного, сжигали дышло свадебной повозки. На другой день молодые принимали подарки, которые им приносили родственники и знакомые, процессию которых возглавлял одетый в белое мальчик с факелом. За ним шла девочка, несшая на голове корзинку с подарками.

Не менее четко определены были и погребальные обряды спартанцев и афинян.

По общему обычаю, умершему закрывали глаза и рот и покрывали лицо, потом тело омывали, натирали маслами, одевали в чистую одежду и, надев на голову венки, клали на постель.

У спартанцев все дальнейшие церемонии ограничивались лишь тем, что покойника заворачивали в кусок материи пурпурного цвета и, осыпав масличными и лавровыми листьями, предавали земле.

Конечно, и в Спарте не обходилось без плача и рыданий близких и друзей покойного, но не было такого обычая, как в Афинах, нанимать плакальщиц, начинавших

свои причитания в доме покойного уже у самой его постели.

Точно так же вместо афинского обыкновения устраивать погребальные процессии с нанятыми факельщиками, певцами, флейтистками и музыкантами, у спартанцев похороны проходили тихо и в присутствии только самых близких и друзей покойного.

Поминальные обряды, украшение могил ветвями и жертвоприношения в честь умерших, как и траурные одежды и обрезание волос в знак печали, были в обычае как у дорийцев, так и у ионийцев. Траурные одежды (названные у Гомера темноцветными (Ил., XXIV 93) были обычно серого или черного цвета (рис. 41, а, б); только в Аргосе было принято во время траура одеваться в белое.

Рис. 41.

Одежда в качестве отличительного признака сана и звания приобрела свое значение уже в самом раннем, патриархальном периоде греческой государственности. Хотя цари гомеровского времени были в глазах народа только слугами закона, исполнявшими обязанности главного судьи, военачальника и верховного жреца, а не неограниченными повелителями, как восточные монархи, тем не менее и у них были некоторые внешние отличия, которые, будучи символами их царской власти, считались священными.

Важнейшим из этих символов был скипетр (ранее посох или копье), символизировавший судебные обязанности царей, но иногда употребляли его и как орудие наказания, как видно на примере Одиссея, который, рассердившись на Терсита за дерзкие речи,

*Рек — и скиптром его по хребту и плечам он ударил,
Сжался Терсит, из очей его брызнули крупные слезы;
Вдруг по хребту полоса, под тяжестью скиптра золотого,
Вздунлась багровая: сел он, от страха дрожа; и, от боли,
Вид безобразный наморщив, слезы отер на ланитах.*

(Ил., 11, 265–269.)

Скипетры, золоченые или обитые маленькими золотыми гвоздиками, походили на древнеазиатские.

Другим атрибутом гомеровских царей была пурпурная мантия, украшенная обшивкой и золотыми застежками. Такую мантию носил «пастырь народов» Агамемнон (Ил., VIII, 221) и Одиссей (Од., XIX, 225).

Были ли у гомеровских царей венцы или головные повязки наподобие диадем, неизвестно. Известно лишь, что приближенные царей, вестники и жрецы носили скипетровидные посохи, а народные судьи — простые трости.

Все эти знаки царского достоинства сохранились и в позднейшую эпоху как наследие древних царских родов, но значение их изменялось в зависимости от того, при какой форме правления жило то или другое племя.

У дорийцев, строго придерживавшихся старых обычаев, царские атрибуты сохранили свою древнюю форму и почти не утратили первоначального священного характера. Одевание спартанских царей походило на одеяние гомеровских, которое в свою очередь, вероятно, мало отличалось от одеяния Зевса, как его обычно изображали в

скульптуре и живописи (см. рис. 42).

Рис. 42.

Несмотря на то что власть спартанских царей подлежала некоторым ограничениям, особенно во время мира, они пользовались высоким почетом уже из-за своего происхождения от Геракла.

В противоположность народному обычаю, их погребали с особой пышностью и чтили память повсеместным десятидневным трауром. Конные гонцы оповещали о смерти царя, рынки закрывались и посыпались соломой, а жители (по крайней мере хозяева домов) надевали траурные одежды, по улицам ходили плакальщицы, ударяя в медные тазы.

Со всей Лаконики собирали периеков и илотов и отправляли в Спарту, чтобы там публично оплакивать умершего. То же самое происходило и в том случае, когда царь умирал за пределами Лаконики, например когда погибал на войне. Труп его перевозили в Спарту, залит медом, или заменяли его изображением, если не было возможности овладеть телом убитого.

Правительственные лица Спарты — члены совета старцев или герузии (геронты), разделявшие с царем право решать государственные дела, и впоследствии эфоры, учрежденные для надзора и контроля за его исполнительной властью, несмотря на всю важность их роли, не имели никаких внешних отличий, как и остальные чиновники.

Если ко всему сказанному прибавить, что приговоренные к лишению гражданских прав (атимии) должны были ходить с выбритой наполовину головой и в дрянной, заплатанной одежде, то этим будут исчерпаны внешние отличия, которые выработались в Спарте под влиянием государственной жизни.

Иное значение, чем в Спарте, получили знаки царского достоинства в демократической Аттике. Представление о священности, которое соединялось с ними в гомеровское время, у дорийцев заменилось отношением к ним как к внешнему отличию людей знатного происхождения.

Только в тех случаях, когда какой-нибудь потомок древнего рода становился во главе народа, восставшего против аристократии, и захватывал в свои руки верховную власть (становился тираном), скипетр, мантия и венец появлялись снова, но и то лишь как принадлежность той пышной обстановки, которой любили окружать себя тираны, подражая в этом восточным монархам.

Их богатое облачение и послужило, вероятно, оригиналом для ионийских художников, изображавших на вазах Зевса в длинном узорчатом хитоне, с драгоценным поясом, в отороченном пурпуром гиматии, в красивых сандалиях, в диадеме и со скипетром в руке (рис. 43, а — в).

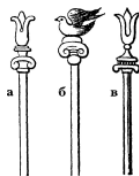

Рис. 43.

Впрочем, и сами демократические вожди афинян, кажется, не считали для себя излишней некоторую степень внешней представительности.

Ее допускали даже суровый Фемистокл и известный простотой своего образа жизни Перикл, не говоря уже об Алкивиаде и старшем Никни, роскошь которых не знала меры.

Даже самые высшие должностные лица в Афинах — архонты и члены учрежденного впоследствии Совета пятисот (пританы) — не имели никаких присвоенных их званию внешних отличий, кроме венка (у архонтов он был миртовый) и посоха.

Впрочем, венок был почетным отличием, которое мог получить каждый полноправный гражданин, а не исключительной привилегией государственных сановников. Венками награждали победителей в общественных играх и вообще людей, отличившихся какими-либо заслугами, а иногда (особенно в пору упадка) их подносили из лести народным любимцам и другим влиятельным лицам.

Венок служил символом, поэтому его надевали ораторы народных собраний и участники пирушек (рис. 44).

Рис. 44.

Посох остался принадлежностью судейского звания как символ правосудия. Посохи афинских судей были окрашены в красный или зеленый цвет.

Другие особенности одежды, появившиеся под влиянием юридических обычаев Аттики, относятся к области наказаний. Одна из них касалась граждан, виновных в непосещении народных собраний, и состояла в том, что их метили шнурком, намазанным суриком, причем они лишались платы, положенной за присутствие в собрании.

Прелюбодеев в Аттике выставляли к позорному столбу, на о. Крит увенчивали шерстяным венком, в других местах мужчин возили связанными на протяжении трех дней, а женщин одевали в прозрачное платье и выставляли на торговых площадях или возили на осле по улицам (в Кирене).

Трусов заставляли носить женское платье, доносчикам и обманщикам надевали венки из мирики (медвежья лапа). Поднявшему руку на своих родителей отрубали ее. Смертная казнь совершалась посредством удушения, отравления цикутой, обезглавливания или сбрасывания со скалы.

Иногда осужденных побивали камнями или морили голодом. Запрещение зарывать труп казненного в отечественной земле считалось усилением казни. Клеймение, распятие и пытка употреблялись только для наказания преступников-рабов.

Равным почетом с высшими государственными сановниками пользовались в Афинах и особенно в Спарте начальники гимназий — гимназиархи, которые в древнейшие времена исполняли также обязанности судей и жрецов. Они носили посох и пурпурную или окаймленную пурпуром одежду.

Вооружение

Сравнивая гомеровские описания вооружения с изображениями воинов на вазах, мы видим, что уже в гомеровское время были известны все атрибуты вооружения, существовавшие в Греции. То же можно сказать и о материалах, из которых изготовлялось вооружение, и о способе их обработки.

Известные малоазиатским грекам металлы — золото, серебро, железо, медь, олово и свинец, хотя и добывались в европейской Греции, но в очень небольшом количестве. Того немногого, что доставляли лаурийские серебряные рудники в Аттике, медные на острове Эвбея, железные и свинцовые в других местах, было недостаточно, и греки вынуждены были за всем недостающим обращаться к малоазиатским колониям.

Поэмы Гомера представляют многочисленные доказательства того, что малоазиатским грекам были в совершенстве известны все способы обработки металлов. Они умели их плавить, паять, клепать, полировать, умели составлять металлические сплавы — электрон (из золота и серебра) и, вероятно, бронзу (хотя прямых указаний на это у Гомера нет). Все нужные для работ по металлу приспособления и инструменты были доведены у них до совершенства: кузницы были снабжены хорошо устроенными плавильными печами, мехами, наковальнями, клещами и т. д.

В отделке вооружения европейские греки много заимствовали у малоазиатов; со временем изделия постепенно становились не только красивее и изящнее, но и удобнее.

По дошедшим до нас остаткам предметов вооружения, относящимся к различным периодам послегомеровской Греции, видно, что отделка их постепенно совершенствовалась по мере развития пластической обработки металла и что в изготовлении вооружения стали принимать участие лучшие художники.

Греческие доспехи изготавливались из цельных металлических листов, следовательно, чтобы быть удобными, должны были плотно подгоняться к телу, а это требовало развития искусства пластической обработки металла. Гомеровские доспехи были тяжелыми, неуклюжими и по стилю отличались от позднейших, дошедших до нас в изображениях и обломках.

Пластинчатые металлические доспехи были, вероятно, изобретены греками, так как ни у одного из древневосточных народов таких доспехов не было. Кольчатые и чешуйчатые доспехи также встречались в Греции, они использовались преимущественно аттическими воинами и очень изящно отделывались.

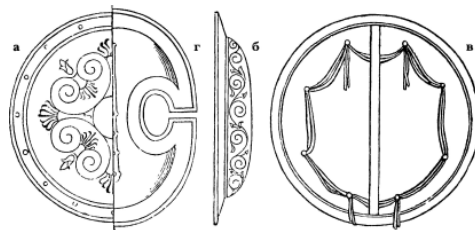

Рис. 45.

Все известные Гомеру формы щита: большой овальный, большой и малый круглые (рис. 45, а, б), с прикрепленными вокруг обода изнутри рукоятками (рис. 45, в), с украшениями на самом щите (рис. 46) — оставались неизменными в течение всего периода существования древнегреческих государств.

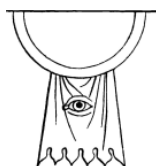

Рис. 46.

Даже материал и способ изготовления щитов остались теми же. Большие овальные щиты были 4,5 фута высотой и 2 фута шириной, маленькие круглые были не более 2 футов в диаметре.

Судя по рисункам на вазах, поверхность щитов расписывали фигурами, обычно на них изображали змей, скорпионов и т. п. или звезды. Это подтверждает и Эсхил («Семеро против Фив»), который пишет, что щиты иногда украшались колокольчиками или бубенчиками.

К этим старинным формам впоследствии были присоединены большие беотийские, похожие на древнеперсидские (рис. 45, г) и круглые щиты амазонок.

Шлемы, изготавливавшиеся из меди, имели разнообразные формы. По дошедшим до нас в большом количестве рисункам можно проследить, как совершенствовались и развивались эти формы.

Из простой полукруглой шапки они превратились в лакедемонский шлем с неподвижным забралом (см. рис. 47, а — г) и его усовершенствованные видоизменения: беотийский, коринфский и аттический шлемы с откидными и подвижными частями (см. рис. 48, а — в).

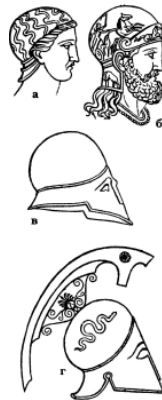

Рис. 47.

Главными украшениями шлема были гребень и султан. К султану добавляли орлиные и другие перья, которые укрепляли по бокам шлема (см. рис. 48 а, в).

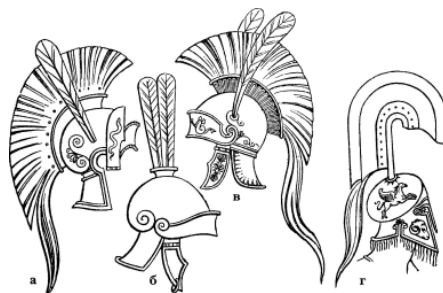

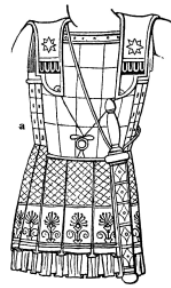
Рис. 48.

Кираса, древнейшая форма которой в виде двойной, нередко чешуйчатой, эгиды сохранилась на изображениях Афины, состояла из двух цельных медных листов, закрывавших грудь и спину, и нагрудника и наспинника, по ним пригнанных.

Они соединялись между собой при помощи наплечников, пояса и крючков или пряжек. Кираса закрывала туловище обычно до пояса, а от пояса книзу продолжалась сплошным рядом отдельных пластин (рис. 49, а, б).

Рис. 49.

Чешуйчатые кожаные и холщовые кирасы отделялись также металлическими украшениями (рис. 56). Под кирасами носили хитон и известный уже гомеровским

воинам металлический набедрник.

Поножи имели форму той части ноги, для защиты которой они назначались, — голени. В послегомеровское время их иногда делали из олова, а чаще — из тонкой и чрезвычайно гибкой бронзы, способ прикрепления к ноге оставался прежним. Украшения располагались преимущественно на верхней, закрывающей колено части поножей (рис. 50; рис. 56; рис. 57).

Сандалии долго оставались единственной обувью воинов и только позднее были заменены называемыми по имени их изобретателя «ификратовскими» военными башмаками-полусапожками на очень толстой подошве. Многие, впрочем, продолжали сражаться босиком (ср. рис. 53; рис. 56; рис. 57).

Копье было важнейшим наступательным оружием греков. Длина его доходила до 8 футов (рис. 22, в; рис. 57), из них от 6 до 7 дюймов приходилось на наконечник и от 4 до 6 дюймов на оковку тупого конца. И наконечник, и оковка были сначала медными, но позднее их стали делать из железа.

Форма наконечников была преимущественно ланцетовидная или заостренная ромбоидальная (рис. 51, а), оковке придавали коническую, сердцевидную или листовидную форму. Древко осталось, как и прежде, деревянным; как правило, его делали из ясеня, но встречались также и цельные медные копья. Форма древка и его толщина были не всегда одинаковыми: иногда древко было ровным, иногда утолщено посередине или на одном из концов. Особенно дорогие копья хранились в футлярах. Копье, в зависимости от величины, использовали для удара от руки или для метания.

Реже, чем копье, греки использовали лук и стрелы (рис. 51, а, д). Большая часть лучников в греческом войске набиралась из варваров. Таким же малоуважаемым греками оружием была и праща. Ею вооружали преимущественно иноземных ратников и рабов, когда их присоединяли к войску.

Впрочем, если верить позднейшим свидетельствам, греки очень искусно применяли это оружие. По словам Ливия (XXXVIII, 29), некоторые племена Пелопоннеса владели пращей лучше балеарцев. Достаточно напомнить, что Мардоний и Пирр были убиты пращей.

Главным и почти единственным оружием греков в ближнем бою был меч. Клинок, сначала медный, а позднее железный, был двулезвийный и с острым концом (рис. 52, а).

Судя по рисункам, длина клинка равнялась 15 дюймам, ширина — от 2 до 2,5, длина рукоятки — от 6 до 7 дюймов. Рукоять почти всегда делалась в форме креста, без эфеса. Ее украшали орнаментом из слоновой кости или золотом, серебром и медью, так же как и кожаные ножны с перевязью (рис. 52, б, в, е, з).

Ножны бывали иногда такой ширины, что в них входила и рукоять меча (рис. 52,

в). Когда вместе с мечом стали применять кинжал или небольшой меч (рис. 52, г, д) как особое оружие, мечи начали носить и на правом, и на левом боку (рис. 52; рис. 53; рис. 57).

Рис. 50.

Топоры, имевшие старинную форму двулезвийной секиры, использовались греками в бою редко, только при осадах.

Палица, ставшая атрибутом Геракла, применялась еще реже.

Впрочем, при Писистрате в Афинах был набран из добровольцев целый отряд на личников.

Право беспрепятственно носить оружие каждый свободный грек считал природным. Фукидид говорит (1, 5), что в его время у озолийских локрийцев, этолийцев и ахарнян было в обычае постоянно носить при себе оружие, как это было во всей Элладе, когда обстановка была небезопасна и не было укрепленных мест. Афиняне, продолжает он, первыми оставили этот обычай, как только наступили более мирные времена.

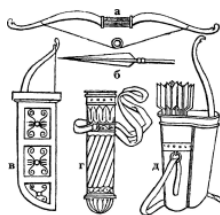

Рис. 51.

Иначе было в землях, завоеванных дорийцами. Там постоянное ношение оружия стало привилегией победителей, и поэтому доспехи, даже самые простые, считались в Спарте самым достойным украшением мужчины.

Поскольку гористый рельеф Эллады не позволял использовать в сражениях военные колесницы, то их в войсках заменили, хотя и довольно поздно, на конницу. А колесницы использовали только на играх. Лошадей для конницы брали главным образом из местностей севернее Эты и Отриса и из Фессалии. Основу греческого войска составляла пехота (гоплиты), особенно у спартанцев, которые охотно принимали в конную службу людей слабых и низкорожденных.

Главной силой лаконского войска были спартиаты, обязанные служить в войске с двадцати до шестидесяти лет. За ними шли периеки (старинные жители Лакедемона, покоренные дорийцами) и, наконец, в виде нерегулярного вспомогательного войска — илоты.

До конца первой греко-персидской войны все вооружение спартиатов заключалось в большом круглом щите, длинном (до 8 футов) копье и коротком мече. Некоторые добавляли к этому шлем и передник (рис. 53), и только немногие — панцирь и поножи. Перед началом сражения все одевались в пурпурные одежды и на голову или на шлем надевали венки.

Еще легче было вооружение остальных отрядов. В нем, по-видимому, не было ничего металлического, каждый был в своей обычной одежде — одни в козьих и овечьих шкурах, другие (как аркадийцы) в волчьих и медвежьих, а жители Лаконики даже сражались в своих широкополых шляпах. Вооружение состояло из копья, дубин и пращей.

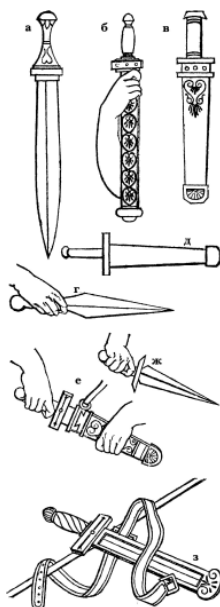

Рис. 52.

В афинском войске (различные части которого образовались из племенных и родовых союзов, на которые делилось население) тяжеловооруженные воины были одеты в латы или кирасы из медных листов. То, что такое облачение использовалось афинскими воинами уже во время первых персидских войн, доказывается сохранившимся рельефным изображением павшего при Марафоне Аристиона из Аттики (рис. 54).

Следы окраски, обнаруженные на рельефе, заставляют предполагать, что вооружение Аристиона, а может быть, и всех афинских гоплитов, было разноцветным.

Очевидец так описывает этот рельеф: «От шлема уцелела нижняя часть, покрывающая голову, и начало гребня сзади, верхушки шлема нет.

Из-под шлема видны волосы, расположенные ровными рядами локонов вокруг всей головы, тонкие усы соединяются на щеках с бакенбардами, которые идут от висков и сходятся на подбородке, образуя остроконечную бородку.

Кираса начинается ниже шеи, плечо закрыто широким наплечником, к которому прикреплен более узкий четырехугольник, лежащий наискось на груди, ниже груди по кирасе проходит узорчатая полоса и другая такая же посередине туловища, от которого на бедра и на живот спускаются четырехугольные лопасти.

Кираса обработана так, что кажется сделанной из тонкого металла, точно такие же и ножны, сквозь которые видны мускулы. Материал одежды, которая видна из-под кирасы на груди, руках и бедрах, производит впечатление очень тонкой материи.

Рис. 53.

На фоне рельефа осталось немного красной краски. Кираса была, по-видимому, окрашена в синий цвет, на вороте кирасы, около плеча, видны следы кармазинной

краски, которой, вероятно, были раскрашены украшения на наплечнике, узор на верхней полосе и поясе и украшения на лопастях».

Еще более пестрым был вид афинских воинов, когда они выходили на битву без кирасы и поножей, в одних хитонах и хламидах, украшенных узорчатой каймой и мелким металлическим орнаментом (рис. 55).

Особой нарядностью и великолепием отличались доспехи знатных воинов, были ли они чешуйчатые и холщовые на восточный манер, или эллинские, — так называемые пластинчатые металлические (рис. 56, рис. 57).

Доспехи такого вида, предназначавшиеся лишь для предводителей войска, служили отличительным знаком их звания. Но это допускалось лишь в афинском войске, в спартанском же знаков различия не было, так как они противоречили духу Ликургова законодательства. Впрочем, ни в Афинах, ни в Спарте полного единообразия в вооружении воинов не было, лишь вооружение рядовых ратников изготовлялось по одному образцу.

Предводителем лакедемонского войска, по законам Ликурга, был один из двух царей. При нем находились в качестве военачальников полемархи, которым были подчинены остальные начальники. В почетной страже царя состояли знатнейшие и храбрейшие спартанцы. Из них выбирали посланников, которые считались неприкосновенными, подобно гомеровским вестникам. Они одевались в пурпурную одежду и носили посох.

Должности начальников афинского войска были выборными, о чем уже говорилось выше. Ежегодно избирали десять стратегов, представлявших высшую воинскую власть, и десять таксиархов, имевших право совещательного голоса.

Рис. 54.

Для конницы назначались два гиппарха и десять филархов, а количество триархов, назначаемых для морской службы, зависело от размеров флота.

Афинские посланники пользовались тем же почетом, что и спартанские, и носили такую же одежду, как эолийские и другие. У критян посланники одевались в одежды, окрашенные фукусом.

Эллинская армия окончательно сформировалась в ходе греко-персидских войн, тогда же было положено и начало военной тактике греков, усовершенствованной ими в позднейших войнах и приведшей к преобразованию вооружения.

Во время греко-персидских войн афинское войско, подобно спартанскому, делилось на тяжело-вооруженных копейщиков и легковооруженных, соответствовавших лакедемонским илотам.

Последних называли в Аргосе гимнесоями (от *gymnos* — нагой), а в Сикионе — коринефорами (по дубинам, которыми они были вооружены).

Конницы ни у лакедемонян, ни у афинян в ту пору еще не было, но у последних уже были созданы отряды лучников. Сигналы подавали трубами и рогами (рис. 58, а, б) или зажигали сигнальные огни.

Изменения, произведенные в лакедемонском войске после окончания персидских войн, состояли главным образом в том, что к тяжеловооруженным спартиатам были присоединены и периеки, которые составили вместе с ними основу войска. К ним, также для несения сторожевой и лагерной службы, был добавлен небольшой отряд легковооруженных воинов, состоявший почти исключительно из отдельного племени скиритов.

Илоты призывались только при необходимости и то в небольшом количестве, они теперь не следовали толпами за войском, как прежде. Конницы в лакедемонском войске еще не было.

Разнообразнее стало в это время и афинское войско. Из гоплитов (которыми являлись граждане первых трех фил из десяти, на которые Клисфен разделил население Аттики) самые богатые были обязаны служить в коннице — они составили постоянный конный отряд, доходивший в начале Пелопоннесской войны до 1200 человек.

Рис. 55.

Кроме того, войско постепенно увеличилось за счет наемных неаттических ратников — фракийских и аркадийских копейщиков, родосских пращников, критских лучников и пр., из которых были образованы легкие отряды.

Вероятно, с этого же времени начинают вводиться и некоторые изменения в вооружение гоплитов с целью сделать его менее обременительным. Цельная медная кираса заменяется кожаным колетом с медным нагрудником и такими же наплечниками, шлемы и поножи делаются легче.

Большой овальный щит, однако, сохраняется в прежнем виде (по-видимому, с этих же пор начинают помечать щиты особыми условными знаками вместо прежних произвольных украшений; например, лакедемонские щиты узнавались по изображенной на них букве Л, фиванские — по палице или сфинксу; афинские — по сове). Наступательное оружие тоже осталось прежним.

Легкая пехота делилась на вооруженных щитом, или пельтатстов (для ближнего боя), и не имевших никакого оборонительного оружия гимнесов (для дальнего боя), которые в свою очередь разделялись на отряды метателей дротиков, лучников и пращников.

К ним иногда присоединялись не состоявшие на воинской службе добровольцы, дравшиеся просто камнями. Пельтатсты (род войска, заимствованный у фракийцев) являлись как бы переходным звеном от гимнесов к гоплитам.

Доспехи их состояли из щита и толстой кожаной шапки, а оружие — из нескольких дротиков, большого копья и меча. К древку их копья прикреплялась ремennая петля.

Что касается конницы, то, несмотря на то что в Афинах она появилась раньше, чем в Спарте, формирование ее шло очень медленно.

Первоначально всадники появлялись только на процессиях и торжествах, но постепенно конница увеличивалась в числе и со временем вошла в состав войска.

В Спарте до Агесилая (369 г. до н. э.) конницы почти не существовало, и ни в Спарте, ни в Афинах она никогда не достигала такого же высокого уровня развития, как у пешего строя. Причиной тому могло быть отчасти само вооружение всадников, которое было тяжелым и неуклюжим (по крайней мере, во время Ксенофонта).

Рис. 56.

И всадники, и их лошади были одеты в латы. Конская сбруя состояла из попоны с подпругой и узды с удилами и поводьями (рис. 59, а, б). Ковка была едва ли известна: Ксенофонт говорит только о закаливании копыт для придания им твердости.

Вооружение всадника состояло из кирасы и шлема. Ксенофонт предлагает использовать беотийский шлем, потому что он лучше закрывает лицо, не мешая в то же время свободно видеть.

Особое внимание советует он обращать на то, чтобы кираса удобно сидела на теле, ее воротник должен быть достаточно широким и высоким, чтобы закрывать всю нижнюю часть лица до самого носа. Живот должен быть защищен металлическими пластинами, а руки наручами. Наруч правой руки не должен стеснять движений всадника при ударе или метании копья, а потому его следует снабдить у плеча и на локтевом суставе чешуйками. Бедро всадника отчасти закрывались конской броней, а для ног и ступней, по мнению Ксенофонта, достаточной защитой могли служить сапоги из толстой кожи.

Конскую броню составляли налобник или наголовник, нагрудники, боковые части, закрывавшие также и бедра всадника. Ездили без стремян, а вместо шпор использовали острия, которыми кололи лошадь.

Всадники были вооружены длинными (до 9 футов) копьями и мечами. Ксенофонт советует заменить первые более легкими дротиками, а последние — кривыми мечами.

Прислуга, сопровождавшая тяжеловооруженных всадников, составляла род легковооруженного конного отряда (рис. 60), настоящей же легкой конницей были отряды конных лучников и копейщиков, подчиненные вместе с тяжелой конницей гиппарху.

Несмотря на существование конницы, боевая тактика спартанцев и афинян основывалась преимущественно, если не исключительно, на действиях тяжеловооруженной пехоты (гоплитов). Такой оставалась она и в течение всей Пелопоннесской войны, которая способствовала ее усовершенствованию. Только по инициативе Ксенофонта традиционное военное устройство стало заменяться, хотя и весьма медленно, новой организацией, основанной на развитии отдельных родов войска и приспособлении их к совместным действиям.

Рис. 57.

Начатые Ксенофонтом преобразования затронули и вооружение. Оно подверглось

существенным изменениям, ставившим целью сделать его не только целесообразнее и удобнее, но и дешевле.

Перед выступлением лакедемонского войска в поход предводитель войска приносил жертву Зевсу, на границе Лаконики приносилась другая жертва Зевсу и Афине. Перед войском шел жрец Ареса, неся священный огонь. Этот огонь зажигали при первом жертвоприношении и тщательно поддерживали до конца войны. Во время стоянок от этого же огня разводили костры.

Жизнь в лагере подчинялась строгому распорядку. Стража проверялась частыми обходами и, кроме того, была обязана давать отзыв по первому звону колокольчика или удару литавр.

Рядом с царем постоянно находились гонцы и трубачи, через которых он отдавал приказания войскам. С этой же целью использовались сигналы: ночью — огни, днем — пурпурное знамя на высоком древке. Поднятое знамя означало нападение, опущенное — приказ отступить.

Перед сражением полководец приносил в жертву козу. По условному знаку войска трогались с места и шли в такт под звуки лиры (у критян) или флейты (у спартапцев).

Собирать во время сражения оружие у убитых или раненых неприятелей было запрещено, противника, обратившегося в бегство, не преследовали.

По окончании сражения тела убитых предавали земле. Иногда их обменивали. При погребении присутствовало все войско с опущенным оружием. Церемония завершалась жертвоприношением, на которое все собирались, надев венки.

Отнятая у неприятеля добыча представлялась главнокомандующему, который по своему усмотрению отделял от нее некоторую долю и отдавал войску, а остальное направлял в государственную казну.

Отсюда часть добычи поступала в виде приношений в различные храмы, часть сжигалась в честь богов. Пленных, если они были захвачены при взятии и разрушении города, обращали в рабов, взятых же на поле сражения обменивали или отпускали на волю за выкуп.

О поведении отдельных ратников во время войны судил военный совет, составленный из их товарищей по оружию. Он назначал наказания за нарушение военной дисциплины и награды особенно отличившимся. Впрочем, у дорийцев единственным средством для поддержания дисциплины была палка.

Рис. 58.

Изменники и перебежчики наказывались смертью, трусы — публичным посрамлением. Наградой служило дорогое оружие, награждаемым военачальникам воздвигали статуи, бюсты и почетные монументы, подносили металлические диадемы с надписями, рассказывающими о подвиге, за который они давались, вручались дубо-

вые и оливковые венки. Последние два вида наград получали иногда и простые воины. Особенно щедрые награды раздавались в македонскую эпоху.

Македонское войско, составленное из фракийских племен, приобрело четкую организацию гораздо позднее греческого. Попытки Архелая (413–399 гг. до н. э.) провести реформу армии остались без последствий.

Только со вступлением на престол Филиппа войско достигло достаточно высокого уровня развития, чему способствовали кровопролитные войны, которые Филипп должен был вести за обладание престолом. Заимствованный им у греков и затем усовершенствованный пехотный строй — македонская фаланга — и образование сильной конницы (в основном набиравшейся в Фессалии) дали наконец македонскому войску решительное превосходство над греческим.

По дошедшим до нас сведениям, войско Филиппа состояло из 30 000 пеших и около 3 000 конных ратников. Пешие разделялись на тяжеловооруженных (гоплитов, фалангитов), занимавших всегда центр боевого строя, легковооруженных, или гипаспистов, и стрелков. Главную силу македонской конницы составляли тяжеловооруженные всадники, при них находился отряд легкой конницы (сариссофоры), включавший в себя до 1200 ратников.

Вооружение македонских войск походило на греческое, но зачастую было более удобным. Так, вооружение фалангитов было легче вооружения греческих гоплитов.

Рис. 59.

Вместо металлических нагрудников последних они были одеты в кожаные колелы, только местами покрытые на груди металлическими бляхами, вместо кожаного шлема у них были войлочные македонские шапки (каузиа). Щит был круглый, обитый медью и не более 2 футов в диаметре. Поножи тоже были легкими, а оружие состояло из короткого меча и македонского копья (сариссы) длиной от 14 до 16 футов.

Легкая пехота (гипасписты) была вооружена по образцу греческих (ификратовских) пельтатстов, но шлем и длинное копье последних были заменены македонской шапкой и коротким копьем. Так как гипасписты находились всегда около царя как его телохранители, то вооружение их было богаче и красивее, чем у остального войска (рис. 60).

Рис. 60.

Стрелки, тоже входившие в состав пехоты, разделялись на метателей дротиков и лучников. И те и другие набирались из низших классов населения.

Вооружение тяжелой конницы было, в сущности, также греческим, но кавалеристы сражались только копьем, а легкая конница — длинной македонской пикой.

В таком положении застал войско Александр Македонский, заняв престол своего

отца. Он не сделал никаких существенных изменений в его устройстве, но усилил за счет союзников и наемных ратников. Присоединение к войску разноплеменных отрядов с их национальным вооружением придало ему особенную пестроту.

В походе войско постоянно увеличивалось: в него добавлялись новые ратники из покоренных восточных народов. Количественное увеличение войска не могло не отразиться на его организации и вооружении. Прежде всего появилась потребность в легкой коннице, особенно искусной в перестрелке. Она была образована в основном из азиатов и разделена на отряды, которые присоединялись к другим частям войска (330 г. до н. э.).

К концу похода армия Александра включила в себя столько разных иноземных элементов, что македонская ее основа почти потерялась. Постоянно составлялись новые отряды с новыми военачальниками.

После «телохранителей» и «отборных» появились «аргираспиды» (названные так по их серебряным щитам), придворные пехотинцы и др. Кроме платы войскам раздавали подарки, воинская простота сменилась как у самого Александра, так и у его полководцев восточной пышностью в одежде и вооружении. Армию сопровождали огромные обозы с военными снарядами и целые толпы женщин и детей.

После смерти Александра его войско было поделено между полководцами и, эксплуатируемое ими для своих личных целей, сражалось буквально само против себя. В Греции между тем давно уже почти все войско стало наемным. На его тактику и вооружение войны Александра не оказали сильного влияния.

Но в Македонии заимствованное из Азии вооружение смешалось с прежним национальным. Тяжелая пехота и конница были вооружены по-македонски, а легкая пехота и легкая конница, увеличившиеся за счет наемных, в том числе галльских отрядов, — по-азиатски. Между тем, в отличие от воинского быта, который подвергался многократным изменениям, религиозный быт греков, издавна тесно сроднившийся с их домашней жизнью, практически не изменился.

* * *

Первоначально (в гомеровскую эпоху) отправление культа находилось в руках немногих жрецов, царей и членов их семей, приносить же жертвы богам мог всякий. С течением времени разнообразие и большая торжественность жертвоприношений потребовали увеличения числа назначенных для этого лиц (рис. 61).

Рис. 61.

В старинных родах жреческие обязанности передавались от одного лица другому как утвержденное обычаям право, не дававшее привилегий. Впоследствии назначаемые государством жрецы также обладали равными правами со всеми остальными чиновниками и не пользовались никакими особыми привилегиями.

У всех восточных народов существовало замкнутое, священное жреческое сословие, по закону господствовавшее над народом. У греков жрецы не составляли замкнутого класса, а выбирались ежегодно. Если в некоторых отдельных случаях жреческое служение какому-либо божеству и поручалось представителям определенных родов, то это давало им лишь почетное преимущество в ритуале жертвоприношения или, самое большее, право толковать изречения оракулов, но не делало их правите-

лями народа.

Во главе государственных чиновников по делам религии, число которых постепенно умножалось благодаря увеличению количества культов и посвященных им храмов, стояли гиеромнемоны, заведовавшие всем, что имело отношение к внешней стороне богослужения. За ними следовали эпимелеты, или попечители, — администраторы отдельных культов и подчиненные им храмовые зодчие, казначеи, смотрители и т. д.

Обязанности гиерополов напоминали обязанности жрецов у других народов и заключались в совершении жертвоприношений от лица общины. Распоряжением даваемыми государством жертвенными пирами, играми и зрелищами, а также закупкой жертвенных животных заведовали также особые чиновники.

Хотя, как было сказано выше, собственно служители религии, или жрецы, и не составляли в Греции особого привилегированного сословия, по своему званию и сопряженным с ним обязанностям они отличались от остальных должностных лиц как люди, более близкие к богам (рис. 62).

Рис. 62.

Поэтому, кроме других качеств, какими обуславливался выбор в жрецы, одним из главнейших была совершенно безупречная внешность. Она должна была располагать к себе божество, которому служил жрец. По этой причине в некоторых местах, например в городе Эгионе, в Ахайе и в Фивах, жрецами выбирались мальчики или еще безбородые юноши.

Жрецы занимали почетные места в театре, в народных собраниях и на всех общественных торжествах. Они отличались от светских лиц своим костюмом, который был очень наряден, особенно при богослужении.

Жрецы носили широкую полотняную одежду, обычно белого цвета, но иногда и цветную, в зависимости от культа. Так, статуя Юпитера Созиополиса в Магнезии была облечена в пурпурную одежду, такую же одежду носил и жрец этого божества.

По другим свидетельствам, пурпурная одежда играла немаловажную роль в культе подземных богов. У Эсхила (Эвменида) Афина говорит хору: «При лучезарном свете факелов сведу я тебя в Аид, в темное царство мертвых, с прислужницами храма, свято стерегущими мой лик. Пойдем же, ты, зеница Тезеиды, дев, жен и маститых стариц благородная толпа, одетая в праздничные пурпурные одежды...».

В полное облачение жреца входили венок и шерстяная повязка. В зависимости от того, какое растение посвящалось божеству, из него и сплетался венок жреца этого божества. Свойствами божества определялась форма повязки, а также ее расположение на теле — на лбу, руках или бедрах.

При определенных торжествах жрецы и жрицы даже одевались в подражание своим божествам. При совершении элевсинских мистерий главный жрец надевал на себя маску Деметры. Киларии — жрицы Артемиды — появлялись в костюме этой богини с луком и колчаном, ливийские девицы в качестве служительниц Минервы надевали на грудь и (вместо эгиды) окрашенные в красный цвет и обшитые кистями козьи шкуры. Жрицы Аполлона также носили главнейшие атрибуты божества.

По некоторым памятникам искусства (например по изображению эгионской Геры в Ахайе, рис. 63) можно заключить, что одеяние богов и богинь не было одинаково, а значительно отличалось в зависимости от времени, места и племени; такие же различия должны были существовать и в одежде жрецов и жриц.

Рис. 63.

Храмовую прислугу составляли лица, помогавшие жрецам при разных богослужбных обрядах. Они или выбирались на время, например при общественных жертвоприношениях, или находились постоянно при храме.

При подборе прислуги соблюдалось то же требование, что и при выборе жрецов, — она должна была иметь безукоризненную наружность. К постоянной прислуге принадлежали неокоры (привратники), герольды, певцы, музыканты и в храмах женских божеств — гиеродулы (рис. 64).

Рис. 64.

Позднее к прислуге стали принадлежать также ризники, кравчие и др. Одежда этих лиц не подлежала каким-то особым правилам, только гиеродулы-женщины должны были соотносить свое облачение с характером тех божеств, при храме которых они служили.

Весьма произвольной была одежда не зависевших от храмов прорицателей и толкователей знамений, но одежда прорицателей при оракулах, как и вся их обстановка и сопряженные с их должностью обряды, была подчинена особым правилам, принятым при оракуле в Дельфах (рис. 65).

Рис. 65.

Здесь божество давало ответы устами жрицы — пифии. В прорицательницы могла быть избрана только девственница (в позднейшее время не моложе пятидесяти лет).

Одежда пифии состояла из длинного хитона с короткими рукавами, вышитой

мантии и башмаков. Пожевав лавровых листьев и выпив воды из священного источника, пифия с распущенными волосами садилась на свой треножник, который был обвит лавровыми ветвями и окружен парами, поднимавшимися из-под него. Ответы ее были коротки и отрывисты и, истолкованные находившимися при храме жрецами, передавались вопрошателям, входившим в предхрамие по жребию.

Желавшие спросить оракула должны были принести обильные жертвы и очиститься омовениями. Увенчанные лаврами, с лавровыми ветвями в руках и одетые в праздничное платье, они подходили к дверям храма с закрытыми лицами. У входа жрецы окропляли их священной водой и при оглушительном звуке труб и литавр подводили к окруженному полумраком треножнику пифии.

После получения ответов вопрошавшие снова приносили жертвы и устраивали пиршества. Во время своего пребывания у оракула они были в венках и снимали их только по возвращении домой, где посвящали их храму Аполлона.

Гораздо более сложным церемониалом сопровождалось получение ответов от оракулов-снотолкователей. Самым главным из них был оракул Трофония в Ливадии. При этом оракуле было множество нищих и торговцев амулетами.

Амулетам приписывали особую целительную силу: свойство отвращать беду и разрушать чары. К ним относились кольца с тайными знаками и различные камни, например аметист, который считался предохранительным средством от опьянения, его надевали на себя (то в виде кольца на руку, то на шнурке на шею) на пирах.

Самым действенным средством против колдовства считалось изображение фаллоса. Его вешали детям на шею для предохранения от сглаза и носили как украшение. Поэтому фаллосы делались нередко из золота и драгоценных камней.

Число амулетов возрастало, а торговцев ими становилось все больше. Вскоре их стало так много, что они образовали целые шайки, и некоторые из них приобрели дурную славу. Такими были шайки галлов, или кибелов, бродившие по западным землям и выдававшие себя за слугителей «сирийской богини». Эти лицедеи, чтобы обеспечить себе успех, выдавали себя за обладателей такой магической силы, которой должны подчиняться даже сами боги, и таких чар и заклинаний, которые могут раскрывать будущее, управлять волей людей и т. п.

Волшебными средствами им служили знаки, большей частью совершенно бессмысленные, но странно звучащие слова и в особенности растения (например плющ), разные напитки и эликсиры. Некоторым эликсирам, приготовленным из волшебных трав, приписывали свойство возбуждать любовь или пробуждать прежнюю, но охладевшую. Особенно действенным средством для этого считалось сжигание ветвей некоторых деревьев или изображения любимого лица.

Некоторым телодвижениям также приписывалось магическое действие. Совершенно отличное от упомянутого, но тем не менее особое значение имели телодвижения и в чисто религиозных церемониях греков, при молитвах тому или иному боже-ству.

Свойствами божества обуславливались как формула молитвы, так и телодвижения, которыми ее сопровождали. Молясь олимпийским божествам, нужно было под-нять обе руки кверху, загнув их слегка назад, и повернуть ладонями к небу.

При молитве Нептуну руки простирали вперед, а молитву подземным божествам сопровождали ударами ноги по земле. Все это нужно было делать стоя. Сидячее положение считалось признаком печали, а сидеть со сложенными руками или обхватив ими колени значило выражать безутешное горе и совершенное безучастие ко всему окружающему.

Для клятвы и проклятия были также установлены особые формальности, в неко-торых случаях сопровождавшиеся принесением жертвы. При этом надо было выпол-нять правила, касавшиеся одежды и вообще внешности.

Кроме предварительных омовений и очищений, без которых у греков не начиналось ни одно религиозное действие, приносившие жертву должны были приступать к обряду одетые, как и жрец того божества, которому приносилась жертва, — в белой одежде, в венке из растений, посвященных божеству, и с шерстяными повязками, наложенными согласно предписаниям культа.

Такие же или даже большие формальности относительно одежды и внешности постепенно установились и для светских людей, принимавших участие в религиозных празднествах, которые в Греции были очень многочисленны и разнообразны.

Каковы бы ни были эти празднества — общественные или частного характера, главное распоряжение ими поручалось особым, выбиравшимся для этой цели лицам. Одежда этих лиц обуславливалась скорее их должностью, чем характером праздника, как у жрецов (см. выше).

Главными для всех эллинов были четыре народных торжества: Олимпийские, Пифийские, Немейские и Истмийские игры (рис. 66, Посейдон и Истмийские игры). Предание считает основателями или даже только возобновителями этих игр Пелопса, Геракла, Тезея, Адраста и Понта.

Рис. 66.

Для упрочения существования этих игр были приняты особые меры, важнейшей из которых было объявление всеобщего мира на все время продолжения игр. Благодаря этому жители всех областей Греции могли совершенно безопасно собираться на игры и являться на них без всякого оружия даже в самый разгар внутренних усобиц.

Олимпийские игры, повторявшиеся через каждые четыре года, продолжались почти без перерывов до царствования императора Феодосия (394 г. до н. э.). Они происходили в Элиде на живописном берегу реки Алфей. До эпохи Александра присутствовать на них и принимать в них участие мог любой неопороченный эллин, из какого бы государства он ни был. Женщины и девушки к ним не допускались, за исключением жриц Деметры Хамины, но женщинам разрешалось снаряжать от себя колесницы для ристания.

Все посещавшие игры приходили в праздничном убранстве. Особой пышностью в этом отношении отличались представители эллинских государств. Они носили богато вышитые одежды, ездили на дорогих колесницах и жили во время игр в роскошно убранных шатрах.

Распорядители игр, в особенности гелландики, руководившие гимнастическими упражнениями и состязаниями, были одеты, как гимназиархи, в пурпурные мантии и вооружены посохами. Им были подчинены жезлоносцы и герольды, обязанностью которых было наблюдать за порядком.

Сами состязавшиеся выходили на арену в одном только переднике, но с 15-й олимпиады был отменен и передник и совершенная нагота стала правилом на гимнастических играх.

Олимпийские игры, как древнейшие, послужили образцом для остальных — Пифийских, Немейских и Истмийских; на всех этих играх повторялось то же, что и на Олимпийских.

Некоторые особенности появились, и то уже намного позже, на Немейских играх. Так как с Марафонской битвы они стали еще и поминальным торжеством в честь павших в бою, то выбираемые на них судьи или гелландики одевались не в пурпур-

ные, а в траурные одежды.

В остальном же все различие между названными играми сводилось главным образом к победным венкам — выбор растений, из которых они сплетались, обуславливался местными культами (рис. 67).

Рис. 67.

На Пифийских играх (за исключением золотого венка, назначенного Ясоном тому, кто пожертвует Аполлону Пифейскому самого красивого быка) победители получали лавровые венки; на Немейских, до греко-персидских войн, — из маслины, после этих войн — из плюща, позднее — из сосновых ветвей, а затем снова из плюща (на этих играх судьи были тоже в венках). На всех играх победители кроме венка получали также и пальмовую ветвь, а на Пифийских иногда еще и яблоки.

Победители получали в награду венок. Введение венков взамен обычных в гомеровское время призов приписывалось дорийцам, и, по преданию, первый венок на олимпийских играх был дан дорийцу Данклу (ср. рис. 25; рис. 26; рис. 30).

Рис. 68.

Венки свивали из ветвей священной маслины, которая росла среди каменных оград в роще Алтае, на берегу Алфея. Раздачу венков производил один из главных распорядителей игр. Сначала он обвязывал голову победителя шерстяной повязкой, потом надевал на него венок и давал в руки зеленую пальмовую ветвь.

Все собрание приветствовало увенчанного радостными криками и осыпало его цветами, венками и гирляндами.

В пелопоннесских празднествах принимали участие и женщины. Так было в Ахайе, Аркадии и Элиде. В Элиде некоторые священные игры устраивались только женщинами. Таковы были повторявшиеся через каждые пять лет Гереи, установленные в честь Геры.

В распорядительницы празднества выбиралось шестнадцать женщин и такое же количество прислужниц. В состязаниях в беге, бывших основными на этих играх, принимали участие одни только девушки. Они выходили на арену одетыми в короткие дорические хитоны (рис. 16, б) и разделялись на группы по возрасту. Победительницы получали масличную ветвь и часть жертвенного мяса. Кроме того, им позволялось выставлять публично свои статуи.

Некоторые из пелопоннесских празднеств сопровождалась переодеванием мужчин в женское, а женщин в мужское платье; другие, например спартанские гимнопедии, — военными плясками, которые исполнялись совершенно нагими молодыми людьми, вооруженными шлемом, мечом и щитом. Обряды иных празднеств отличались крайней жестокостью, например бичевание мальчиков перед алтарем Артемиды на празднике в честь этой богини.

Ни в одной из греческих областей празднества не были так многочисленны и ни-

где не происходили с таким блеском и великолепом, как в Аттике, — этот народ имел особую склонность к блестящим зрелищам и всякого рода увеселениям. Роскошь, с какой обставлялись главнейшие аттические торжества, доходила иногда до того, что издержки на нее истощали государственную казну.

Празднества начинались с первых дней аттического года, но самыми блестящими из них были торжества в честь богини Афины — большие и малые Панафинеи; большие проходили через каждые четыре года, а малые ежегодно. Происходили они в Афинах — городе, находившемся под особым покровительством богини.

Рис. 69.

Учреждение этого праздника, называвшегося раньше Афенаи, приписывали Эрихтонию.

Сначала это был только деревенский праздник, но Тесей, по сказаниям, установил его на вечные времена для всех жителей Аттики, соединенных в одно государство, и дал ему название «Панафинеи» (всеафинский).

В память самого объединения Тесей учредил особый праздник Синойкии или Синойкесии, который праздновали в 16 день Гекатомбеона. В 566 г. до н. э. Писистрат к прежним конным состязаниям добавил гимнастические; тогда же было установлено празднование его каждые пять лет, а впоследствии в третий год каждой олимпиады. Перикл в 446 г. прибавил еще музыкальные состязания. В первый день происходили музыкальные состязания в одеоне, построенном Периклом; здесь участвовали разные артисты, особенно те, которые играли и пели под звуки кифары и флейты.

Одно время по постановлению Солона участники соревнований читали отрывки из песен Гомера. За музыкальными состязаниями следовали гимнастические и конные. Наградой для победителей в гимнастических состязаниях служил оливковый венок и большой красивый глиняный сосуд, наполненный маслом священного оливкового дерева.

Самую блестящую часть праздника составляло торжественное шествие (помпа). Отдельные части Панафинеийского шествия были изображены впоследствии на фризе в целле Парфенона (рис. 68).

Праздник оканчивался большим жертвоприношением, при котором приносили в жертву множество быков и коров (гекатомба), и общим угощением (гестиасия).

Кроме Великих Панафинеи ежегодно праздновались Малые Панафинеи, которые были гораздо короче и проще, не имели торжественного шествия и состояли только в состязаниях. Проводились Панафинеи и в других местах: в Магнесии, Теосе, на Родосе.

В больших Панафинеях принимало участие все население Аттики, без различия пола и возраста. В длинной процессии, разделившись на хоры, шли по убраным гирляндами из дубовых листьев улицам и площадям мужи и юноши, жены и девицы, сопровождая в храм Афины желтую одежду, сотканную для древней статуи богини афинскими девушками.

Главное место в процессии занимала богато убранная, двигавшаяся на катках ладья, к которой одежда богини была прикреплена в виде паруса. Свободнорожденные гражданки-девушки несли на головах корзинки с дарами и приношениями, что считалось для них особенным почетом; за ними следовали прислужницы, одни с жертвенной утварью, другие с зонтиками и креслами для своих господ.

Старцы с оливковыми ветвями в руках, представители гражданских родов со сво-

ими родичами, ремесленники, возглавляемые своими старшинами, шли попарно одни задругами.

К ним примыкали в таком же порядке молодые люди в красивых доспехах.

Рис. 70.

По окончании религиозного обряда начинались игры и состязания. Вооруженные борцы выходили с копьями и щитами, но без мечей.

Наградами победителям были глиняные сосуды, наполненные священным маслом. Кроме этих игр, состоявших не только из гимнастических упражнений, но и из верховой езды, бега и скачек с факелами, на Панафинях происходили состязания хоров, хорегеи, пиррихий и др. При Писистрате к ним добавились рапсодии, а при Перикле и музыкальные состязания.

Совершенную противоположность этим строго религиозным, благоговейно отправлявшимся празднествам (к которым следует отнести и праздники, соединенные с мистериями) составляли дионисии — торжества в честь Вакха.

Радостный характер этих празднеств давал полный простор природной веселости народа и его любви к забавам, хотя, с другой стороны, потворствовал и его чувственности.

Главную роль в дионисиях играло переодевание в одежду Диониса: желтый хитон, пурпурную мантию и венок из виноградной лозы. Диониса сопровождала толпа спутников и спутниц (спутницы — с непременно тирсом в руке и козьей шкурой на плечах, рис. 70). Это первоначально грубое воспроизведение в лицах шествия веселого бога было зерном, из которого выросли и развились впоследствии драматургическая поэзия и сценическое искусство.

Первый шаг на этом пути сделан был в Аттике уроженцем Икарии Фесписом, который к хорическим, довольно нескладным представлениям на тему Дионисова мифа прибавил монологический рассказ, произносившийся как бы в ответ хору отделенным от него актером.

Афинянин Фриних (511–476 гг. до н. э.) пошел дальше: не ограничиваясь одними мифами, он стал выбирать для представления произвольные сюжеты, даже с участием в них женщин и этим наметил отделение комического элемента от трагического. Эти попытки, найдя сочувствие в народе и поддержку со стороны общественных властей, открыли путь обоим видам драматической поэзии.

Рис. 71.

Особенно быстро развилась трагедия, преимущественно в Аттике, благодаря гению знаменитых трагиков — Эсхила (ок. 525–456 гг до н. э.), Софокла (ок. 496–406 гг до н. э.) и Еврипида (ок. 480–406 гг до н. э.). Эсхил усилил сценические средства, с одной стороны, тем, что прибавил еще одного актера и создал таким образом диалог, с другой — ввел переменные костюмы для действующих лиц. Софокл усовершенствовал диалоги Эсхила, увеличив число актеров еще на одного.

После Еврипида следовали Ахей, Созифон и другие трагики, но при них трагедия начала уже заметно увядать: внутреннее содержание ее стало мельчать, тогда как сценическая обстановка делалась все пышнее. При македонском владычестве трагедия еще больше обнищала духовно и стала обычным зрелищем.

Одновременно с трагедией, но совершенно самостоятельно развивались комедия и так называемая сатирическая драма. Комедия возникла у дорийцев из шутливых песен и забавных сцен, которые импровизировались в сельских дионисиях участвовавшими в фаллических процессиях. В более облагороженном виде она появилась впервые, как полагают, у мегарян, которые приписывали себе ее изобретение.

Первым, кто ввел комедию в Аттике, называют мегарянина Сузариона из Триподискоса. К нему примкнули поэты Хиноид и Магнес. Но национальная аттическая комедия началась только с Кратеса и Кратина (455 г. до н. э.).

Рис. 72.

Эвполис (429 г. до н. э.) продолжил, а Аристофан (386 г. до н. э.) закончил ее развитие, дав ей политическую направленность. С падением могущества Афин пала и комедия: лишенная необходимой для нее свободы, она обратилась к обыкновенной будничной жизни и только из нее черпала свое содержание.

Сатирическая драма, по характеру своему занимавшая как бы середину между комедией и трагедией, давалась большей частью в виде дивертисмента после трагедии, чтобы смелыми выходками и меткими насмешками, составляющими главную долю ее содержания, снова развеселить публику, серьезно настроенную после трагического представления.

Особыми видами драмы, изобретение которых приписывается Эвримаху и Софрону из Сицилии, сиракузцу Осокриту и тарентинцу Ринтону, были, во-первых, мимические представления наиболее важных сцен из мифологии, во-вторых, так называемые «гиларотрагедии», или трагикомедии (в которых грустное смешано с веселым).

О происхождении собственно театрального костюма мы знаем очень мало. Долго ли заменяли его обычные на дионисиях переодевания и какие перемены были сделаны в них Фесписом для введенного им актера, нам неизвестно. Нет сомнения, впрочем, что эти переодевания не были везде и всегда одинаковы, а принимали то более шутливый, то более серьезный характер соответственно смыслу самих празднеств.

Древнейший и самый первобытный способ наряжания, применявшийся поселянами на самом веселом из праздников Вакха — собирании винограда, состоял в том, что празднующие надевали на себя венки из плюща или тростника и вымазывали лицо сажей и винной гущей.

В таком убранстве, неся перед собой символ плодородия — фаллос, они отправлялись процессией для принесения жертв Вакху, после чего начинались попойки и шумные забавы всякого рода. Со времен Ариона вошло в обычай, чтобы часть хора, нарядившись сатирами, сопровождала церемонию жертвоприношения пляской и пением, что и могло послужить ближайшим поводом к введению переодеваний на

сцене, сначала только в комедии.

Обмазывание лица сажей и винной гущей могло привести к употреблению масок (хотя они появились при религиозных церемониях еще у древних египтян и у восточных народов), а нарядание сатирами — к костюмировке актера, в которую, конечно, вошел и фаллос.

Рис. 73.

В комическом представлении (фаллофоре) актеры надевали венки и вымазывали себе лицо сажей; с раскрашенным лицом вместо маски выходил на сцену и Аристофан, но только один раз, так как в его время подобное появление на сцене было уже отступлением от общего правила, требовавшего, чтобы даже второстепенные роли исполнялись в масках. Введение характерной маски в трагедии приписывают Эсхилу.

Маски изготовлялись ваятелями сообразно с характером той роли, для которой были предназначены. Для богов и героев делались маски сообразно установленным для тех и других художественным типам (рис. 74).

В старой комедии употреблялись портретные маски, в которых зрители узнавали известные всем личности. Этим маскам нередко придавали карикатурные черты. В македонскую эпоху, когда портретные маски были строго запрещены, чтобы избежать всякого, хотя бы и случайного, сходства с высокопоставленными лицами, в особенности с македонскими государями, почти все маски стали делать с уродливо-расширенным ртом (рис. 71, а, б).

Маска закрывала все лицо актера, даже белки его глаз (рис. 71, в). Полумаски были известны, но вряд ли в них играли на сцене. Существенную часть костюмировки составляли парики. Они прикреплялись к маскам с помощью особенного приспособления.

Так как маска с париком делали голову несоразмерной по отношению к остальным частям тела, что должно было особенно неприятно поражать в трагедиях, нарушая целостность эстетического восприятия, и так как расстояние между зрителями и действующими на сцене актерами было слишком велико, были приняты меры для устранения этих недостатков.

Они состояли в том, что актеры (в трагедии), чтобы казаться выше, надевали котурны (род башмаков или ботинок на очень толстой подошве) и увеличивали размеры своего тела, подкладывая под одежды подушки. Комические актеры котурнов не носили, а обувались в обыкновенные башмаки.

Рис. 74.

Костюмы актеров соответствовали характеру ролей. Богов и героев представляли с теми атрибутами, которые были им свойственны по преданию; царей, вождей и

т. п. лиц — с характерными отличиями их сана. Можно предполагать, что на сцене допускались и цветные одежды; хор в более поздние времена был особенно богато костюмирован.

Использование нарядных одежд на сцене подтверждается многими изображениями на вазах; другие изображения представляют костюм комических актеров в некоторых их ролях.

На рисунке, представляющем Геркулеса с пойманными им керкопами перед царем (рис. 72), и на другом — Зевса и Гермеса в образе служителей под окнами Алкмены (рис. 73), фигуры уродливо утолщены, но снабжены свойственными им атрибутами — короной, палицей, жезлом и т. д. и, кроме того, фаллосами (для большей выразительности фаллосы окрашивались ярко-красной краской).

Несмотря на то что на рисунках часто встречаются женские фигуры, остается сомнительным, действительно ли эти роли исполнялись женщинами; более того, неизвестно, допускались ли женщины в театр, особенно на комедии, даже простыми зрительницами.

Постройки

Заселившие Грецию племена, обнаружив в занятой ими стране неистощимые запасы легкодобываемого и удобного для обработки известкового камня, начали строить себе каменные жилища. Само название племени пеласгов (*las* — камень) и рано отделившихся от них тирренов (строителей, обитателей башен) указывает на то, что они жили в каменных жилищах. Уже в древности они считались основателями городов и замков, а Эпир и Фессалия — теми районами, где были основаны первые города и замки. Древнейшие развалины относятся именно к этим первоначальным сооружениям. Они рассеяны почти по всей Греции и ее островам и сохранились в виде гигантских обломков колоссальных стен, оград и плотин.

К наиболее древним из этих памятников относятся некоторые ограды первобытной кладки. Они и подобные им развалины на западном берегу Малой Азии назывались уже в древности циклопическими постройками.

Развалины древнего Тириня в Арголиде до сих пор оправдывают это название. Это остатки городской стены, обозначающие прежнюю окружность города. Стена толщиной 25 футов сложена из поставленных одна на другую совершенно необработанных и ничем не закрепленных каменных глыб около 12 футов длиной при такой же толщине.

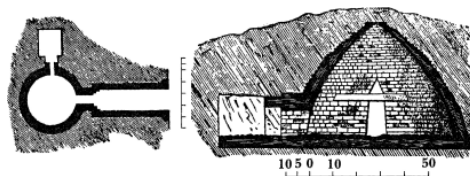
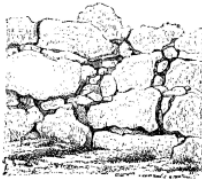
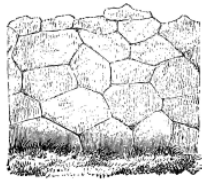

Рис. 75.

Местами в ней проделаны крытые (с помощью поставленных наклонно друг к другу камней) ходы 5 футов шириной, где видны следы запиравшихся ворот и выступов, которые могли быть основанием башен. Один из ходов открывается в крытую галерею с выходом наподобие двери. Несмотря на грубую кладку, вся постройка, возведенная на возвышении около 30 футов, расположена по плану (рис. 76).

Рис. 76.

Развалины древнего Тириня в Арголиде немного старше развалин замка Микен, основанного, по преданию, Атридами в XI в. до н. э. Построенный на скалистом уступе, возвышающемся к северу от Аргоса, замок этот был оплотом лежащего под ним и прославленного еще Гомером города Микены, от которого тоже остались следы стен.

Развалины замка, состоящие из остатков его наружной стены, представляют собой постепенный переход от простого нагромождения колоссальных глыб, как в Тиринфе, до кладки из правильно обтесанных многогранников.

Некоторые фрагменты стены (скорее всего, остатки древнейшей кладки) положены еще первобытным циклопическим способом, но значительная их часть показывает усовершенствование строительной техники: неправильные глыбы заменены в ней многогранными, так искусно пригнанными друг к другу, что, несмотря на отсутствие цемента, они образуют очень плотную, почти нерушимую стену.

Другие остатки стен сложены из больших прямоугольных глыб, и притом так, что в трех и более рядах стыки глыб приходятся одни под другими, образуя вертикальную линию, между тем как облицовка ворот из отесанных продолговатых камней состоит из обыкновенной кладки с чередующимися стыками.

Гораздо интереснее стен, по кладке не отличающихся от других пеласгических развалин, сами входы. Их сохранилось всего три.

Один из них, очень небольшой, представляет собой треугольный островерхий пролом в стене; второй, больший, состоит из двух четырехугольных камней и положенной на них каменной поперечины. Третий вход, лежащий на западной стороне между двумя примыкающими к нему кусками стены, гораздо больше и массивнее остальных и вдобавок украшен резьбой, отличающей его от других.

Резьба эта, по которой и сам вход получил название «львиных ворот», представляет символическое изображение алтаря между двумя стоящими на задних лапах львами. Она высечена на каменной плите толщиной два фута, закрывающей треугольное отверстие, которое у большей части ворот этой эпохи оставлялось над притолокой для уменьшения лежащей на ней тяжести.

Длина притолоки не менее 14 футов, ее толщина 4,5 фута. Поддерживающие ее воротные столбы (монолиты, как и она) поставлены наклонно один к другому (как и у второго входа), так что расстояние между ними вверху составляет только 10 футов.

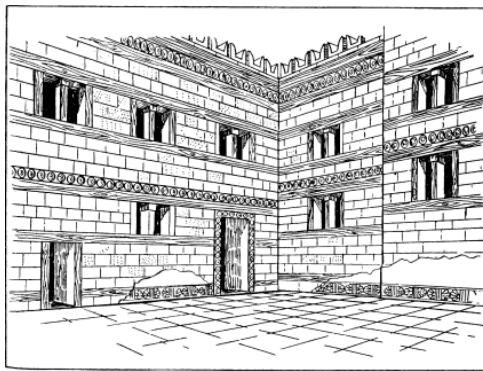
Если уж в этих (пеласго-ахейских) строениях видно усовершенствование строительной техники (по сравнению с развалинами древнего Тиринфа и других пеласгических городов), то еще больше это видно по некоторым остаткам сооружений, лежащих ниже замка, в окрестностях старинной городской стены.

Таковы остатки четырех подземных помещений, расположенных один напротив другого. Самое большое и сохранившееся лучше других известно под названием «сокровищницы Атрея», данным ему Павсанием (II, 16, 5), и «гробницы Агамемнона».

Оно представляет собой куполообразное, похожее на улей сооружение 40 футов в поперечнике и 50 футов высотой (рис. 75). Прямостенный, сложенный из громадных плит открытый ход 20 футов шириной и 60 длиной ведет ко входу, который похож на главные ворота замка, с той лишь разницей, что как столбы, так и притолока обтесаны остроугольно и отверстие над притолокой не заложено.

Рис. 77.

Высота входа равняется 20 футам, ширина — 7,5 фута. Куполообразное внутреннее

помещение сложено так, как в гробницах Херсонеса Таврического, — из четырехугольных камней, положенных горизонтальными, кверху постепенно сближающимися рядами и только с внутренней стороны закругленных.

По найденным в стенах отверстиям и медным гвоздям с висящими на них кусками медных листов можно предполагать, что стены до определенной высоты были покрыты металлической обшивкой. Из этого помещения небольшой коридор ведет в продолговатую камеру, высеченную в скале.

Найденные вблизи главного входа обломки колонн и т. п. из красного, зеленого и белого мрамора с простыми, наподобие кельтских, украшениями из ломаных, спирально и округло изогнутых линий принадлежали, очевидно, к внешнему убранству большой обложенной медью комнаты.

Хотя настоящее назначение этого сооружения остается и до сих пор непонятным, можно все же предположить, что только небольшая камера служила гробницей, а предшествующая ей круглая комната была местом, где хранились похороненные вместе с покойником сокровища.

Другие остатки подобных сооружений, которых, как свидетельствуют древнейшие греческие писатели, оставалось еще достаточное количество в гомеровское время и которые позднее служили даже тюрьмами, не представляют большого интереса.

Таковы развалины предполагаемой «сокровищницы Менелая» близ древних Амикл, остатки казнохранилища Мициаса — сооружения, которое Павсаний называет «диковинным, не уступающим никакому гелленскому зданию», в районе древнего, еще Гомером упоминаемого Орхомена в Беотии (Ил., V, 381).

Рис. 78.

От этого здания, которое было «кругло, но не слишком островерхо, сложено из камней и сверху накрыто одним только камнем», уцелел один главный вход. Он сложен из шести правильно обтесанных глыб белого мрамора, из чего можно предположить, что и все здание было выстроено из того же самого материала. Изгиб его уцелевших частей дает возможность определить его диаметр, равняющийся 64–70 футам.

Неподалеку от Орхомена видны также остатки гидравлических сооружений, регулировавших отведение вливающейся в Копайское озеро воды. Они были устроены наподобие выложенных камнем шахт. Под их обломками до сих пор можно еще узнать следы туннеля в 3000 шагов длиной. Развалины такого рода построек находятся и в восточной (древнепеласгической) Аркадии в долине Фенея.

Из всех этих и подобных им рассеянных по стране сооружений особенного внима-

ния заслуживают пеласгические развалины близ Миссолунги, в которых угадываются остатки склада для больших запасов хлеба. Он представляет собой высеченную в скале продолговатую площадь, на которой возведены из обтесанного плитняка пять параллельных одна другой стен, в каждой из которых проделаны по три треугольных прохода. Можно предположить, что это часть другого, большего по размерам сооружения.

Что касается других построек древнепеласгического населения, например жилищ, храмов и т. п., то из-за отсутствия каких бы то ни было свидетельств мы о них ничего не можем сказать; даже описываемые Гомером строения относятся уже к гораздо более позднему времени — эпохе малоазиатско-греческой культуры.

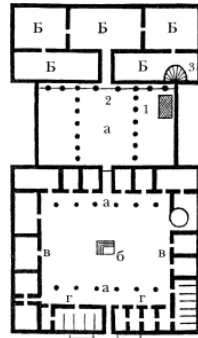

Рис. 79.

Таким образом, только эти развалины, которые должны быть отнесены ко времени, предшествующему появлению дорийцев, остаются единственным свидетельством древнейшего быта греков. Несмотря на то что они представляют различные ступени развития строительной техники, нельзя не заметить присущего им неэллинского характера, отличающего их от позднейших, собственно эллинских построек.

Хотя массивность кладки и свойственное им преимущественно подземное, пещероподобное расположение сходны со всеми первобытными постройками, развалины Микен (напоминающая ассирийские образцы резьба на львиных воротах и в особенности украшения и устройство казнохранилища, его металлическая обшивка и т. п.) указывают на присутствие в них восточного элемента (рис. 77 — современная реконструкция внутреннего двора Микенского дворца).

Но само ли пеласгическое население вынесло родной ему элемент из своей азиатской прародины или же он проник позднее под влиянием Азии, неизвестно. Поскольку нет недостатка в указаниях на то, что восточный берег Эллады был уже в незапамятные времена колонизирован финикийцами, владевшими также землями и внутри полуострова, можно предположить, что финикийцы и здесь были главными наставниками в строительной технике.

Подобно тому как в Египте период господства гиксосов отделяет колоссальные сооружения древнейшей эпохи (пирамиды и т. д.) от памятников Нового царства, так и в Греции древнепеласгические и пеласго-ахейские памятники отделяются от позднейших таким же продолжительным промежуток времени, не оставившим никаких следов монументальных строений. Только с появлением дорийцев и расселением их в южной части полуострова начинается история греческого строительства.

Наряду с дорийцами, которым приписывается изобретение особого способа постройки — дорического, на арену выходит ахейско-ионическое племя с его самостоятельным и оригинальным архитектурным стилем — ионическим.

Ход развития этих двух разноплеменных, но не разнонародных стилей и возникшего рядом с ними, в Коринфе, коринфского стиля теряется во тьме веков, так же как и возникновение древнепеласгических построек. Все дошедшие до нас развалины относятся к более позднему времени. За исключением немногих обломков довольно

грубо обработанных столбов пирамидальных построек еще первобытного ассирийско-египетского характера, большая часть их представляет образцы полной законченности упомянутых стилей. В хронологической своей последовательности все эти памятники восходят к середине VII в. до н. э.

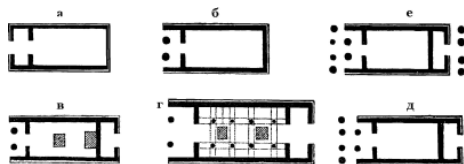

Рис. 80.

Вместе с преданиями о самых ранних сооружениях ахейского и начала дорийского периодов эти памятники свидетельствуют, что исходной точкой эллинской архитектуры была простая деревянная постройка, примененная к потребностям культа и под его влиянием усовершенствованная.

Расположение дорийского храма было заимствовано у тех хижин, в которых с незапамятных времен жили горные обитатели Греции, что подтверждается сходством, существующим между высеченными в скалах гробницами Малой Азии и еще ныне строящимися там деревянными постройками.

Первоначально древние зодчие пытались применить привычный способ постройки из огромных каменных глыб, но ко времени сооружения храмов строительное ремесло продвинулось вперед.

К известным уже механическим приемам постепенно добавились новые. Стремление достигнуть при постройке храмов более правильной кладки потребовало тщательной отделки отдельных частей зданий и привело к изобретению необходимых для этого орудий, занявших место рядом с рычагом, который издавна применялся для передвижения каменных глыб, секирой и шнуром, с помощью которых издавна обтесывали эти глыбы.

Для поднятия камней стали применять известный уже древним ассирийцам и, конечно, финикийцам и другим народам сложный блок; вскоре появилась пила для распилки камней, инструменты для их обработки и, вероятно, даже устроены машины для обтачивания колонн. Отдельные камни начали связывать цементом, деревянными болтами, металлическими скобами и т. п.

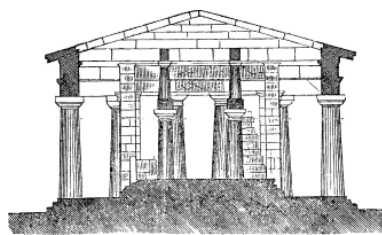

Рис. 81.

Как ни велики были успехи строительной техники греков, прошло еще много времени, пока они решились воспользоваться ими для светских построек.

Художественное зодчество долго еще ограничивалось сооружением храмов и других религиозных зданий. Даже при восстановлении Афин Периклом вся художественно-строительная деятельность сосредоточивалась только на них и обратилась к другим общественным сооружениям лишь тогда, когда достигла своего высшего развития. Что касается частных построек, то они и теперь были лишены какого бы то ни было художественного значения и приобрели его гораздо позднее, не ранее Пелопоннесской войны.

До тех пор, а скорее всего, до самой македонской эпохи жилые дома были большей частью очень просты, особенно в Лакедемоне, где простота обуславливалась по-

становлениями Ликурга, получившими силу закона. Предписывая «отделать двери только пилою, а крышу одним только топором», постановления эти сделали постройку каменных жилищ вместо старинных деревянных невозможной.

О том, как строились древнедорийские и вообще древнегреческие дома, никаких достоверных данных нет. Остатков не сохранилось, а сведения о них отрывочны и восходят не далее Пелопоннесской войны, а потому не дают возможности проследить все последовательные изменения и усовершенствования греческих жилищ.

Можно только предположить, что древнегреческое жилище в первоначальном виде представляло собой окруженный столбами и защищенный плоской двухскатной крышей очаг. Этот крытый и огороженный очаг был затем расширен за счет пристраиваемых к нему жилых помещений, на расположение которых у различных племен оказывали влияние их обычаи. Так, у дорийцев помещения были немногочисленны и служили для обоих полов; у ионийцев же, напротив, для женщин устраивались отдельные помещения.

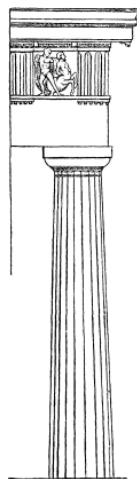

Рис. 82.

О том, как были устроены греческие жилища можно узнать из описаний дворцов у Гомера (рис. 79, план дома Одиссея). Расположение в них помещений, по сути, такое же, как и в афинских домах, которые, судя по более поздним источникам, всегда строились по тому же плану, что и греческие.

Снаружи дом Одиссея был обнесен высокой стеной, оснащенной зубцами. Стена была настолько широкой, что по ней можно было ходить. С узкой стороны в ней находились большие двустворчатые ворота, которые изнутри запирались на засов. Снаружи по обеим сторонам ворот тянулись каменные скамейки, где мужчины собирались для беседы («Одиссея», XVI, 343). Такие скамейки стояли и перед дворцом Нестора («Одиссея», III, 406). Ворота вели во двор, в котором иногда располагались хлевы, сараи и жилища для челяди (в — в, г — г).

Со стороны ворот и перед фасадом дома во дворе находились крытые портики (а — а), последний из которых назывался преддомием (продомос; «Одиссея», IV 297, 305). Сюда выходили комнаты, в которых ночевали гости.

Здесь же в доме Одиссея размещалась высокая спальня (таламос ипсинос) Телемака («Одиссея», I, 425). Из нее открывался вид на город и гавань, поскольку, по словам поэта, дом Одиссея стоял на возвышенном месте. Кроме того, здесь находились бани, ручные мельницы и кладовая (толос), имевшая круглую форму. Посреди двора стоял алтарь Зевса (б). Особенно просторным был продомос во дворце Приама («Илиада», VI, 242–250).

Большой городской дом обыкновенно состоял из двух главных частей: передней мужской половины и задней женской половины. Обе части занимали продолговатый четырехугольник и располагались по следующему плану.

Рис. 83.

Через ворота переднего двора или, где двора не было, прямо с улицы входили в прихожую или некрытый широкий проход, по обеим сторонам которого были расположены покои, служившие для различных хозяйственных нужд, и помещение при-вратника. Этот проход вел в большой четырехугольный некрытый зал, обнесенный крытым портиком.

Это был главный покой мужской половины дома, он соответствовал переднему двору гомеровских дворцов. Как и там, посередине его стоял алтарь, посвященный Зевсу-домохранителю. С боков к нему примыкали жилые покои мужчин. Каждый из них имел дверь, выходящую в зал, и соединялся с соседними покоями внутренними дверями.

Расположенный прямо напротив главного входа коридор вел в женскую половину дома. Она также состояла из большого зала с колоннами и боковых покоев для жилья. За женской половиной также находились залы, а за ними — помещения для прислуги, выходящие на улицу позади дома (или, может быть, в садик, если он был), так что, заперев внутреннее сообщение, можно было отделить женское помещение от мужского, не мешая прислуге.

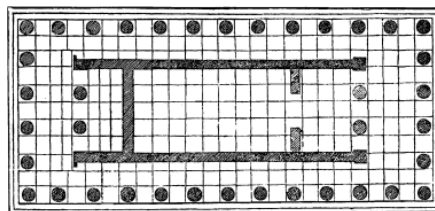

Рис. 84.

Если дом был двухэтажный, то в верхний этаж вела лестница, очень часто прямо с улицы. Верхний этаж строился из тонких досок и был разделен на комнаты, которые служили помещениями для рабов или (если в доме не было особых гостевых комнат) спальнями для гостей. Только верхний этаж освещался окнами, в нижний свет проникал через двери.

Под влиянием малоазиатских ионийцев в Коринфе уже около 490 г. до н. э. начали делать внутренние балки прямоугольными. Но это нововведение приживалось в Греции с трудом. Противниками его были лакедемоняне, продолжавшие придерживаться прежней простоты. Рассказывали, что спартанец Леотихид, увидав в зале своего хозяина в Коринфе прямоугольно обтесанные балки, насмешливо спросил его: «Разве у них в Коринфе деревья растут четырехугольные?»

Об афинских домах точно известно, что во времена Перикла они вообще были очень просты и некрасивы. Даже жилища таких известных людей, как Фемистокл, Мильтиад, Аристид, ничем не отличались от домов простых граждан. Но и в эпоху расцвета греческой архитектуры, создавшей множество великолепных светских сооружений, и после нее жилища афинских граждан отличались простотой и отсутствием всяких украшений.

Стены белили снаружи и изнутри, полы были земляные, глиняные, известковые или гипсовые, иногда выложенные камнем. Вместо внутренних дверей между ком-

натами использовались занавеси. Иногда их натягивали над дворами вместо крыши во время непогоды или сильной жары. У главного входа, дверь которого, по старинному обычаю, должна была отворяться вовнутрь, находился алтарь и возле него столбообразный символ Аполлона Эгиея вместе с посвященным этому божееству лавром.

От этой простоты построек (прежде всего в Афинах) стали уходить почти сразу же после смерти Перикла. Алкивиад был первым, кто велел расписать стены своего дома и покрыть орнаментами потолки своих покоев. Его примеру последовали другие знатные граждане, и уже у Демосфена было достаточно причин, чтобы упрекнуть тогдашних государственных деятелей в роскоши их жилищ.

Упрек Демосфена мог, впрочем, относиться только к внутренним декоративным элементам. Архитектура домов по-прежнему оставалась простой. Более сложная архитектура появилась не ранее македонской эпохи. Знатные и богатые люди, не меняя планировку домов, начали строить их не из дерева и кирпича, а из плитняка.

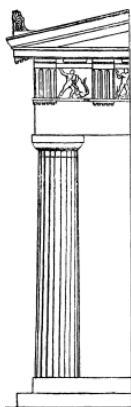

Рис. 85.

Деревянные колоннады вокруг дворов были заменены каменными (мраморными); вместо глиняных или земляных полов начали настилать мозаичные; вместо простых занавесок стали развешивать вышитые (персидские и индийские) ковры; гладкие, просто выбеленные стены покоев покрылись живописью и лепными орнаментами. Затем к греческим архитектурным формам постепенно присоединились формы других стран, и уже к концу эпохи наряду с коринфскими залами строились киликийские и египетские.

Однако, несмотря на пышное внутреннее убранство городских и загородных жилищ афинских богачей, снаружи они по-прежнему оставались простыми. Свойственная грекам боязнь пусть даже непреднамеренно оскорбить святыню не позволяла им строить свои жилища с той художественной выдумкой, на которую были так богаты религиозные сооружения. Больше всего избегали они при этом использования таких архитектурных элементов, как колонны и фронтоны, что было обязательным украшением предхрамий.

Храмы

Греки считали, что храм — это жилище, дом божества, который должен быть особенным, поэтому храмы строили с колоннами. Предания о пустых древесных пнях как древнейших вместилищах идолов относятся к мифологии. Но в более достоверных, имеющих историческую основу источниках о первоначальных деревянных храмах мы уже встречаем упоминания об этой особенности постройки. О том, какого высокого уровня развития и художественной завершенности достигла архитектура, свидетельствуют сохранившиеся до сих пор остатки каменных храмов. Они же дают возможность проследить почти шаг за шагом и пространственное развитие храма от основной его формы — простого замкнутого строения — до более обширного, со многими колоннадами агонального или праздничного храма и даже до еще более крупных храмов, предназначенных для отправления мистерий, так называемых мегар.

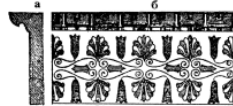

Рис. 86.

Важнейшую часть греческого храма составляло огороженное стенами пространство (целла), где помещалось изображение божества. Это было святилище (гиерон), место, где пребывало божество.

Здесь находился центр храма, его ядро, все же остальное составляло только архитектурно расчлененное окружение этого ядра. Согласно религиозным воззрениям, святилищу придавали вид простой хижины.

Так же как в древнейшем каменном храме на горе Охе (рис. 78), в позднейших храмах целла представляла собой небольшое продолговатое четырехугольное помещение с вертикальными стенами и плоской или двускатной крышей. Таким образом в ней сохранился известный по преданию тип древнейших святилищ.

Целла строилась всегда на особом помосте в направлении от запада к востоку. С восточной ее стороны находилась дверь, а с противоположной, на возвышении, стояла статуя божества и перед ней — алтарь.

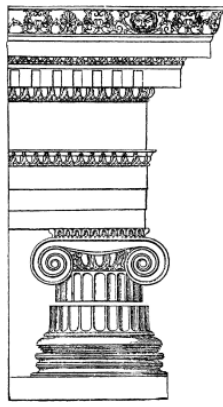
В зависимости от требований культа того или другого божества целла была закрыта либо полностью, либо частично. В первом случае свет проникал в нее через открытую дверь, если же последняя была слишком мала, то через окно, сделанное возле нее; для освещения полукрытой целлы кроме двери служило еще и оставленное в крыше отверстие.

Края этого отверстия подпирались столбами; в небольшой целле таких столбов было четыре — по одному под каждым углом отверстия, но с увеличением объема целлы, а следовательно, и отверстия, увеличивалось и количество столбов (по длине отверстия), а самого идола ставили дальше от стены и ближе к отверстию. При еще большем объеме добавлялись столбы и по ширине отверстия.

Здесь целла помещалась ближе к середине здания, а алтарь — напротив статуи божества (рис. 80, в, г). В гипетральной целле оставалось, кроме того, достаточно места для размещения различных изображений и приношений. Причем их расставляли между колоннами таким образом, чтобы имевшие ближайшее отношение к главному идолу храма находились ближе к нему. Те статуи, которые не могли поместиться в целле, выставлялись в предхрамии.

Такой же порядок в размещении статуй и приношений соблюдался и в крытых храмах.

Рис. 87.

С увеличением количества изваяний, располагаемых в предхрамии, становилась все более ощутимой потребность в его расширении.

Для этого фронто́н был снова выдвинут вперед и подперт колоннами, отчего образовалось открытое преддверие (рис. 80, д).

Соответственно этому и задняя пристройка храма была увеличена за счет такого же колончатого преддверия, и все здание приняло характер двусторонне-колончатого (рис. 80, е). Исходной точкой всех дальнейших изменений наружного вида целлы были эти колончатые пристройки.

Сначала целлу окружали со всех сторон колоннами, и образовывался так называемый периптер (рис. 84), причем проход между стенами целлы и окружающей ее колоннадой служил для размещения статуй и т. п. Окружая периптер еще и другим рядом колонн, его превращали в диптерос. Иногда, для того чтобы сделать проход между двумя рядами колонн шире, внутренний их ряд придвигали почти к стене целлы. Такой псевдодиптерос навел на мысль строить храмы иначе, окружать их стены не колоннами, а только полуколоннами; такие постройки назывались «псевдопериптерами».

Внутри храмы всегда оставались (за исключением больших храмов — мегар) разделенными двумя рядами колонн не более чем на три части. Расширяли только проходы между колоннами, но третьего или четвертого ряда колонн не добавляли; иногда над колоннами строили верхнюю галерею (гипероон), тоже из колонн, но более легких, чем нижние (рис. 81). На эту галерею поднимались либо из передней, либо из задней пристройки, но чаще всего по каменной лестнице из целлы.

Каждый храм строился на высоком фундаменте (обыкновенно на трех ступенях) и стоял выше окружавшей его местности. Земля вокруг храма была его собственностью и почиталась священной и неприкосновенной.

Ее окружали оградой, забором или стеной, и все принадлежавшее храму помещалось внутри этой ограды. Напротив главных ворот стоял на особом возвышении жертвенник, часто огромного размера; около него были расставлены небольшие алтари. Статуи вместе с различными богослужебными постройками и помещениями для жрецов заполняли остальное пространство ограды. Главный вход устраивали иногда в виде великолепного, окруженного колоннами портика.

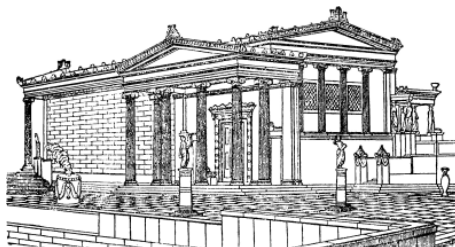

Рис. 88.

Храмы строили только из камня, большей частью из крупнозернистого известняка, который покрывали слоем штукатурки; в местностях, богатых мрамором (в

окрестностях Гимета, Пентеликона и на о. Паросе), — из мрамора. Цемент не использовали, камни обтесывали так аккуратно и так точно пригоняли их один к другому, что они прочно держались на своих местах; техника совершенствовалась наравне с искусством.

Все греческие храмы строились по одному типу, характерными особенностями которого были фронтон и колонны. Тем не менее внешне они у дорийского и ионийского племен были различными, и различие это четче всего выразилось в колоннах.

Если дорическая колонна придавала храму характер серьезности и устойчивости, соответствовавший характеру самого племени, то ионическая колонна сообщала храму легкость и изящество, составлявшие отличительную черту ионийского племени. Обремененная украшениями коринфская колонна была как бы дальнейшим развитием ионической и представительницей более взыскательного художественного вкуса.

Дорическая колонна (рис. 82) состоит только из стержня и капители. Высота ее составляла пять с половиной (или пять и две трети), а в древних зданиях только четыре диаметра ее основания. В ряде колонн пространство между каждыми двумя колоннами составляет от одного с четвертью до полутора таких же диаметров. Стержень, постепенно утолщающийся внизу до $1/3$ своей высоты, утончается под капителью на $1/6$ своего нижнего диаметра. Поверхность его покрыта двадцатью каннелюрами. Переход к капители обозначается вырезкой в виде горизонтального кольца, охватывающего шею колонны. Шея завершается тремя узкими, тоже горизонтальными, но выпуклыми кольцами поясками, которые, постепенно утолщаясь наружу, переходят в подушку. На подушке лежит как промежуточный элемент между колонной и опирающейся на нее балкой четырехугольная плита. Там, где продольные стороны выдвигаются по обеим сторонам колонн, плоская поверхность их расчленяется, подобным образом подушка получает форму выдающегося бруска с выступающей над ним плитой.

Рис. 89.

Части, лежащие над колоннами (антаблемент), начинаются снизу очень массивной балкой (архитрав), которая только в редких случаях покрыта украшениями в виде ряда кружков, обычно же она бывает совсем гладкой.

Узкий поясok отделяет архитрав от лежащего над ним фриза.

Последний разделен на квадратные поля (метопы) и чередующиеся с ними продолговатые четырехугольники, каждый с тремя продольными выемками или каннелюрами (триглифы). Метопы, служившие первоначально крышками для отверстий, через которые проходил свет, обычно украшались рельефными изображениями, триглифы же — простым пояском.

Фриз заканчивается карнизом, составленным из ряда небольших, покрытых вырезками плиток, которые лежат над метопами и триглифами, и тянущейся над ними балкой, которая с нижней стороны скошена. Этот скос вдоль метоп и триглифов покрыт небольшими дощечками, на которых симметрично усажены шапки.

Затем следует новый ряд плиток и над ним верхний брус, на котором покоится фронтон. На углах фронтона этот брус превращается в кровельный желоб с прикреп-

ленными к нему водосточными отверстиями в виде львиных голов. Площадь фронтона украшалась изваяниями, а на его верхушках и углах ставились фигуры или акротерии (плоские орнаменты).

Остальные части здания оставляли без украшений для кровли использовались мраморные, глиняные и бронзовые плитки, плоские и желобчатые. Потолки портиков разбивали на квадраты, стены в верхней части украшались только фризом с рельефными фигурами, внизу были гладкими. Впрочем, для украшения прибегали иногда и к росписи красками, не расписывая, вероятно, только фриз и фронтоны.

К лучшим образцам дорических храмов принадлежит храм Тезея в Афинах (рис. 83). Построенный при Кимоне (470 г. до н. э.), он был превращен в средние века в христианскую часовню, поэтому, вероятно, и сохранился.

Это здание, построенное почти в таких же пропорциях, как и воздвигнутый двадцатью годами позже Парфенон (ср. рис. 82 и 85), поднято на две ступени периптером длиной 104 футов и шириной 45 футов. За исключением помоста, сложенного из пирейского известняка, все оно выстроено из цельного пентелийского мрамора.

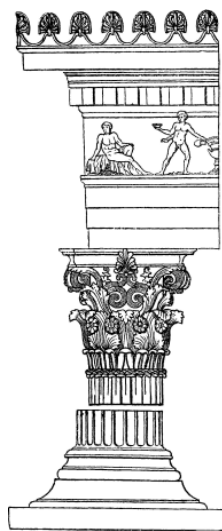

Рис. 90.

Высота здания относится к его длине почти как 1 к 3, высота колонн составляет пять с половиной, а промежутки между ними — три с половиной размера их нижнего диаметра. Насколько позволяют судить сохранившиеся в некоторых местах следы краски, триглифы были окрашены в синий, а метопы и фронтоны, за исключением пластических украшений на них, — в темно-красный цвет.

Плитки на срезе верхнего карниза и шапки на них были красные, а пояски триглифов, вероятно, синие. Фон фриза вокруг целлы и внутри портика (в описываемом здании завершенного изящно нарисованной полосой, рис. 86) был покрыт тоже синей краской, а кровельные брусья — ярко-красной.

Углубления кассетонов были расписаны красными и золотыми звездами по голубому полю. Другие мелкие архитектурные части были тоже разрисованы различными легкими узорами в виде меандров, пальметт и т. п. Можно также предполагать, что изваяния внутри фронтона и над ним были отделаны бронзой и частично позолочены (рис. 82, 85).

Ионическая колонна (рис. 87), в отличие от дорической, всегда стоит на высокой горизонтально расчлененной базе. База начинается четырехугольной плитой, затем до определенной высоты на ней чередуются впадины и выступы, и заканчивается она толстым закругленным выступом. Несколько отличающаяся от нее аттическая база состоит только из двух закругленных выступов, разделенных пустотелой рейкой.

Рис. 91.

Стержень ионической колонны, слегка утолщенный в месте соединения с базой и капителью, покрыт двадцатью четырьмя каннелюрами. Высота его составляет от восьми с половиной до девяти с половиной диаметров его основания, расстояние между колоннами в монументальных постройках (междустолпие) определяется двумя такими же диаметрами.

Капитель лежит непосредственно на стержне, отделенная от него только пояском, нередко украшенным круглым и яйцевидным орнаментами. Над пояском поднимается плоская орнаментированная подушка, которая в свою очередь завершается выдающим свое азиатское происхождение двойным завитком, расчлененным несколькими обрамляющими его рейками.

Между капителью и архитравом лежит тонкая плитка, покрытая по краям резными украшениями. Архитрав, менее высокий, чем дорический, но тоже расчлененный на три элемента, отделяется от фриза богато орнаментированным поясом; таким же поясом, идущим под самым карнизом, заканчивается и совершенно гладкий фриз.

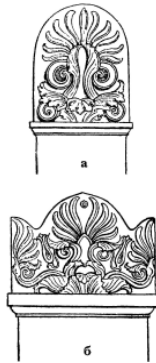

Рис. 92.

Поднимающийся несколькими выступами карниз начинается снизу зубчатым поясом, на котором лежит покрытый круглым орнаментом узкий поясок. Затем следует гладкий брус, и над ним как завершение опять богато украшенный широкий выступ.

Ионический фронтон выше дорического, но на нем также есть пластические украшения в поле и по углам. Стены под самым потолком окаймлены широким и выпуклым карнизом, обведенным штабиками и поясками.

Наилучший образец ионийских сооружений сохранился в афинском Эрехтеоне. Несмотря на сильное разрушение, этот храм все-таки уцелел еще настолько, что есть возможность восстановить по крайней мере его наружный вид (рис. 88).

Соединяя в себе, как полагают, святилище Эрехтея и храм Паллады Полии, он представляет собой прекрасный пример умения греков объединять несколько храмов в одном здании. Кроме того, он демонстрирует нам изящное применение цельных статуй (кариатид) вместо настоящих колонн (рис. 89).

В зависимости от характера главного божества, которому был посвящен храм, греки устанавливали с этой целью и мужские фигуры.

В коринфской колонне повторяются все особенности ионической, только в более роскошной форме (рис. 90). Стержень похож на ионический, и каннелюры его, то плоские, то глубокие, нередко оканчиваются под капителью в виде загнутых листиков.

База несколько отличается своим профилем от ионической: книзу она расширяется и становится тоньше. Еще более непохожа на ионическую капитель. Она имеет вид раскрывающейся чашечки цветка, окруженной несколькими рядами мелких и

крупных листьев.

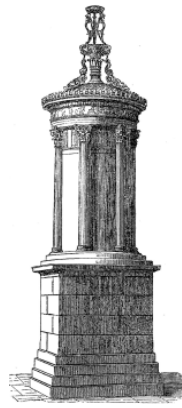

Рис. 93.

Внизу чашечка обхвачена узким пояском, а наверху из нее поднимаются (лишь слабо напоминая волюты ионической колонны) завитые, подобно тычинкам, стебли. Они упираются в четырехугольную плиту, украшенную посредине цветком, стороны которой вогнуты внутрь.

На этой плите лежит антаблемент, приближающийся по художественной отделке к древнеионическому, но с той разницей, что его фриз гуще покрыт пластическими украшениями и над карнизом, разбитым с нижней стороны на кронштейны, идут также украшения в виде пальметт и других фигур.

От греческих храмов этого стиля сохранилось немного. Остались лишь памятники, относящиеся к позднему времени, не культовые, а имеющие чисто светский характер, например так называемая «башня ветров» — восьмистороннее здание с пологой крышей, возвышавшееся вблизи нового рынка в Афинах.

К персонифицированным памятникам относятся так называемые хореические памятники, среди которых главное место как по своему значению, так и по цельности занимают памятники Лизикрата (рис. 93, 94 — барельеф на памятнике Лизикрата) и Фрасилла. Первый, поставленный в 334 г. до н. э., при высоте 34 фута имеет вид простого грота, обрамленного дорическими пилястрами и фризом, с рельефным изображением на нем победных венков. Другие подобные памятники (сохранившиеся в рассеянных обломках) были просто колоннами ионического или коринфского ордера на подножии в несколько ступеней и служили для установки на них полученного приза.

Рис. 94.

Уже по этим памятникам видно довольно произвольное применение форм, выработанных при сооружении храмов. Еще свободнее применялись эти формы в надгробных памятниках. Культ почитания умерших заставлял греков не жалеть средств на сооружение памятников, а поскольку место погребения считалось священным и неприкосновенным, то не казалось предосудительным переносить на него и заимствованные у святилищ формы.

Даже самые бедные, которых хоронили на общественном кладбище, заботились о том, чтобы место их погребения было по крайней мере чем-нибудь обозначено. В древнейшую пору мертвых хоронили внутри их собственных жилищ; позднее их стали хоронить за городскими воротами, вблизи общественных дорог.

Погребение внутри городской стены допускалось только как почетное исключение. Эти как будто выставленные напоказ памятники сооружались с такой роскошью, что для ее ограничения был издан особый закон.

Наиболее распространенной формой надгробных памятников в Греции были свободно стоящие сооружения, в которые помещался саркофаг или урна с пеплом и различного рода погребальные дары.

Простейшими из этих памятников были столбы или колонны с надписью на стержне и скульптурными украшениями наверху — круглыми на колоннах и рельефными на столбах (рис. 91; рис. 92, а, б). Иногда столбы заменялись поставленными вертикально каменными плитами с рельефной фигурой самого умершего или с каким-нибудь символическим изображением. Например, на памятнике холостого почти всегда изображали фигуру женщины, несущей воду, и т. п. На больших надгробных плитах надстраивали также фронтоны (рис. 95), а гробницы с внутренним помещением даже украшали фасадом, подобным храмовому.

Рис. 95.

К архитектурным и рельефным украшениям памятников иногда добавляли роспись красками, но в большинстве случаев, вероятно, обходились без нее (ср. рис. 96).

Кроме вертикальных памятников были также и горизонтальные надгробия, то в форме куба, то, как в Малой Азии, в виде саркофага с рельефными фигурами, орнаментами и надписями. Все надгробные памятники ставились на фундамент, имевший несколько ступеней. Вокруг памятников богатым людям сажались деревья, либо эти памятники окружались настоящими садами.

Время от времени памятники обвивали венками из плюща и украшали цветными лентами со строгим соблюдением всех установленных обрядов. При Александре Македонском погребения вновь стали очень пышными.

Гробница, сооруженная им его другу Гепестиону, была покрыта украшениями; она возвышалась на 130 локтей, утончаясь кверху уступами в виде пирамиды. Еще великолепнее была колесница, в которой на 64 мулах перевозили тело самого Александра из Вавилона в Александрию. Она имела вид раззолоченного храма, убранного золотыми украшениями, дорогими коврами и т. п.

Богатую добычу, доставшуюся афинянам в войнах с персами, они использовали на восстановление своего города. Первой задачей было возведение вокруг него украшений, что и было сделано Фемистоклом и Кимоном, так что их преемник Перикл мог уже заботиться только об украшении города зданиями.

Недостатка в художниках не было: Иктин, Калликрат, Мнесикл и другие под руководством Фидия построили в афинском Акрополе великолепные храмы и возвели статуи богов. Когда потребности культа были удовлетворены таким блестящим образом, афиняне обратились к сооружению светских зданий.

Исполненные как художественные произведения, эти здания послужили образцами для всей Эллады.

Рис. 96.

В разных ее местах появились подобные сооружения, а в первой половине IV в. примеру Афин последовали и многие города Пелопоннеса.

После храмов прежде всего принялись за постройку зданий, предназначенных для общественных игр, поскольку эти игры были тесно связаны с религией и составляли часть культа.

При Перикле в Афинах был заложен каменный театр, построены большой музыкальный зал (Одеон) и ипподром в Олимпии.

Постройка этих сооружений, предназначенных для размещения большого количества людей, способствовала и развитию строительной техники. Кроме издавна известных приемов выработались новые. Вероятно, в это время начали класть своды, изобретателем которых считают Демокрита; но так как свод был уже известен древним египтянам, ассирийцам, вавилонянам, а также и итальянским народам, то скорее можно предположить, что греки не сами изобрели его, а переняли у названных народов.

Театры

Первые театры состояли из одной переносной сцены, которую перевозили на телеге с места на место (так рассказывают о театре Фесписа); затем стали строить постоянные дощатые сцены довольно большого размера (таким был первый театр в Афинах). Первый каменный театр был заложен при Перикле в Афинах; по его образцу стали устраивать театры и в других городах.

При постройке театра основное внимание обращали на выбор подходящей местности. Выбирали, как правило, склон холма и в нем выкапывали места для зрителей (*theatron*) — амфитеатр; плоскость у подошвы склона, предназначенную для хора (*orchestra*), выравнивали, а за ней строили саму сцену и необходимые для нее помещения (рис. 97, театр в Мегалополисе; рис. 98, театр в Сегесте).

Зрители помещались на скамьях, поднимавшихся концентрическими уступами (рис. 98).

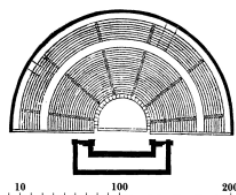

Рис. 97.

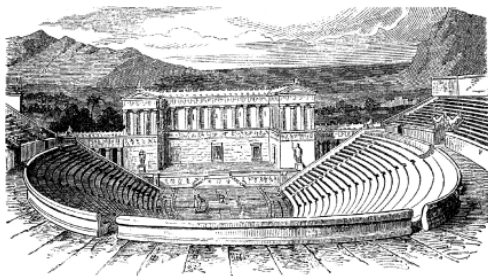

Рис. 98.

Скамьи эти, вырубленные в скале или вырытые в земле и выложенные мрамором, занимали полукруг или часть круга больше его половины. Задний (верхний) ряд окружали колоннадой. Широкие концентрические проходы разделяли скамьи на несколько этажей. Другие ходы, поднимавшиеся вверх ступенями по направлению радиусов, позволяли пройти к сидениям. Сами сидения были в своей задней части несколько покатыми, чтобы дать опору ногам зрителей, сидящим выше (рис. 99). Каждое место было отделено от соседних полосами и пронумеровано.

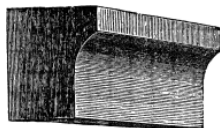

Рис. 99.

Орхестра всегда имела форму сектора круга. Так как она бывала нередко выложена мозаикой, то при представлении на нее настилали помост. Посередине ее находился алтарь Диониса, а посередине огибавшего ее хода — так называемая харонова лестница. Сцена отделялась от амфитеатра широкими проходами, которые вели к орхестре. Они были совершенно открытыми и запирались решетками или воротами.

Сцена, обыкновенно деревянная, размещалась напротив амфитеатра как отдельное, самостоятельное здание. Поскольку она была только немного длиннее орхестры, зрители могли свободно видеть открывавшийся по ее сторонам ландшафт.

Она состояла обыкновенно из надстройки, поднимавшейся на 10–12 футов от земли, и продолговатого четырехугольного здания с двумя боковыми флигелями, которое ограничивало с трех сторон такую же продолговатую четырехугольную площадь — собственно сцену, где играли актеры.

Передний фасад главного здания служил постоянной декорацией. В нем было три двери, каждая из которых имела особое назначение. Боковые пристройки, или флигели, давали возможность ставить и подвижные боковые декорации.

Сообщение между сценой и орхестрой происходило, вероятно, при помощи переносной лестницы. Древние авторы свидетельствуют, что в греческих театрах применялись приспособления для имитации полетов, поэтому можно предположить, что проскений был покрыт, хотя никаких остатков крыши нигде не сохранилось.

Сцена, вероятно, закрывалась так же, как и в римских театрах, поднимающимся занавесом. С развитием драмы усовершенствовались и театральные механизмы. Уже Эсхил прибегал к ним для того, чтобы усилить впечатление от представления. При Софокле были усовершенствованы декорации на сцене, которыми особенно прославился Клисфен.

Одеоны были круглыми зданиями различных размеров. Они вмещали в себя сцену, возвышавшуюся посередине, и окружавшие ее места для зрителей. Крыша, сделанная наподобие зонтика или палатки, поддерживалась колоннами. О Перикловом одеоне рассказывается, что он был копией палатки Ксеркса и его крыша была сложена из персидских мачт.

Ипподром, как место, предназначенное для скачек на лошадях и колесницах, был очень длинным. Вокруг него амфитеатром располагались скамьи; он имел форму удлинённого овала, который по длине разделялся низкой перегородкой. Место, откуда стартовали состязавшиеся, было расположено так, что все выезжавшие одна за другой колесницы становились на одинаковом расстоянии от цели. Как на этом месте, так и вдоль перегородки были расставлены жертвенники, статуи и другие произведения искусства.

С левой стороны ипподрома (рис. 100) был расположен отлогий низкий холм, а с правой стороны соорудили особую насыпь (хома). Насыпь дугой замыкала один конец ипподрома, тогда как другой конец закрывала ограда (Б), за которой находился портик (стояя, В), называвшийся Агнаптовым. Ограда состояла из ряда столбов для лошадей (1, 2, 3, 4), выстроенных в форме корабельного носа (поэтому середина (Б) называлась эмболон) по двум замкнутым линиям ограды, длиной в 400 греческих футов каждая, что позволяло экономить место. Из этой ограды и выезжали наездники (отсюда ее название «афесис» — выпуск, выезд).

На олимпийском ристалище знак к началу состязаний подавался с помощью особого механического приспособления в виде весового коромысла, один конец которо-

го поднимал медного орла, а другой одновременно опускал дельфина.

Вблизи ипподромов устраивались помещения для бега и гимнастических упражнений (стадии и дромы). Стадии представляли собой длинные, слегка покатые площадки, оканчивавшиеся полукругом. На обоих концах их, занимая середину между прямыми перегородками, возвышались четырехугольные столбы, служившие целью бега; между столбами выставлялись призы.

Полукружие позади дальнего столба было предназначено для состязаний в борьбе, в кулачном бою и для прочих игр, которые не требовали большого пространства. На постройку стадий затрачивали нередко большие суммы, особенно в более позднее время, когда их стали строить из цельного мрамора.

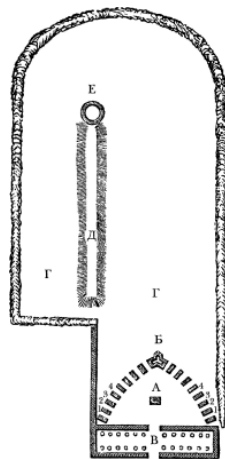

Рис. 100.

Постройки, предназначенные для нужд городских жителей, стали появляться довольно поздно. Они строились на средства государства или частных лиц. Последние строили школы для занятий физическими упражнениями (гимназии, палестры) и бани (термы). За счет государства устраивались места для народных собраний или рынки (агоры), суды и городские управы (стойи, пританеи).

Для гимназий (первоначально это были просто огороженные площадки) стали строить здания не ранее конца греко-персидских войн. Это были первые некультовые архитектурные сооружения, которые соединяли в себе изящество формы и целесообразность (рис. 101). Такими они были прежде всего в Афинах.

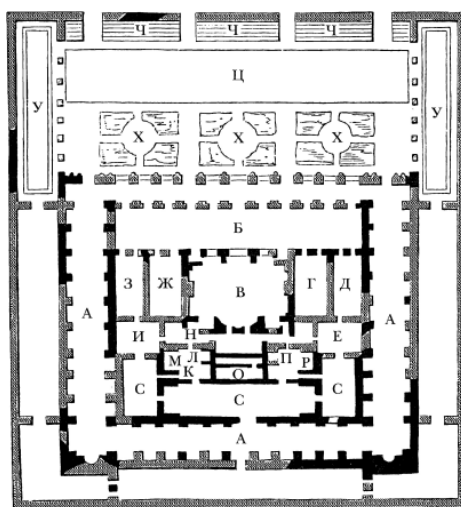

Рис. 101.

Эти здания с окружающими их колоннадами и устроенными под ними открытыми, спрятанными в нишах сиденьями стали излюбленным местом сбора афинян. Пока во внутренних залах гимназии молодые люди упражнялись в гимнастике, под наружными их портиками толпились гуляющие, а в нишах сидели риторы, окруженные своими учениками.

Если войти в гимнасий (рис. 101) с южной стороны (Ч — Ч), прежде всего можно увидеть оба ксиста (У — У), стадию (Ц), где обычно проходили состязания атлетов, и сады для прогулок (Х—Х). Далее расположен двойной коридор — собственно фасад гимнасия. Он открыт с юга, а его внутренняя часть (Б) служит надежным убежищем от непогоды. Этот коридор соединен с остальными, окружающими главную часть здания с трех сторон (А — А). Эти коридоры служили местом для бесед философов, риторов и т. д., поэтому их оборудовали сиденьями и большими экседрами, которые видны в обоих углах. К коридору (Б) примыкает большой зал — эфебейон (В) — основное место для тренировок юношей. С одной стороны рядом с эфебейоном находится корикейон (Г) и конистерийон (Д), а с другой — элеотесион (Ж). В остальных помещениях (З, И, К, Л, М, Н, О, П, Р) располагались бани. В больших комнатах (С — С), судя по всему, играли в мяч.

Передняя часть гимназии предназначалась исключительно для упражнений в борьбе и называлась палестрой. Это был четырехугольный зал около 1200 футов в окружности, обведенный вокруг колоннадой с двойным рядом колонн на стороне, обращенной к югу. Посередине этой двойной колоннады находилась дверь, которая вела в другой, самый большой зал — место упражнения эфебов (эфебейон). И этот зал был обнесен колоннами и, кроме того, обставлен по стенам сиденьями.

Направо от входной двери находилась комната для переодевания, за ней следовала комната, в которой натирались песком, и, наконец, комната для холодных ванн. По левую сторону эфебейона находились теплые бани с постепенно повышавшейся температурой и комната для натирания маслом.

К трем остальным сторонам зала примыкали открытые полукруглые дворы, обнесенные стенами, вдоль которых были расставлены каменные скамьи, кресла и т. п. Дворы эти служили гостиными, куда собирались для бесед. Большой, окруженный колоннадой двор, занимавший около 6000 квадратных футов, служил местом для гимнастических упражнений.

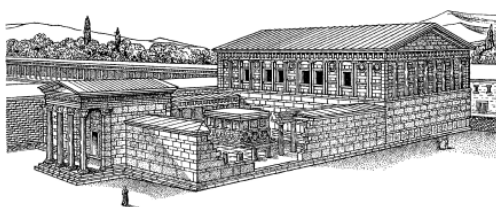
Это переднее отделение гимназии соединялось портиком с просторной площадью, обнесенной снаружи стеной, а внутри обставленной с трех сторон колоннами. Обращенная к западу сторона площади оканчивалась двойным рядом колонн.

Середина площади была усажена деревьями, между которыми находились площадки для упражнений. Иногда ко всей площади, параллельно ее ширине, примыкал стадион, составляя третье, главное отделение гимназии.

Бани, как общественные, так и частные, представляли собой скромные здания. Внутри такого здания находилась просторная комната с куполообразным потолком, в котором оставляли довольно большое окно, и с бассейном, занимавшим середину этой комнаты. Позднее, по дошедшим до наших дней сведениям, греческие бани стали больше и состояли из различных отделений.

На некоторых изображениях видны даже искусственные души. Их принимали в разных положениях — стоя, сидя и даже присев. Богатые люди брали в баню свои собственные банные принадлежности, которые приносили за ними рабы. Снятое платье вешали на колки или развешивали на шестах.

Рынки, или торговые площади не всегда правильной формы, иногда занимали довольно большие пространства. Они были окружены со всех сторон крытыми портиками, или же на них стояли отдельные портики. Афинская площадь, как и площади других больших городов, была уставлена статуями, алтарями и усажена платанами, а после закрытия рынка превращалась в место для гуляний.

Для каждого товара имелось особое место, где и располагались все торговавшие им; таким образом весь рынок делился на несколько отдельных, называвшихся по продававшемуся на них товару: был рыбный рынок, открытие которого возвещалось колоколом, мясной и даже хлебный. Торговки венками и головными повязками помещались на так называемом миртовом рынке.

В числе рынков был также рынок рабов. Впоследствии, впрочем, не ранее александрийской эпохи, когда люди стали обзаводиться библиотеками, появился книжный рынок. Особые места были отведены для менял и торговцев предметами роскоши.

Товары раскладывали на матах или скамейках под открытым небом, в лавках, построенных из жердей или камыша, или просто под навесом.

В окрестностях главного рынка помещались суды (стойи, базилики) и грамматические школы для мальчиков. По крайней мере, так было в греко-итальянских городах. Стойи и базилики были продолговатыми четырехугольными зданиями, внутри разделенными несколькими рядами колонн, на одном конце оканчивавшихся полукружием, в котором помещались сиденья для судей.

Об устройстве других государственных построек — булевтерий (рис. 102), пританеив и т. д. — у нас нет сведений. Известно только, что в пританеях собирался совет для заседаний и пританы там обедали за общественный счет. Другие здания вряд ли могли быть велики: в более поздние времена большие народные собрания почти всегда происходили в театрах.

Крепостные постройки

При укреплении Афин была построена гавань. С этой целью Фемистокл соорудил толстую каменную стену, которая охватывала полуостров Мунихий вместе с мостечком Пирей. Стена эта 60 стадий длиной и 60 футов высотой, сложенная из больших четырехугольных камней, скрепленных между собой железными скобами, была так широка, что на гребне ее могли свободно разъехаться две колесницы. Позднее она была продолжена пристройками от 35 до 40 стадий длиной и соединена с Афинами.

Намного медленнее возникали крепостные постройки у спартанцев. Они считали позорным укреплять свой город стенами и рвами и даже срывали укрепления завоеванных ими городов.

Поэтому можно предположить, что Спарта была обнесена стеной не ранее македонского периода. Еще около 297 г. до н. э. в войне с Деметрием спартанцы довольствовались для защиты своего города простым рвом, укрепленным на самых открытых местах тынником и насыпями.

Иначе было в отделившихся от Спарты пелопоннесских государствах. По уцелевшим развалинам укреплений Мессины видно еще и теперь, что этот город был окружен крепкой стеной 30 футов высотой, с зубцами и башнями. Одни башни были круглые, другие четырехугольные и соединялись с терпленом воротами, похожими на микенские.

Главные городские ворота были двойными, с двумя затворами, соединенными между собой каменными стенами. В воротах, которые сохранились лучше других, было две башни, по одной над каждым затвором, а затворы отделены один от другого круглым двором 62,5 фута в поперечнике. Стены и башни сложены из гладко обтесанных четырехугольных камней. Камни обтесаны только с внутренней стороны, а снаружи необработанные. В послемакедонскую эпоху появились еще более мощные укрепления.

Замки (акрополи) устраивались преимущественно на возвышениях и, образуя центры разраставшихся около них городов, сохранили как в Аттике, так и в Пелопоннесе до последнего времени вид цитаделей. Кроме того, как бывшие жилища древних героев они считались священными, и потому в них сосредоточивались храмы и святилища богов, особенно богов-покровителей города.

Таким образом, акрополи становились как бы сокровищницами художественных произведений. Афинский акрополь был образцовым и в этом отношении (рис. 103). Вход в него был окружен великолепными портиками, украшенными драгоценными картинами; ко входу вела широкая каменная лестница, остатки которой сохранились до наших дней.

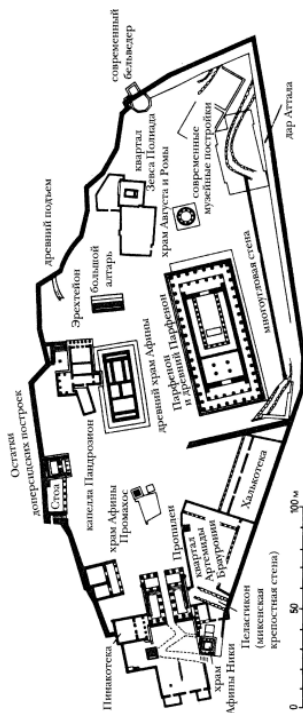

Рис. 103.

Строительство полевых укреплений и осадных машин стало развиваться в Греции не ранее начала Пелопоннесской войны, а может, даже незадолго до ее окончания, когда были изобретены более сложные машины, использовавшиеся при осаде Самоса. Постепенно усложняясь и увеличиваясь, эти машины превратились в настоящие здания. Но такими они стали не ранее эпохи Александра Македонского, при преемниках которого осадная война составляла важную часть военного искусства.

Лагерь устраивался по старинному обычаю. Лакедемоняне, следуя предписанию Ликурга, располагали свой лагерь кругом, и притом так, что палатки каждого отряда занимали определенное место. Перед каждой палаткой было разложено вооружение занимавших ее воинов. Палатки делались из кожи и были очень легкими.

Лагерь обычно не укрепляли (за редким исключением), но его охраняла стража, за правильной сменой которой строго наблюдали. Обычный жизненный распорядок не менялся и в лагере: в нем так же занимались гимнастическими играми и отправляли религиозные обряды.

У афинян устройство лагеря обуславливалось местностью, на которой он располагался, хотя порядок размещения войск соблюдался таким же, как и у лакедемонян, и тоже были отведены особые места для физических упражнений и принесения жертв богам.

Афиняне располагались в лагере с большими удобствами, чем спартанцы, они окружали его валом и рвом. Особенным великолепием отличались ставки знатных воинов во времена Александра. Его собственная палатка была убрана узорчатыми и протканными золотом коврами.

При осаде укрепленных мест осаждающие окружали их стеной или палисадами или рыли ров и насыпали вал. Осажденные, со своей стороны, старались помешать этому постройкой своих палисадов, которые шли вразрез с возводимыми неприятелем, так что прерванная таким образом линия этих последних, вместо того чтобы служить целям осаждающих, становилась для них новым препятствием, которое еще предстояло одолеть.

Если не удавалось принудить осаждаемое место к сдаче голодом, его брали приступом. Ворота разбивали топорами или поджигали; стены подкапывали, поднимались на них по лестницам или разрушали стенобитными машинами.

Простейшей из осадных машин был таран, известный уже древнейшим азиатским народам, но впервые примененный европейскими греками только при Перикле во время осады Самоса. Таран представлял собой окованное железом толстое бревно, висевшее на подставках, которое при раскачивании пробивало стену. Подобно тарану был устроен и так называемый трипанон.

Метательных машин было два вида: катапульты (более мелкого калибра) для прямого и касательного метания и баллисты (тяжелого калибра) для дугообразного метания тяжелых снарядов, часто весом до 80 кг (рис. 104).

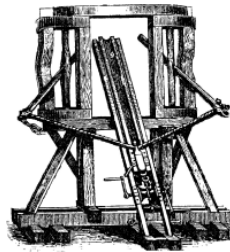

Рис. 104.

Для защиты от метательных снарядов осаждающие ставили большие щиты, передвигавшиеся на колесах; ими прикрывали людей, работавших над разрушением стены. Позднее вошли в употребление подвижные башни, похожие на древнеассирийские и персидские. С их помощью осаждающие поднимались на гребень стены осажденного города и могли бросать оттуда разного рода метательные снаряды (рис. 105).

Рис. 105.

Все осадные машины, усовершенствованные благодаря деятельности инженера Полеида, получили наиболее широкое применение при Филиппе Македонском во время осады Перинта и Византии (341 г. до н. э.). Ученики Полеида, Диад и Херей, были призваны Александром вместе с Динехом, Посидонием и Кратесом. Они все отличились изобретением новых машин и улучшением существовавших.

Вместе с изменениями и улучшениями собственно осадных орудий: таранов, щитов для прикрытия осаждающих и др. — шло совершенствование и подвижных башен, на устройство которых механики обращали особое внимание. Их строили в несколько этажей из крепких бревен, обивали снаружи досками и обтягивали невыделанными кожами.

Этажи сообщались между собой внутренней лестницей, которая доходила до самой крыши; каждый этаж был обнесен галереей и освещался окном. Высота башен

была различна, но не менее 90 футов при 25 кв. футах у основания. Число этажей в таких башнях доходило до десяти. Встречались башни и в 20 этажей, высота их составляла 180 футов, а ширина при основании — 35 футов с каждой стороны. Еще большего объема они стали при Дмитрие Полиоркете («осаждале городов») (рис. 106).

Рис. 106.

Основание их было увеличено до 75 кв. футов; для большей прочности их скрепляли железными болтами и покрывали снаружи железными листами, кроме того, к ним приделывались подвижные откидные мосты. Иногда верхний этаж башни делался плоским, так что на нем можно было ставить тараны и другие стенобитные орудия.

Поход Александра в Индию познакомил греков с вооруженными слонами индусов; в греческое войско слоны были введены позднее, но не в большом количестве и временно; римляне встретили их в войске Пирра.

Кораблестроение

Развитию кораблестроения в Греции способствовали предприимчивые жители островов и морских побережий, уже в глубокой древности плававшие на своих неуклюжих торговых судах, предназначенных для перевозки грузов.

Такие же суда, но вооруженные, использовались и для военных действий на море, например во время войны Коринфа с Корцирой (664 г. до н. э.). Можно даже предположить, что из таких же судов, хотя и лучше приспособленных к военному делу, состоял флот Поликрата (ср. Фукидид, I, 13, 14).

Купеческие суда строились широкими и крутобокими, для того чтобы средняя их часть могла вмещать в себе как можно больше груза (рис. 107). Вообще устройством своим они, вероятно, мало отличались от судов гомеровской эпохи, но с развитием торговли объем их постоянно увеличивался, так что во время Пелопоннесской войны транспортные суда, которые могли вместить в себя кроме груза и экипажа еще и 500 человек пассажиров, не считались очень большими.

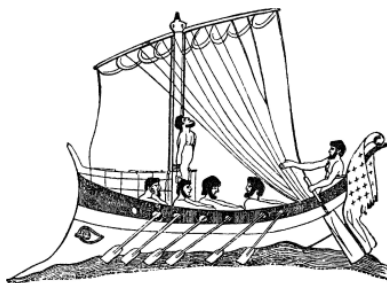

Рис. 107.

Битвы при Артемизии и Саламине (480 г. до н. э.) убедили афинян в необходимости создать настоящий военный флот. Вследствие этого по инициативе Фемистокла было построено 200 кораблей и издан закон, обязывавший государство поставлять ежегодно по 20 судов за свой счет. Эти меры дали афинянам в сравнительно короткое время значительные морские силы и подняли у них кораблестроение на небывалую до того высоту. Все изобретения и улучшения, достигнутые при постройке военных судов, применялись и в строительстве купеческих, так что под конец эти послед-

ние стали во всем походить на военные, отличаясь от них лишь большей вместимостью.

Поскольку от военных судов требовалась прежде всего легкость и подвижность, им придавали удлиненную форму и увеличивали на них число гребцов, устраивая скамьи для них в несколько рядов вдоль обоих бортов судна. Первый опыт в этом отношении был сделан коринфским судостроителем Аминоклом. С тех пор суда с одним рядом скамей для 50 гребцов использовались во флоте только для перевозок. Настоящие же боевые суда уже со времени Пелопоннесской войны стали строиться не менее как с тремя рядами скамей (триремы), а впоследствии с четырьмя, пятью и более.

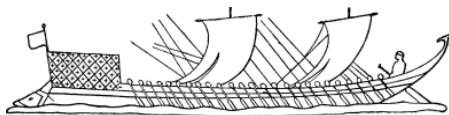

Рис. 108.

Дальнейшее совершенствование военных судов состояло в обивке киля толстыми досками и в снабжении корабельного носа медным наконечником, чтобы пробивать им неприятельские суда.

Каждое государство выставляло на принадлежащих ему судах свою особую эмблему или фигуру (Афины — изображение богини Афины), которая помещались на корме. Этот обычай сохранился с древних времен. Нос корабля тоже украшали каким-нибудь изображением и, кроме того, ему придавали удлиненную форму в виде гусиной шеи. Иногда и корма и нос корабля были удлинены и загнуты наружу или внутрь (ср. рис. 109).

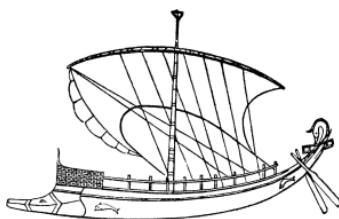

Рис. 109.

Обычно корабли были без палубы или палуба закрывала только часть корабля, а для защиты от напора волн и от неприятельских стрел вдоль бортов натягивали кожи. На корме было устроено место для рулевого, а на носу для сторожевого. Два больших весла заменяли руль (ср. рис. 107; рис. 109). Число мачт, парусов и снастей зависело от величины судна.

На каждом корабле было по несколько якорей; они были железные, с одной или двумя лапами и висели вдоль бортов. Корабли разделялись на собственно боевые и перевозные, на которых перевозили воинов. Каждый транспортный корабль брал на борт от 40 до 50 воинов и 130–140 гребцов. Кроме этих двух судов в каждом флоте было значительное число небольших шлюпок и лодок, служивших для перевозки провианта, амуниции и ремесленников. За флотом следовали маркитанты в своих лодках.

Перед отплытием флота все суда украшали цветами и венками и приносили жертвы морским божествам. По знаку, поданному с адмиральского корабля, флот трогался с места. Впереди шли небольшие суда, за ними вооруженные военные, транспортные и, наконец, лодки.

Готовясь к битве, суда становились полумесяцем, рогами или серпом к неприятелю и затем строились клином, стараясь прорвать его линию, или нападали на нее с обоих флангов.

Чтобы заставить неприятеля отступить, в него кидали копья, камни и зажига-

тельные снаряды или сцеплялись с ним бортами и завязывали рукопашный бой. Всем этим управлял главнокомандующий со своего корабля посредством сигналов. Пока продолжалось сражение, на его корабле был поднят золоченый щит и красный флаг; снятие их означало приказание прекратить бой и отступить.

При осаде приморских укрепленных мест их окружали со стороны моря кораблями, которые связывали один с другим крепкими железными цепями или соединяли мостами, и затем ставили на связанные корабли осадные машины. Эти машины отличались от сухопутных только тем, что были приспособлены к установке на суда.

В послемакедонскую эпоху появились суда, превосходившие величиной и убранством все прежние.

На них было по 20 и по 30 ярусов скамей для гребцов. Иные флоты насчитывали более 200 таких судов, не считая небольших лодок и ботов, которые их сопровождали.

Одно из самых огромных судов, упоминаемое многими древними писателями, было построено по приказу царя Гиерона. 300 рабочих под надзором Архимеда трудились над ним в течение целого года. Оно было снабжено всевозможными удобствами и отделано с необыкновенной роскошью. Полы кают (которых насчитывалось около 30) были выложены мозаикой и агатом, потолки были сделаны из кипарисового дерева, двери — из слоновой кости.

Внутри судно было украшено статуями и другими произведениями искусства. Рядом с каютами находились бани, сады и даже гимназия, а на палубе возвышалось восемь башен.

Между ярусами (которых было три) находились помещения для экипажа и стойла для лошадей. В носовой части был бассейн емкостью 225 ведер и рядом с ним садок для рыбы. В галереях, окружавших корабль, располагались кухни, мельницы и кладовые. Галереи поддерживались вместо колонн статуями (атлантами).

Башни (по две на носу и на корме и по две на бортах) были заполнены военными припасами и заняты каждая четырьмя стрелками и двумя гоплитами. Вдоль борта шла зубчатая стена, за ней стояли сильные метательные снаряды. Такие же снаряды в виде больших пращей были прикреплены и к мачтам.

Снаружи все судно было обито железными остриями и крючьями для абордажа. Якорей было восемь железных и четыре деревянных. Подобное этому судно размером 30 локтей в ширину, 40 локтей в высоту и около 300 футов в длину было построено Птолемеем Филопатером.

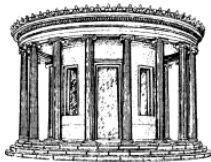
Гавани для большей безопасности запирали протянутыми поперек цепями и плавучими бревнами или загораживали крепкой оградой. Позднее их обстраивали портиками, открытыми галереями, уставленными статуями.

Вблизи гаваней помещались верфи, магазины и другие здания, имевшие отношение к мореходству. У входа в гавани ставили маяки. Знаменитый Колосс Родосский был маяком, поставленным у входа в Родосскую гавань. Он изображал Гелиоса (бога Солнца) и был изваян Харесом, учеником Лисиппа (около 122 г. до н. э.).

Хотя македоняне не имели обычая ставить даже простых греческих трофеев (столбов, обвешанных отнятым у неприятеля оружием) в память одержанных ими побед, с правления Филиппа Македонского они начали сооружать с этой целью настоящие памятники. Первый такой памятник был построен самим Филиппом в Олимпии в честь победы, одержанной им при Херонее. Это была круглая постройка из кирпича с медным шаром на вершине (рис. 110).

К концу македонской эпохи в честь одержанных побед уже воздвигались статуи полководцев, храмы и алтари.

Рис. 110.

Утварь

Гораздо медленнее, чем в зодчестве, освобождались греки от восточного влияния в изобразительном искусстве и в изготовлении различного рода утвари. В зодчестве они не могли долго оставаться простыми подражателями тем образцам, которые предлагала им культура Востока, так как всякое внешнее принуждение было противно духу истинного эллинизма; все перенятое извне они перерабатывали согласно своим собственным воззрениям. Примененное к условиям греческого культа массивное замкнутое восточное капище смогло преобразиться в легкий, окруженный колоннадами храм.

Иначе было с греческими ремеслами. Изготовление разной утвари, как и одежды, уже издавна было доведено на Востоке до совершенства в техническом и орнаментальном отношении, и греки, уже давно строившие храмы богам и жившие в укрепленных городах с каменными домами, все еще считали финикийцев и египтян лучшими мастерами во всех ремеслах. Охотно перенимая у чужеземцев все, чему можно было научиться, греки стремились сравниться со своими учителями.

Стремление к самостоятельности в ремеслах проявилось прежде всего у малоазийских греков (не ранее VII в. до н. э.); но этому начинающемуся движению пришлось еще долго бороться с преобладанием восточной промышленности, которой особенно покровительствовали тираны.

Рис. 111.

Как долго продолжалось это преобладание, неизвестно, но в VI в. до н. э. промышленность Коринфа находилась еще под непосредственным влиянием ближнеазиатской. Коринф считался во всей Элладе родиной многих искусств и ремесел, потому что эти искусства и ремесла были очень рано занесены из Западной Азии благодаря торговле.

Коринфянам приписывали изобретение скульптуры (хотя ваение было уже давно известно на Востоке), наборной работы для украшения утвари, а главное — изобретение гончарного круга и вообще гончарного мастерства. Из Коринфа, согласно мифу, произошли искусство рисования и литейное дело.

В Афинском государстве ремесла пользовались покровительством законов. Хотя и здесь ремесленное сословие занимало сравнительно низкое положение по отношению к другим, оно было признано законодательством Солона равноправным с ними.

Как и в Коринфе, и, может быть, еще строже, чем там, в Афинах было запрещено попрекать кого бы то ни было его ремеслом; такой упрек подлежал обжалованию перед судом как правонарушение.

Подобное покровительство ремеслам при господствовавшей в Аттике полной свободе в выборе рода занятий должно было способствовать успехам ремесленной техники, а быстро возрастающая в Афинах потребность в развитии ремесел держала ремесленников в постоянном напряжении.

Это привело к тому, что аттическая промышленность попала под влияние западноазиатской. Для поощрения ремесел Солон постановил, что неполноправные поселенцы (податные клиенты — метеки), занимающиеся ремеслами, могут приобретать гражданские права и, внося умеренную пошлину, быть под покровительством законов.

Вследствие этого Афины наполнились ремесленниками из метеков и в особенности из разных восточных племен — лидян, фригийцев, сирийцев и финикийцев.

Таким образом и в Афинах все ремесла перешли в руки почти одних метеков, подобно тому как в Спарте ими занимались исключительно периеки. Даже в тех случаях, когда знатные и богатые граждане занимались ремесленным производством за свой собственный счет, что не было редкостью, они поручали ведение дела и надзор за рабочими, рабами и наемными работниками мастерам из метеков.

Было, однако, ремесло, которым охотно занимались и сами греки, и притом уже с древнейших времен, а именно гончарное, в особенности керамика. Ремесло это возникло в Элладе под влиянием Востока, но на стадии простого ремесла, удовлетворяющего обыденные нужды, оставалось недолго. Его стали использовать в культовой архитектуре.

По преданию, впервые керамика была применена для украшения храмовых фронтонов рельефами из глины в Коринфе, и там же начали изготавливать сосуды с цветными рисунками и пластическими орнаментами.

Рис. 113.

Кроме Коринфа это искусство процветало на островах Хиос и Самос и в Афинах, где им с незапамятных времен занималось значительное число полноправных семей, которые образовали многочисленное сословие афинских горшечников. Оно имело цеховую организацию и жило в особом квартале, получившем от этого название квартала горшечников (керамикос).

Афинские горшечники, которые в Афине, Гефесте и Прометее видели своих богов-покровителей, пользовались почетной привилегией поставлять призовые сосуды, раздававшиеся победителям на празднике Панафиней. Эта привилегия способствовала тому, что афинские мастера гончарного искусства вскоре отказались от восточных форм и заменили их национальными; в техническом отношении их изделия уже давно стояли наравне с западными и среднеазиатскими изделиями.

Глиняная посуда была одним из важных предметов заграничной торговли греков; финикийские купцы вывозили ее даже в отдаленный Керне (Африка).

Только особым положением керамики среди остальных видов греческих ремесел

можно объяснить очевидную разницу между стилем глиняных и прочих изделий.

Рис. 114.

Хотя последние дошли до нас лишь в одних копиях (т. е. в рисунках на вазах и в скульптуре), нельзя не заметить, что формы их чисто азиатские, а отделка напоминает восточную технику. Это произошло оттого, что почти все ремесла, служившие для обыденных нужд, были предоставлены исключительно метекам (т. е. не грекам).

Сами греки занимались ими только для удовлетворения потребностей культа. Позволяя иноземцам снабжать их всем, что касалось житейских удобств, они тем ревностнее старались сами изготовлять все, касавшееся почитания богов.

Когда распространение роскоши, пробудившаяся в народе жажда наживы и ослабление в нем набожности стали привлекать свободных греков к занятию ремеслами для светских целей, наступил период служения роскоши. Произведения искусства стали оценивать по качеству материала, из которого они были сделаны; это время стало началом упадка керамики.

Керамика

Значительное число дошедших до нас греческих сосудов дает возможность наглядно проследить весь ход развития этого искусства у греков.

Древнейшие сосуды, относящиеся к VI или даже VII в. до н. э., еще носят на себе явный отпечаток ближне- и среднеазиатского мастерства. Почти все они округлой, сдавленной формы (рис. 112).

Украшающий их рисунок, в особенности напоминающий восточные образцы, составлен главным образом из фигур животных — львов, оленей, лебедей, сфинксов и т. п., перемешанных с цветочными арабесками. Он тянется вокруг сосуда горизонтальными полосами, расположенными одна под другой, которые, по-видимому, были сначала выцарапаны по сырой еще глине сосуда и потом покрыты краской.

Рис. 115.

Фон сосудов желтоватый, натурального цвета глины; рисунок — черновато-коричневый с темно-лиловой и местами белой отделкой. Человеческие фигуры редки и, как правило, очень схематичны.

Несмотря на то что большую часть таких сосудов, с некоторыми изменениями основной формы (рис. 113), нашли в Италии, есть основание предполагать по особым знакам, подписям и пр., что они были сделаны в древнем Коринфе, и притом дорийскими горшечниками. Так как искусство их изготовления передавалось, вероятно, по наследству, то возможно, что и их название «териклеа» произошло от горшечника по имени Терикл.

В ряде сосудов, известных под общим названием древнеаттических (безотносительно к месту, где они были найдены), можно видеть переход от тяжелых форм описанных сосудов к более свободным. Они отличаются от первых легкостью и красотой форм и большим удобством в употреблении.

Цвет их уже не желтый, как у первых, а красноватый, который получали в некоторых местах, например на острове Родосе и в Контосе (в Верхнем Египте) подмешиванием к глине красной земли (милтос).

Рис. 116.

Примешиванием к глине пахучих веществ придавали сосудам приятный запах; кроме того, их пропитывали особым составом, который делал посуду влагонепроницаемой при всей ее тонкости и легкости; рисунок был черный и чаще всего нарисованный прямо, без углубленного контура.

Главной характерной чертой сосудов этого типа являются впервые встречающиеся на них вместо фигур животных рисунки человеческих фигур, преимущественно изображающих богов и героев. Сначала те и другие попадают вместе; животные все нарисованы черной краской, мужские фигуры в основном тоже черной; в женских фигурах тело и некоторые части одежды — белой, остальное — черной.

Животные на древнеаттических сосудах выглядят значительно более живыми, чем на сосудах первого типа, но человеческие фигуры или совершенно безжизненны, или оцепенелые, в угловатых позах. Все они, за редкими исключениями, представлены закутанными в одежды, ниспадающие сухими симметричными складками.

В вакхических сценах, в которых рисовальщик, видимо, старался придать действующим лицам особо одушевленный вид, они получились карикатурно изломанными (рис. 114).

В течение следующего периода, который можно ограничить началом V в. до н. э., наряду с улучшениями в технике изготовления сосудов достигло значительных успехов и изобразительное искусство.

Нежно-красноватый цвет, который научились придавать глине с помощью примеси красящих веществ, обжигания и лака, навел на мысль оставлять рисунок некрашеным, а окрашивать фон сосуда. Теперь стали окрашивать черной краской весь сосуд, за исключением нарисованных на нем фигур и украшений, которые оставались некрашеными, т. е. цвета глины.

Только детали костюма и т. п. слегка оттенялись белой и краснолиловой краской. При такой процедуре необходимо было прежде всего очертить предполагаемый ри-

сунок во всех его подробностях твердым контуром. Это было возвращением к старинному приему, но благодаря ему греческие мастера постепенно достигли свободы рисунка и большей законченности в его выполнении.

Рис. 117.

Первые попытки в этом направлении не шли дальше самых простых орнаментов, но затем тот же способ был применен и к фигурам.

Традиционные сюжеты из мира богов и героев были значительно расширены сценами из обыденной жизни, которые можно было копировать прямо с натуры. Вследствие этого прежняя условная схематичность фигур заменилась изображениями, приближенными к живой натуре, оцепенелые формы размягчились, в обнаженных местах стали проглядывать очертания мускулатуры.

Форма сосудов за это время также изменилась: она стала легче, благороднее и при этом разнообразнее. Всевозможные виды сосудов, от простого блюда до вазы, от кубка до амфоры, представляют в своих формах гармоничное сочетание изящества с целесообразностью. На сосудах этого периода встречаются уже имена их мастеров (София, Эвфония и др.).

В течение V в. до н. э. под влиянием всестороннего развития эллинской жизни вместе с другими искусствами достигло совершенства и изобразительное искусство греков. С этих пор рисунок становится не только украшением сосуда, но, подчиняя свое содержание и свою композицию его формам и назначению, сливается с ним в одно целое (ср. рис. 115; рис. 116, а — в).

Так изготовление сосудов достигло высшей точки своего развития. Но не надолго. В конце IV в. до н. э. оно начинает приходить в упадок. Изысканная пропорциональность и благородная простота стиля уступают место массивным украшениям и яркой живописи. Искусство керамики истощается и опускается до уровня простого ремесла: изделия утрачивают всякое художественное значение, и даже их качество ухудшается.

Рис. 118.

Все сохранившиеся сосуды этой эпохи отличаются особенно пестрыми красками: цвета, использовавшиеся до тех пор очень умеренно, например белый и темно-синий, накладываются теперь большими пятнами; кроме того, к ним прибавляется еще ярко-желтый или даже позолота.

Композиция рисунков становится произвольной и теряет живость. Одежды воссоздаются в мельчайших подробностях, сами же фигуры изображаются очень поверхностно, иногда только набрасываются. Рисунок вообще неправилен, очень часто искажен до уродливости. Сюжеты берутся большей частью из мифов; нередко они представляют комические сцены или, еще чаще, погребальные процессии. Состав глины дряблый, а лакировка очень тусклая.

К этому же времени относятся небольшие сосуды черного цвета с белым, местами

желтым рисунком. Рисунок обычно представлял собой простой лиственный орнамент или фигуру, иногда человеческую, Иногда животного. Нередко он заменялся выпуклыми поясками.

С проникновением в Грецию римской культуры искусство расписывания сосудов совершенно увяло. Пластические украшения, свойственные металлической и каменной утвари, которая стала входить в употребление, были перенесены и на глиняные сосуды и заменили на них рисунок.

В связи с недостатком вещественных свидетельств мы вряд ли можем верно оценить греческое искусство изготовления металлических сосудов. Однако о высоком уровне его развития свидетельствуют дошедшие до нас имена художников, прославившихся изготовлением металлических сосудов. Из числа этих художников особенно были известны своими изделиями из бронзы и серебра Ментор, Боеф, Мис, Акрагас и позднее другие. Не менее известен был Терикл, делавший небольшие деревянные сосуды.

Со времен греко-персидских войн в Греции появились маленькие сосуды из алебаstra и агата. Позднее стали изготавливать сосуды из мрамора, травертина и других твердых камней. После похода Александра в Индию сосуды из хрусталя и индийского муррина перестали быть редкостью, а стеклянная посуда, при Геродоте ценившаяся на вес золота, стала легкодоступной.

Посуда

Хозяйственная посуда разного рода делалась из меди, глины и дерева. Далеко уступая керамическим сосудам в красоте и отделке, эта посуда, несмотря на свое как бы служебное назначение, все-таки не была лишена известного изящества форм. Не говоря уже о столовой посуде, которая нередко отличалась искуснейшей отделкой, все остальные виды посуды, кроме, может быть, кухонной, отличались если не изяществом, то по крайней мере чистотой своей формы.

Рис. 119.

При этом не делалось исключений даже для больших сосудов, предназначенных для хранения жидкостей. Их было два вида. К первому относились глиняные бочки (пидои), которые в свою очередь различались между собой по величине или по другим, неизвестным нам признакам и поэтому имели разные названия: пидос (в узком смысле), питакна, лагиона, бикос и т. д.

При всем различии названий, эти сосуды были, по-видимому, более или менее похожими на известные уже в глубокой древности сосуды такого же назначения.

Пидои, имевшие широкое основание для большей устойчивости и широкое отверстие для удобства при зачерпывании, закрывавшееся крышкой, могли иметь сходство с теми большими глиняными кувшинами, несколько экземпляров которых было найдено при раскопках Ниневии.

Рис. 120.

Высота греческих пидоев доходила нередко до 5 футов. Для большей прочности их снаружи окрашивали, а изнутри смолили.

Лагионы использовались преимущественно для хранения вина. Это были большие сосуды яйцевидной формы, снабженные ручками. Их ставили или зарывали нижним концом в землю, или вставляли этот конец в глиняное кольцо (рис. 117, а,

б).

Рис. 121.

Такой же или подобной формы были, вероятно, и питакна, бикос и др., между тем как путиной назывался оплетенный снаружи или даже просто плетеный (из прутьев, камыша и т. п.) сосуд, а арданион был широким чашеобразным сосудом на ножке. Еще более необычными были формы холмос и пелта. Первый представлял собой деревянное корыто, из которого кормили скотину, а последняя — род молочного ведра или подойника.

Ко второму виду больших сосудов для жидкостей относились известные уже в гомеровское время амфоры. Представляя как бы соединение яйцевидного лагинос с его подставкой, глиняным кольцом, они имели форму урны с ручками и подножкой.

Можно предполагать, что и малоазиатские амфоры в гомеровское время были такой же формы. Эта форма была перенесена и на панафинейские призовые сосуды (рис. 118, а — г).

Амфоры были двух типов: простые, без всякой отделки для использования в хозяйстве, и украшенные живописью и пластическими орнаментами (рис. 119, а, б; ср. рис. 114 и рис. 115, 116). Те и другие делались из глины, особенно в древнейшее время; позднее их стали делать из бронзы и серебра.

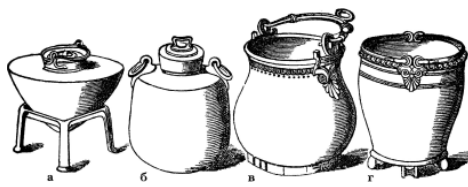

Рис. 122.

Большие амфоры ставились на особые поддоны. Возможно, что лагиони и другие подобные им сосуды тоже иногда называли амфорами. Из других видов посуды, которых так же, как и амфор, коснулось искусство, особой красотой формы отличались кувшины для воды — калпис или гидриа (рис. 120).

Поскольку эти сосуды предназначались для ношения воды из колодца, на них были три или четыре ручки и подножка (рис. 120, а, в). Их усовершенствованию способствовали два обстоятельства: во-первых, праздник гидрофорий, отмечавшийся в известное время афинскими женщинами и девушками, которые участвовали в праздничной процессии каждая со своим кувшином (рис. 120, г), и, во-вторых, афинский обычай приносить в таких кувшинах воду невесте для купания.

Рис. 123.

Вследствие этого обычая гидрии вошли в число свадебных подарков и поэтому очень богато отделялись и украшались символическими орнаментами. В позднейшее время их стали делать из бронзы и серебра. В зависимости от размеров и некоторых особенностей формы гидрии носили различные названия: маленькие гидрии назывались гидриски, имевшие форму, приближавшуюся к конической, — конис (рис. 120, г) и т. д.

Похож на гидрию был стамнос — объемистый сосуд с двумя ручками или вовсе без ручек, использовавшийся преимущественно для вина и масла (рис. 122, е). Кроссос, использовавшийся для хранения воды и вина и как погребальный сосуд (для хранения пепла), имел двойную форму, широкошейной вазы с двумя ручками (рис. 122, в) и горшка с крышкой и несколькими ушками (рис. 122, г).

Остальные сосуды этого разряда известны нам по названиям, отчасти по употреблению, однако о форме их нет никаких сведений. Пеликс и чус сначала походили, вероятно, на амфоры и гидрии, а в позднейшее время приблизились к часто упоминаемым вместе с ними горшкоподобным сосудам *oinoschoei* (рис. 122, а, б, ж).

Келебом назывался, вероятно, тот сосуд, в котором в древнейшее время пастухи готовили себе теплое питье (рис. 122, д). Больше известны леканс и динос. Тот и другой имели вид большой чашки (рис. 122, з) и служили преимущественно для тех же целей, что и наши тазы. Их делали из глины, дерева и бронзы, иногда также из серебра.

Для перевозки жидкостей издавна использовали мехи, обыкновенно из козьих шкур. Позднее появились подражания мехам — глиняные сосуды в виде меха, но с ручками и разными украшениями, фигурами и т. п.

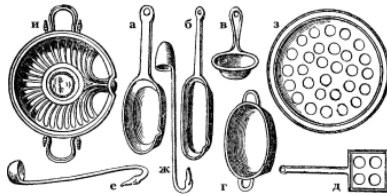

Рис. 124.

Среди кухонной посуды первое место занимал горшок (читра). Кухонные горшки делались из глины и бронзы. В зависимости от еды, которую в них готовили, им придавали различную форму: были горшки с широким и узким горлом, без крышки и с плотно закрывавшейся крышкой; у одних дно было плоским, у других яйцеобразным, и эти последние вставлялись в особые треножные подставки (рис. 123).

Остальная кухонная утварь почти ничем не отличалась от той, что использовалась до последнего времени. Она состояла из разного рода котлов, сковород, мисок и плошек (рис. 124, а — г), форм для выпечки хлеба (рис. 124, з, и), сифонов, половников (рис. 124, е, ж), сит и черпаков (рис. 125, а, б), которые служили также и для разливания вина на пирах и поэтому изготавливались особенно изящными и из дорогих материалов.

Столовая посуда состояла из овальных, круглых и четырехугольных подносов, блюд, чашек и мисок различных видов, все они имели свое название, происходившее преимущественно от той еды, для которой тот или другой вид посуды предназначался, а иногда — от формы посуды.

От формы посуды произошли названия «дискос» и «пинах». Дискос представлял

собой круглый поднос или просто круг со слегка возвышенными краями; пинах, как прообраз всякого блюда вообще, вероятно уже известный под этим же названием в гомеровскую эпоху, представлял собой толстую, округленную по краям доску. На них подавали большие куски жареного мяса либо целую жареную птицу и т. п. В позднейшее время пинах иногда делали такой величины, что на нем помещалась целая свинья.

Жидкую еду, разрезанное мясо и т. п. подавали на блюдах, в мисках, соусниках и чашках различных наименований, по которым, однако, нет возможности судить о форме и назначении посуды.

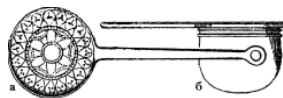

Рис. 125.

Только некоторые названия допускают приблизительное объяснение: триблион — сосуд для подливок и соусов, вероятно, имел форму чашки или миски (рис. 126, б, в, д); оксибафон, на котором подавали рыбу, походил, вероятно, на блюдо или плоскую чашу (рис. 126, а, г, е). К плоским сосудам могли принадлежать также и оксис, мазономион, артофорони и другие подобные сосуды для рыбы, зелени, компотов и т. п.

Рис. 126.

Особым изяществом отличались сосуды, использовавшиеся при застольных беседах, составлявших заключительную и важнейшую часть афинских званых обедов. Гостям подавали вино, смешанное с водой или льдом, в больших сосудах, называвшихся кратерами. Они имели форму кубков с ручками и подножкой или без нее.

Плоскодонные кратеры ставили на особые поддоны с широкими краями, на которые стекало вино, расплескиваемое при черпании (рис. 127).

Рис. 127.

В древнейшее время кратеры делали преимущественно из глины (в Арголисе, Лесбосе, Коринфе были большие фабрики глиняных кратеров), только ручки и подножки к ним приделывали бронзовые.

В позднейшую пору стали делать серебряные кратеры. Поверхность глиняных кратеров украшали живописью (рис. 116, б), а металлические их части (ручки и подножку) — пластическими орнаментами. Чтобы вино в кратерах не нагревалось, их ставили в особый холодильный сосуд под названием псиктер, имевший, вероятно, форму чана или кадушки.

Чрезвычайно разнообразны были сосуды для питья. Их делали из глины, дерева, бронзы, золота, серебра, цветного стекла и даже из драгоценных камней.

Различные названия, которые давали этим сосудам по материалу, форме, назначению, даже по именам их мастеров, были до того многочисленны, что составили в греческом языке особую номенклатуру, такую обширную, что дошедшие до нас сосуды этого рода мы можем подвести под нее с определенной достоверностью.

В древнее время общеупотребительными сосудами для питья были карчесион и

кантарос, первый — чаша с ручками (рис. 128, а — в), второй — кубок с ручками (г — к). Карчесион впервые упоминается у Сапфо, его нередко приносили в дар богам; кантарос был посвящен Гераклу и Вакху, который постоянно изображается с этим сосудом.

Рис. 128.

Реже встречается кимбион. Это был, вероятно, простой сосуд вроде чашки (рис. 128, ц, ч, ш). Почти такой же формы, но несколько меньшего размера был сосуд, называвшийся фиал или, что вероятнее, киликс. Иногда ему придавали вид лодочки, и тогда он назывался акатос.

В историческое время самый общеупотребительный сосуд для питья называли киликс; по изображениям видно, что это была красивая чаша на ножке и с двумя ручками (рис. 128, у — х). Впрочем, такое же название давали и разным другим сосудам, как большим, так и малым; из этих последних составляли судки, соединяя их по несколько штук вместе (рис. 128, щ, э).

К таким составным сосудам следует отнести и лепастэ, который иначе трудно определить. Почти таким же общеупотребительным, как киликс, был горшкообразный сосуд с двумя горизонтальными ручками, называвшийся скифос (рис. 128, п, р, с).

Котиле, служивший также и мерой для жидких и сыпучих тел (рис. 128, н, о), и کیاф (рис. 128, л, м), представляли собой небольшие полукруглые сосуды с ручками, которые тоже соединяли иногда по несколько штук вместе, как и килос (рис. 128, э).

Рога для питья — керага и рита, известные уже древним египтянам, ассирийцам и другим народам, у греков составляли богатый разнообразием форм вид драгоценной посуды. Глиняные рога (рита) делали в основном в виде головы какого-нибудь животного, украшенной живописными изображениями, обычно символическими, имевшими отношение к форме данного сосуда.

Рис. 129.

Сосуды в виде рогов были подражанием настоящим рогам, заменявшим первоначально вообще посуду для питья (по старому обычаю греки пили из них на определенных празднествах и в более позднее время).

Ритоном назывался рогообразный сосуд с ручкой, всегда оканчивавшейся головой какого-нибудь животного: лошади, грифона и т. п. (рис. 129, а — ж, и, к); иногда весь сосуд состоял из головы животного, которая, расширяясь кверху, переходила в устье сосуда; иногда сосуд составлялся из полуголов двух различных животных (рис. 129,

б). Так как форма этих сосудов не позволяла ставить их иначе, как опрокинув вверх дном, изготавливались особые подставки или поддонки — гиподемата (рис. 129, к), на которые и ставили рита, когда в них было вино.

К этому же роду сосудов принадлежал еще котон, сосуд с ручками, похожий, возможно, на наши дорожные фляги. Его обычно брали с собой в дорогу или в поход.

Рис. 130.

Такими же разнообразными по форме, материалу и отделке были сосуды, назначение которых соответствовало нашим кувшинам и кружкам. По своему виду они приближались к упомянутым выше *oinoschoei*, но были меньше их и имели ручку и устье, удлиненное в рыльце. Они имели различные названия, из которых прокус и прокитес давались кувшинам с трубчатым рыльцем (рис. 130; рис. 131, а — г).

Рис. 131.

Почти все описанные формы повторялись в небольших сосудах для благовонных масел и натираний, появившихся в позднейшее время. Эти сосуды делали из всех сортов дорогих камней, благородных металлов, цветных стекол и т. п.

Название их определялось не формой, а преимущественно тем материалом, из которого они были сделаны или который в них хранили, поэтому обыкновенные названия их были алабастрон, оникс, нардейка и т. д., какова бы ни была их форма (рис. 131, а — е).

К этим сосудам относились также лекитрос, упоминаемый уже Гомером, и, вероятно, поздний ольпе или ольпис, имевшие форму круглого или удлиненного пузыря с загнутым в виде плоского кружка устьем (рис. 131, з — л). В них хранили масло для натирания тела в гимназиях, палестрах и банях.

В домашней утвари греков важное место занимала банная посуда. Она состояла из ванн и разной величины тазов и лоханей.

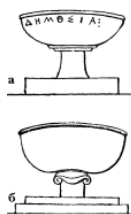

Рис. 132.

Ванны, известные нам только по названиям (пуэлос, мактра, лоутар и лоутарион), ставились прямо на пол или на возвышение со ступенями.

Большие тазы ставились на подножки, малые, умывальные, — на треножки из бронзы. Таз, в котором мыли ноги, назывался поданиптар; были деревянные тазы (шайки), служившие для обливания тела.

Посуда, использовавшаяся в различных ремесленных и промышленных производствах, таких как красильное, дубильное и т. д., была очень проста и отделкой сво-

ей ничем не отличалась от хозяйственной посуды сельских жителей. До нас дошли изображения как промышленной, так и хозяйственной посуды, но установить соответствие очень трудно.

Обширное и разнообразное применение в сельскохозяйственном быту имели разной величины корзины и короба из прутьев, камыша и т. п. К этим грубым плетеным изделиям примыкает длинный ряд чрезвычайно красиво и тонко сплетенных корзин и корзиночек, использовавшихся женщинами как рабочие корзинки (рис. 133, в, г, д) либо для цветов, фруктов, хлеба и печенья (рис. 133, а).

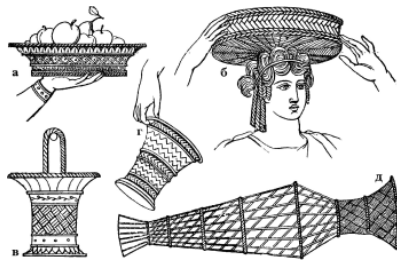

Рис. 133.

Первые — это в основном высокие корзинки с ручками и без ручек и удлиненные, с воронкообразным отверстием, для клубков (рис. 133, д), последние — плоские.

Хлебные корзинки назывались также кана, от них получили название канефор девицы, носившие в религиозных процессиях корзины со священной утварью (рис. 133, б). Из описания золотой корзины у поэта Мосха (II, ст. 37–60) видно, что в искусстве плетения греки подражали обработке металлов и других материалов, как это было и у восточных народов.

Наконец, к сосудам следует отнести, кроме чернильниц, солонок и подобных им, о которых здесь стоит только упомянуть, также и такие предметы домашней утвари, как лампы и жаровни.

Что касается жаровен, то об их форме мы не имеем никаких сведений. Мы не знаем ничего даже о том, каким способом согревались греческие жилища в доримскую эпоху, а можем только предполагать, что их нагревали не каминами, которые при теплом климате Греции были бы лишними, а переносными очагами или жаровнями вроде тех, которые были найдены в Помпеях.

Лампы, заменившие в послегомеровскую эпоху прежние факелы и лучину, так быстро вошли в быт людей, что, по-видимому, уже в ранней древности образовался особый класс ремесленников, занимавшихся исключительно выделкой ламп.

Так как лампы делались преимущественно из глины, то, естественно, первыми за них принялись горшечники, затем к ним присоединились мастера по металлу, формовщики, ваятели, пока наконец и это производство, подобно всем другим в Греции, не поднялось на уровень настоящего искусства.

Формы ламп были очень разнообразны, но всегда изящны. Ламповые чашки украшали не только рельефными изображениями, но и целыми пластическими группами.

Подножки ламп, первоначально простые подставки (рис. 134, а— г), превратились в настоящие канделябры с несколькими лампами.

Рис. 134.

До нас дошли подножки ламп только поздней греко-итальянской эпохи, и потому о них будет сказано подробнее чуть позже.

В ту же эпоху в Греции стали пользоваться восковыми и сальными свечами, по-

явились фонари, заменившие ночью на улицах прежние факелы.

Мебель

В результате влияния восточных ремесел, о чем упоминалось выше, греческая домашняя утварь (насколько можно судить о ней по изображениям) до такой степени походила на восточную, что, например, между ионической комнатной мебелью, столами, сиденьями, кроватями и современной ей западноазиатской почти нельзя найти никакого различия. Она сделана из тех же самых материалов (дерева и металла) и с такой же отделкой (из серебра, золота, слоновой кости и т. п.), как и восточная; даже рисунок ее украшений тот же — в основном растительные и животные формы.

Принятое на Востоке украшение комнат дорогими коврами и красивыми звериными шкурами было также усвоено греками, особенно афинянами, которые любили наполнять свои просто выстроенные дома красивой и ценной утварью.

Рис. 135.

Спартанцы и в этом отношении оставались верны строго предписанной им простоте, по крайней мере до конца послеалександровской эпохи, когда и у них начал понемногу входить в привычку домашний комфорт.

До тех пор всякое стремление к удобству подавлялось у них в самом начале как противное законам, предписывавшим, чтобы мальчики до пятнадцатилетнего возраста спали на сене или соломе, а с пятнадцати лет на тростнике или камыше, чтобы мужчины не пользовались подушками, как прочие греки, а заменяли бы их даже за обедом деревянными колодками.

У греков были кресла, стулья и табуреты. Богато отделанные стулья с пластическими украшениями, иногда со спинкой, изваянной в виде животного, назывались тронос и клисмос (оба названия встречаются уже у Гомера). Формой своей они походили на древневосточные троны и почетные кресла (рис. 136).

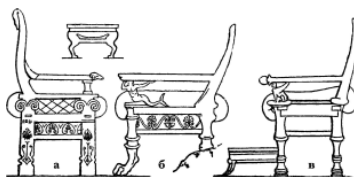
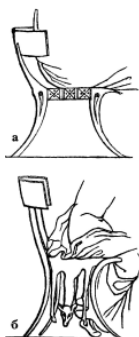

Рис. 136.

Проще, хотя тоже с отделкой и резьбой, были кресла с ручками, подобные древнеассирийским (рис. 136).

Встречались также стулья со спинкой (рис. 137, а, б; ср. рис. 42), обитые цветными подушками либо просто покрытые узорчатыми коврами или звериными шкурами.

Табуреты представляли собой складные сиденья без спинок, полностью похожие на египетские и древневосточные. Они различались между собой только величиной и большей или меньшей изогнутостью ножек (рис. 138, а — в).

Были, впрочем, табуреты с прямыми не перекрещивающимися ножками, тоже издавна известные на Востоке (рис. 138, г, д), и простые скамейки, которыми пользовались преимущественно простые люди.

К креслам и стульям, иногда довольно высоким, обычно приставляли ножные скамейки, сделанные в том же стиле, что и само сиденье (рис. 135; 136; 138, д).

Восточный обычай лежания вместо сидения на стульях, распространившийся в послегомеровское время среди малоазиатских греков и от них перешедший к европейским, изгнал постепенно стулья и всякого рода сиденья из мужской половины греческих домов на женскую и заменил их в первой диванами или мягкими ложами (одни только древнедорийские критяне не приняли этого нововведения; у прочих греков женщины и дети сидели, а не ложились).

Ложа эти состояли из станка на четырех ножках, сделанного в виде рамы, переплетенной тесьмой, и тюфяка с подушками и покрывалами. Станки, иногда с прислонами в головах и ногах или только в головах, были деревянные и бронзовые.

Те их части, которые оставались на виду, незакрытыми, отделялись особенно красиво: у деревянных станков их выкладывали фигурами из золота, серебра, слоновой кости, янтаря и цветного дерева (рис. 139), у бронзовых — украшали пластическими орнаментами. Простые станки (рис. 140, а, б) скрывали под покрывалами или коврами.

Тюфяки набивали в древнее время сеном, морской травой и подобными вещами, а позднее — шерстью и перьями, обтягивали холщовыми или кожаными наволочками. Подушки были круглые (для головы) и четырехугольные, которые клали за спину и облокачивались на них левым локтем. Наволочки для них делались из узорчатых материй. На ложах расстилали пестрые ковры, края которых обшивали бахромой, а во времена роскоши оторачивали пухом.

Почти такого же устройства были и постели, по крайней мере у людей зажиточных. Небогатые спали на овечьих и козьих шкурах или просто на своих плащах, а рабы и простолюдины — на рогожах и матах, которые нередко стелили прямо на полу.

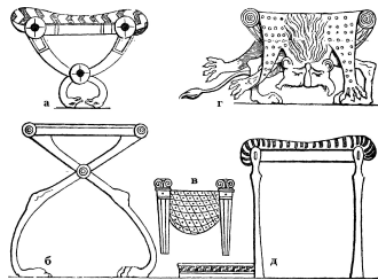

Рис. 138.

Столами пользовались только для обеда. Даже писали лежа: если на восковых табличках, то придерживая их левой рукой и прижимая к левому боку, а если на папирусе, то положив его на бедро.

Подобно древнеегипетским и древнеассирийским, греческие столы обычно имели три или четыре ножки, реже одну (рис. 41, а, б; рис. 42).

Верхняя доска в большинстве случаев была круглой, красивые жертвенные столики всегда были четырехугольными. Украшения столов были такими же, как и у лож и кроватей — это фигурные выкладки из цветного дерева, серебра, бронзы и пластические орнаменты.

Столы были преимущественно на ножках, которым очень часто придавали форму

ноги какого-нибудь животного (рис. 41, б; рис. 42, в). Особенно богатым орнаментом отличались медные столы, вошедшие в моду только в позднее время. Цена их была довольно умеренной.

В Афинах можно было купить за 30 драхм стол, украшенный бронзовыми фигурами сатиров и бычьими головами. Эта дешевизна могла, конечно, зависеть от того, что греческие обеденные столы были малы и низки: они предназначались только для одной персоны и были не выше ложа, перед которым ставились (рис. 139, б; рис. 41, а, б).

Скатертями и салфетками греки не пользовались, у них также не было ни столовых ножей, ни вилок. Они ели руками и вытирали их о хлебный мякиш. Ложки иногда заменяли хлебными корками. Кости и прочие остатки еды бросали прямо на пол под стол; по окончании обеда их сметали в кучу метлами и выносили.

Рис. 139.

Вместо шкафов, которые появились, вероятно, не ранее римского времени, у греков были сундуки или лари различной величины и отделки (нередко очень богатой).

Большие сундуки, в которых хранили платье и другие ценные вещи, закрывались крепкими крышками (рис. 141, а) с подвижными подпорками (рис. 141, б).

Небольшие ящички для уборов, сосудов с благовониями и т. п. изготавливались из серебра, черепахового панциря, слоновой кости и других дорогих материалов. Вместо запирающего замка сундуки запечатывали (точно так же поступали с дверями и кладовыми) или завязывали узлы, которые трудно было распутать.

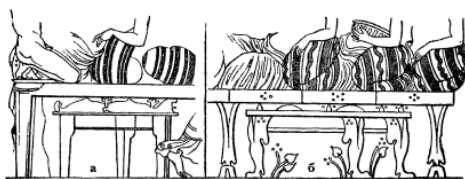

Рис. 140.

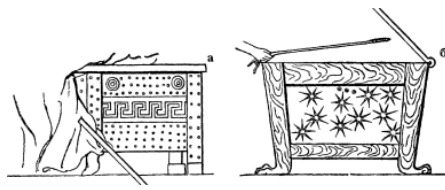
Хотя у греков и были приборы для измерения времени — солнечные и водяные часы, обращению с которыми они научились, по их собственному свидетельству, у вавилонян, однако приборы эти не были так распространены, чтобы войти в повседневный обиход.

Солнечные часы, усовершенствованием которых особенно много занимался Анаксимандр (его считали даже их изобретателем), ставились в публичных местах.

В старинных часах тень вертикального указателя измеряли футами; со времен Аристофана указатель с делениями на внутренней стороне ставили в центре круглого бассейна. Водяные часы (клепсидра) сохранили свою старинную форму несколько сплюсненного полого шара с короткой шейкой и с отверстиями, через которые капала вода.

Рис. 141.

Детские игрушки и игры для взрослых можно было найти в каждом семействе,

кроме разве бездетных или совсем нелюдимых. Даже в строгой Спарте маленькие дети пользовались полной свободой играть и резвиться, по крайней мере до тех пор, пока государство не отнимало их у матерей. Суровый спартавец Архитас считался даже изобретателем детской погремушки, и вся Греция знала, как Агесилай ездил верхом на палочке для забавы своего ребенка.

Кроме множества самодельных игрушек и игр собственного изобретения, которыми забавлялись греческие дети, особенно младшего возраста (например пускания жуков на нитке или игры в прятки), были в продаже игрушки и игры для детей всех возрастов и обоих полов: мячи, обручи, кубари и качели для мальчиков и девочек; деревянные коньки, повозочки и т. п. преимущественно для мальчиков; глиняные и восковые куклы для девочек.

Из игр, которые можно уже назвать общественными, так как в них играли не только дети, но и взрослые молодые люди, особенно были распространены игра в мяч, в кости (для них брали овечьи бабки), известная, может быть, уже и гомеровским грекам царская игра, или игра в цари, и, наконец, загадки и игра в слова.

К играм взрослых можно отнести и забаву, которая составляла почти необходимую принадлежность симпозиумов и смысл которой заключался в гадании об удаче или неудаче в любовных делах.

Называлась она коттабос и, насколько можно судить по весьма отрывочным и рассеянным сведениям, состояла в том, что играющий или испытывающий свою судьбу брызгал водой или вином прямо изо рта или из небольшого сосуда на какой-нибудь плавающий или носящийся в воздухе предмет, стараясь в первом случае потопить его, а в последнем заставить опуститься, что и считалось хорошим предзнаменованием.

Для этой забавы чаще всего пользовались маленькими чашечками, которые пускали по воде, но был и особенно устроенный прибор, на котором играющие испытывали свою ловкость. Он был сделан в виде одночашечных или двухчашечных греческих весов с бронзовой фигуркой (манес) под каждой чашкой. Вся хитрость состояла в том, чтобы брызнувшая жидкость наполнила одну из чашечек и заставила ее удариться о фигурку, от удара чашечка опрокидывалась, жидкость из нее выливалась, и обе чашечки, приведенные от этого в колебание, начинали звенеть о фигурки.

Другая настольная игра, требовавшая особой ловкости рук, называлась халкисмос. В ней требовалось быстро вертящуюся на ребре монету остановить быстрым прикосновением пальцев. На ловкости была основана игра в ремень, в нее играли, стараясь с первой попытки воткнуть между слоями свернутого особым образом ремня тонкую палочку.

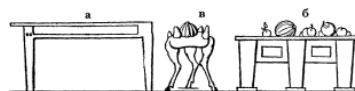

Рис. 142.

Несколько серьезнее всех этих игр, не утруждавших мыслительные способности и честь изобретения которых греки поэтому охотно предоставляли лидянам, были греческие шашечные игры. Изобретение древнейшей них приписывали Паламеду. О том, как играли в эти игры, ничего достоверно не известно, но по некоторым письменным свидетельствам и рисункам можно предположить, что они были очень разнообразны и походили то на шахматы, то на шашки. Под названием полис (игры в

города), диграммисмос и др. они составляли любимое развлечение и в домашнем кругу.

Из азартных игр самой распространенной была игра в кости. В ней различали упомянутые выше кости, или бабки, и условно называемые костями кубики. Те и другие бросали из особого стакана или рожка, очки на кубиках выставлялись на всех шести сторонах, а на бабках только на четырех (гладких).

Не за одними только описанными играми коротала свое время афинская мужская молодежь, особенно богатая. Она тратила большие деньги на породистых лошадей, молосских собак, дорогих голубей и разорялась на пари в петушиных и перепелиных боях.

Бои эти были до такой степени любимы афинянами, что раз в год их устраивали даже за счет государства. На этих общественных боях и отличались любители заключать пари. Частные лица, любившие эту забаву, держали собственных птиц, которых сами воспитывали, а иногда выписывали с Родоса и Танагрии за баснословные суммы. Птиц спускали на круглой доске с бортиком, перед боем к их ногам привязывали шпоры.

Музыкальные инструменты

Те же инструменты, которые были известны грекам уже в гомеровское время и которые они заимствовали у фригийцев и лидян, остались у них до позднейшего времени, но устройство их постепенно усложнялось. Усовершенствование инструментов началось вместе с развитием национальной греческой музыки, т. е. около VII в. до н. э., но не у всех эллинских племен и не для всех инструментов. Напротив, каждое племя усовершенствовало тот инструмент, который ему нравился больше других.

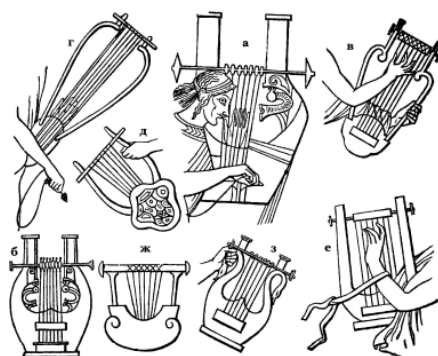

Рис. 143.

Любимыми инструментами славившихся своими музыкальными способностями аркадийцев были простая флейта и многоствольная цевница (сиринкс), считавшаяся изобретением бога Пана; беотийцы, и особенно фивяне, выбрали себе лидийскую флейту и короткую дудку; спартанцы, которые, как и вообще дорийские племена, музыкой занимались сравнительно мало, уже со времен Терпандра (VII в. до н. э.) отдали предпочтение лире, а афиняне — простой и двойной флейте.

Рис. 144.

Из струнных инструментов самыми древними были лира и кифара, изобретение которых приписывается самому Аполлону. Кифара первоначально служила гомерическим певцам аккомпанементом речитатива, как самостоятельный инструмент ее стал использовать Аристоник (около 700 г. до н. э.). Немного позднее, приблизительно

но около 650 г. до н. э., такое же самостоятельное значение приобрела и четырехструнная лира благодаря усовершенствованиям, сделанным в ней Терпандром, который к четырем ее струнам прибавил еще три. Впоследствии форма лиры многократно изменялась, но число струн оставалось одно и то же до времен Александра, когда появились лиры с одиннадцатью струнами.

По рисункам видно, как старинная, тяжелая и массивная лира (рис. 143, а, б) постепенно превращалась в легкую и красивую лиру позднего времени (рис. 143, в — з).

Из-за больших размеров лиру приходилось держать коленями и привязывать к левой руке, чтобы освободить руки играющего (рис. 143, е), или прижимать к левому бедру (рис. 143, г).

При игре одной рукой лиру просто придерживали (рис. 143, в). Только в редких случаях струн касались пальцами (рис. 143, в, е), обыкновенно же их перебирали заимствованной у египтян заостренной с обоих концов палочкой из слоновой кости или металла (плектрон), которая прикреплялась к лире на шнурке (рис. 143, а, г).

Из всех струнных инструментов, в разное время пришедших к грекам с Востока, прижились у них только лира и кифара.

На музыкальные состязания, в одеоны и на празднества допускали только тех, кто играл либо на этих инструментах, либо на флейте, даже если это был странствующий музыкант (рис. 145).

Рис. 145.

Остальные струнные инструменты, родиной которых была Азия, не оказали никакого влияния на греческую музыку. Прежде всего это касается таких инструментов, издавна известных древним египтянам и народам Ближней и Средней Азии, как сорокаструнный эпигоний, двадцатитрехструнный магадис или пектис, барбитон, самвика, тригононидр.

Из них один тригонон, как усовершенствованная многострунная арфа, был принят и греками, но и на нем чаще всего играли только азиатские гетеры.

По дошедшим до нас изображениям греческих флейт трудно заметить какое-либо существенное отличие от нарисованных на египетских памятниках. Но такое отличие было, и заключалось оно прежде всего в том, что отверстие, в которое дуют, в греческих флейтах находилось посередине (рис. 146; ср. рис. 35, в; рис. 37 и рис. 145), а на египетской флейте — сбоку.

Рис. 146.

Греки различали несколько видов флейт. Аулос было общим названием духовых инструментов (за исключением трубы, рога и семиствольной цевницы) и собственно флейты (прямой); плагиаулос называлась кривая (загнутая на конце) флейта; затем различали флейту одинарную (монаулос) и двойную (диаулос).

Кроме того, были еще карийская, лидийская, фригийская и фивейская флейты. Для усиления тона инструмента флейтисты повязывали себе рот особого рода по-

вязками (рис. 146, в), регулирования звуков и раз личных модуляций достигали посредством клапанов или подвижных колков (рис. 146, а) и амбушюр различной формы (рис. 146, б); флейтисты всегда имели при себе несколько таких амбушюр и носили их в футляре для флейты (рис. 146, в).

Простая аркадийская дудка и сиринкс впоследствии также были зачислены в музыкальные инструменты, причем число стволков в сиринксе было увеличено до девяти (рис. 147).

Рис. 147.

Из ударных инструментов кимвалы (рис. 148, б), тамбурины (рис. 148, а) и кроталы (род деревянных или металлических кастаньет) использовались преимущественно при оргастических торжествах танцовщицами, которые сопровождали ими свои танцы.

Рис. 148.

Снаряды для гимнастических упражнений

Они вообще были очень просты и немногочисленны. Некоторые упражнения, такие как борьба, верховая езда и бег, не требовали никаких приспособлений. Они нужны были только для упражнений в прыжках, так называемой скаперде, метании, кулачном бое, стрельбе из лука, гонках на колесницах и, наконец, для упражнений с мячом.

Приспособление, применяемое для обучения прыжкам, состояло из двух пар свинцовых шаров, соединенных ручками, оно было похоже на нынешние гантели. Взяв в каждую руку по такой гантели, ученик прыгал с ними в длину и вверх. Учились также прыгать через столбы, натянутые веревки и сквозь обручи.

Снарядом для скаперды служил столб высотой в рост человека и веревка, перекинутая через верхушку столба. Один из игроков хватался за один конец веревки, а другой, перекинув противоположный конец веревки себе через плечо, тянул ее, стараясь поднять вверх своего противника.

Упражнение в метании заключалось в бросании копья (или дротика) и чечевице-подобного круга (диска). Диски, металлические или каменные, были очень тщательно отшлифованы и иногда даже покрыты украшениями.

Бросающие становились на особо устроенное возвышение и, слегка нагнув туловище, упирались правой ногой, а левую отставляли немного вперед; копье брали по середине и, подняв его горизонтально на уровень уха, бросали, подавшись туловищем немного назад или вперед; диски поднимали только на уровень плеча и кидали их дугой (ср. рис. 149, а, б).

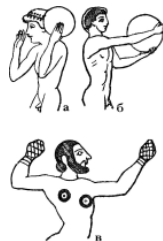

Рис. 149.

Стрельба из лука не входила в собственно гимнастическое обучение, а устраивалась частными лицами для забавы. Стреляли из обыкновенных луков (рис. 51, а), а целью служили кружки, фигуры птиц и т. п.

Приспособления для игры в шары, или мячи, были так же разнообразны, как и виды этой игры. Простейшие игры, которые очень любили женщины и девушки, заключались в том, что маленькие, красиво отделанные мячики просто кидали друг другу и ловили.

Мужские игры в мяч были сложнее и требовали большой ловкости.

Кулачный бой, как забава, редко проходившая без телесных повреждений, не был популярен у афинян и появился у них позднее.

Для усиления ударов участники кулачных боев обматывали себе кулаки толстыми ремнями, нередко усаженными свинчатками, шипами и т. п. (рис. 149, в).

Поскольку при занятиях гимнастикой, в частности в гимназиях и палестрах, раздевались донага и натирались маслом, то понятно, что от пота, масла и пыли тело загрязнялось, поэтому каждый приносил с собой особый прибор, состоявший из нескольких металлических скребков, которыми по окончании упражнений счищали грязь с кожи. Эти скребки для удобства обычно надевались на кольцо вместе с губкой и сосудом с маслом (рис. 150).

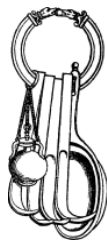

Рис. 150.

При каждой гимназии находился хирургический кабинет, оснащенный различными инструментами: щипцами, ланцетами, банками, клистирными трубками.

Колесницы, которые использовались исключительно для ристалищ, ничем не отличались от военных колесниц, описанных Гомером, о чем свидетельствуют сохранившиеся изображения на скульптурах и вазах (рис. 151).

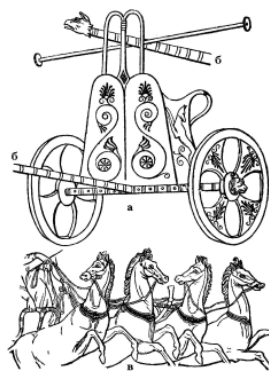

Рис. 151.

Отделка на этих более поздних колесницах была столь же богата, как и на старинных малоазиатских. Поэтому неудивительно, что стоили они довольно дорого: по Аристофану, цена маленькой двухколесной колесницы для ристалищ была не менее трех мин. Экипажи (повозки) хотя и были известны, но пользовались ими редко. Обычно в путь по делам или для посещения игр, празднеств отправлялись пешком или верхом на осле или муле, больные и слабые — в носилках.

Для перевозки тяжестей служили такие же, как и во времена Гомера, двух- и четырехколесные повозки (рис. 152, а, б).

Рис. 152.

Сельскохозяйственные орудия труда

Сельским хозяйством — земледелием, скотоводством, садоводством и охотой — в Греции стали заниматься довольно рано, занятия эти были особо почитаемы в Афинах. Вскоре после Пелопоннесской войны даже богатые афиняне потеряли интерес к деревенской жизни и сельским занятиям, а у спартанцев, у которых все полевые работы были запрещены законом, земледелие начало развиваться только перед самым падением их государства.

Плуг — самое важное земледельческое орудие труда — существовал у греков с самых древних времен, как только возникло у них земледелие. Уже Гесиод говорит о двух видах плуга: простом приспособлении, пашущем землю, и плуге, поставленном на колеса. В плуг обыкновенно запрягали мулов или быков (рис. 153).

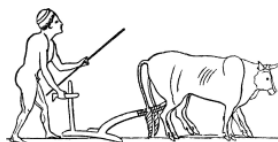

Рис. 153.

Быков использовали также и для вытаптывания зерен из колосьев. Вытоптанное зерно веяли на деревянных лотках и, ссыпав в большие корзины, складывали в амбары или житницы.

Греки занимались разведением винограда и выращиванием оливковых деревьев. Для добывания и хранения вина и масла служили давяльные чаны, амфоры, мехи и другие сосуды, о которых уже было упомянуто выше. Нам мало известно о приспособлениях, применявшихся в скотоводстве, однако сведений о приспособлениях для охоты сохранилось достаточно.

Охота считалась у эллинов занятием почитаемым, она была как бы подготовительной школой будущего воина и у критян и спартанцев входила в круг воспитания. Охота поощрялась Ликурговым законодательством. Ксенофонт и Платон также считали охоту полезным занятием для молодых людей, кроме, впрочем, охоты на птиц и рыбной ловли.

Ксенофонт, написавший об охоте ученый трактат, советует заниматься ею преимущественно в том возрасте, когда мальчик, превращающийся в юношу, находит особое удовольствие в укреплении своих физических сил.

Перечисляя затем разные виды охоты, он описывает и необходимые для каждого вида приспособления, начиная с сетей. Сети, опускаемые и вставные, советует Ксенофонт, следует плести из крепкой карфагенской пряжи, ссученной для вставных сетей хотя бы в 12 и 16 ниток. Высота спускной сети должна быть не менее 5 пядей, а длина вставной — от 10 до 20 пядей, ширина ее петель — не более 6 дюймов. По краям сети должны быть снабжены петлями или кольцами и пропущенными сквозь края петли крепкими веревками.

Сети растягивали на деревянных подпорках, которые делались различной длины, для того чтобы растянутая сеть представляла собой ровную горизонтальную поверхность независимо от неровностей почвы.

Приученных к охоте собак водили, как правило, в ошейниках. При опасных охотах, для которых чаще использовались лаконские, критские и даже индийские соба-

ки, на них надевали еще широкий пояс, усаженный остриями.

На некоторых зверей расставляли капканы. Это были сделанные из тисового дерева кольца, местами усаженные гвоздями, к кольцу прикреплялся силок или петля, в которые вкладывался кусок дерева.

Охотничье оружие состояло преимущественно из дротиков и копий; в древние времена на зверей охотились с простыми деревянными дубинами (рис. 154) или забрасывали их камнями.

Рис. 154.

Хищных зверей Эллады — волков, рысей и медведей — ловили обычно сетями, устраивали западни, возможно, травили. Иногда гонялись за ними верхом и делали это преимущественно по ночам.

Рыболовные приспособления были те же, что и в древности, рыбу ловили сетями, мережами, удочками, тунца били острогами, переносили рыбу в больших корзинах с ручками (рис. 155).

Рис. 155.

Время введения в Греции чеканной монеты точно неизвестно, но скорее всего греки заимствовали ее у вавилонян вместе с весами и мерами. Судя по названиям греческих монет — обол и драхма, — первоначальными денежными знаками грекам служили металлические прутья такой толщины, что одной рукой можно было обхватить не больше шести. Введенные в Спарте Ликургом денежные знаки тоже были железными прутьями, которые впоследствии заменили железными кружками, которые послековки охлаждались в укусе, чтобы их было невозможно перековать.

Введение чеканной серебряной монеты приписывают аргосскому царю Фидону, местом ее изобретения называют остров Эгину (около 750 г. до н. э.). Монеты чеканили не только из серебра, но также из меди и золота. Иногда деньги делали и из неценных материалов, даже изготавливали из кожи. Бывали случаи подделки денег, виновные в этом карались смертью.

Древние греческие монеты были очень толстыми и чеканились только с одной стороны. Обычно на них наносили грубое изображение герба страны, где отчеканена монета: щит — на беотийские монеты, пчелу — на эфесские, черепаху — на египетские (рис. 156, а — д (все монеты, кроме б, ж, з, к, изображены в масштабе 2/3 от натурального размера)). С VI в. вместо прежних изображений стали выбивать на монетах головы богов, героев и государей, иногда и их фигуры (рис. 156, д — и).

Рис. 156.

С упадком искусств утратила свое изящество и чеканка, она опять стала грубой (рис. 156, к — м).

Военную утварь греков составляли главным образом метательные орудия и различные осадные принадлежности (лестницы и т. п.) вместе с abordными крючка-

ми различного устройства, необходимыми в морских сражениях.

Метательные орудия (катапульты) имели вид большого самострела, прикрепленного к станку. Они разделялись на действующие в горизонтальном направлении и навесные, бросавшие снаряд под определенным углом. Первые использовались для пуска стрел и зажигательных снарядов, навесными бросали большие камни и другие тяжелые предметы.

Величина катапульт была различна, некоторые были так велики, что их станки напоминали здание. Такие орудия могли бросать на значительное расстояние камни или каменные ядра 135 фунтов весом. Были также и ручные метательные орудия, похожие на обыкновенные арбалеты, их настраивали при помощи зубчатого колеса.

Для морских сражений в древнее время были изобретены два снаряда: так называемый дельфин, тяжелая металлическая масса, по форме соответствовавшая названию (ее прикрепляли к вершине мачты и оттуда сбрасывали на неприятельскую палубу), и серп на длинном шесте для перерезания снастей на неприятельских кораблях. К таким же снарядам можно причислить и часто упоминаемые гарпагоны и железные руки — тяжелые шесты с железными лапами и крючьями.

Богослужебная утварь

Древнейшими идолами греческих племен были простые камни, каменные или деревянные столбы. Этот первобытный символизм сохранился для некоторых божеств и до более позднего времени, например конический столб, который ставили у ворот домов как символ Аполлона Эгиея, или два бревна, соединенные перекладиной, как символ Диоскуров в более поздние времена у спартанцев, столб, обвитый плющом, был символом Диониса у фивян. Особые почести воздавали некоторым старинным деревянным идолам, о которых предание гласило, что они упали прямо с неба как дар богов людям. Такими идолами были таврическая Артемида, афинская Афина-Полиада, троянская Паллада и др. Иногда божество представляли в виде одного из его атрибутов.

Для своих первых попыток заменить символы богов человекоподобными изображениями скульпторы избрали деревянные столбы, но, будучи связанными уважением к освященной преданием форме этих символов, они ограничилась лишь тем, что прибавили к ним только человеческую голову. Таким образом произошли гермы (рис. 158).

Рис. 158.

Дальнейшим шагом в этом направлении стало ваяние целых фигур, но с плотно прижатыми к туловищу руками и сдвинутыми вместе ногами. Только постепенно

эта оцепенелая поза была заменена более оживленной, с шагающими ногами или с поднятой рукой, как в старинных статуях Паллады.

Фигуры идолов ваяли обнаженными и окрашивали в определенный для каждого божества цвет, иногда лицо покрывали золотом, на них одевали одежду по древневосточному обычаю и вообще обращались с ними, как с живыми людьми: их мыли, причесывали, наряжали (рис. 157, а — в).

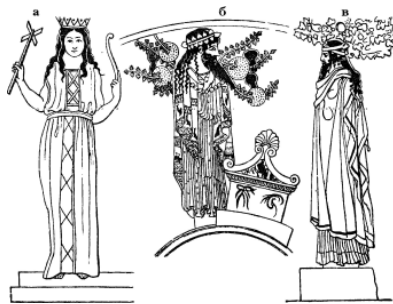

Рис. 157.

Рядом с этими наивными изваяниями как нововведение начали появляться идо­лы из благородных металлов — произведения самосской школы ваятелей — и глиняные идо­лы, вероятно, работы коринфских мастеров.

Колоссальнейшим из идолов работы самосской школы был вычеканенный из зо­лота Зевс, принесенный в дар олимпийскому святилищу тираном Кипселом или его сыном Периандром. Но эти более совершенные произведения пластического искус­ства не заставили, однако, резчиков оставить привычную им технику. Они ограничи­ли свои усовершенствования лишь тем, что стали отделять деревянные тела идо­лов слоновой костью и покрывать золотой жестью.

Этот новый прием навел на мысль ваять обнаженные части фигур, особенно голо­ву, из камня. Но и такие идо­лы (акролиты), хотя и более совершенные в пластиче­ском отношении, были еще слишком далеки от того, чтобы представлять олицетво­рение божества в совершенном человеческом образе. Для этого нужно было, чтобы ваятели лучше изучили человеческое тело и соотношение его частей.

Опыт в ваянии человеческих фигур пришел к ним при работе над статуями в честь победителей на играх, но применить его к статуям богов им мешала привыч­ная условность изображения этих статуй, которую они не решались нарушить. По­этому, ваяя богов в человеческом облике, они придавали им выражение неестествен­ного спокойствия.

Полное освобождение от всякой условности было достигнуто Фидием, произведе­ния которого воплощали в себе религиозные идеалы греков: в них они видели не столько изображение божества, сколько само живое божество.

С этого времени изображения богов становятся достоянием свободного пластиче­ского искусства. На смену старой скульптурной технике, которой иногда придержи­вался еще и Фидий, приходит новая: скульптуры начинают ваять из мрамора и ме­талла. Убранство статуй хотя и допускается, но оно уже играет второстепенную роль.

Перед новыми высокохудожественными статуями старые идо­лы вынуждены бы­ли отступить — их чтили как древние реликвии, но храмы и площади греческих го­родов наполнялись новыми изображениями богов.

Алтари, появившиеся гораздо раньше идолов, еще долго сохраняли форму очага. Алтари, как правило, образовывались из накопившихся остатков животных, кото­рые были убиты и сожжены на ровной земле, и состояли из золы, смешанной с кро­вью и рогами убитых коз и быков.

Что же касается алтарей, происхождение которых считалось чудесным и в более поздние времена, таких как сложенный из рогов алтарь Аполлона на Делосе и ал­тарь Зевса в Олимпии, то можно предположить, что они были подражанием древ­

нейшим алтарям. По описанию Павсания (V, 13, 5), алтарь Зевса в Олимпии был сложен из остатков обгорелых костей и возвышался на 22 фута при 32 футах объема. Он стоял на возвышении с каменными ступенями, которые вели на площадку в 125 кв. футов.

Кроме алтарей, которые устраивались в зависимости от обстоятельств то из земли, то из камней, то из хвороста и листьев и часто сжигались вместе с жертвой, были алтари постоянные, выложенные из камня и переносные, очень красивой формы (рис. 159, б — д, рис. 157, б); для курений и некровавых жертв использовались металлические курильницы (рис. 159, а) и чаши, которые ставились на треножники. На таких же треножниках стояли при входах в храмы сосуды с люстральной водой.

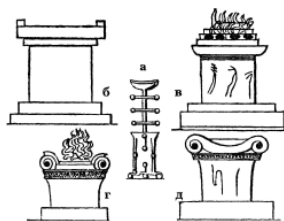

Рис. 159.

Вообще, треножник занимал видное место в храмовой утвари греков уже во времена Гомера, а позже приобрел особое значение в качестве высшей награды, дававшейся победившему на Мусикийских состязаниях.

Треножник состоял из двух главных частей — подножия и котла или глубокой чаши с ручками (рис. 160, а (4, 2)). У некоторых треножников, например у дельфийского, к котлу был приделан резонатор (рис. 160, а (3)) и холмос (рис. 160, а (1)).

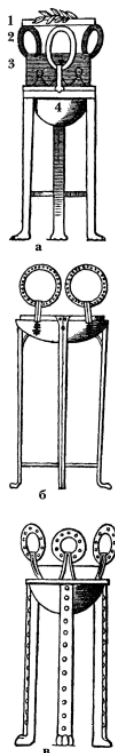

Рис. 160.

Собственно жертвенная утварь была самыми драгоценными предметами храмового имущества, так как все, входившее в нее, от палицы и топора, которыми убивали животное, до небольшого ножа, которым перерезали ему горло, и от маленькой корзинки, в которой держали пшеницу, до больших сосудов и чаш, отличалось искусной художественной отделкой и изготавливалось только художниками.

К богослужебной утвари следует также отнести костюмы, в которые одевались жрецы, когда они являлись в торжественных процессиях представителями того божества, которому служили. Костюмы эти состояли из одежд и атрибутов, относящихся

ся к божествам. Такими атрибутами были дубина — в культе Геракла, тирс — в культе Диониса, обвитые оливковыми ветвями и шерстью посохи — в культе Артемиды.

В религиозных процессиях использовались колесницы: колесница, запряженная парой белых коров, на которой выезжала жрица Геры на праздник в честь этой богини, колесный корабль, на котором вывозили новоизготовленную одежду Афины на празднике Панафиной, и повозки дионисийских торжеств (рис. 161).

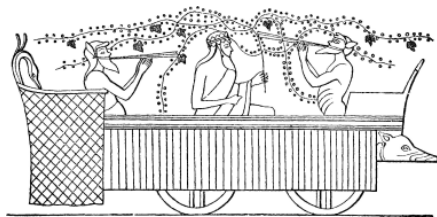

Рис. 161.

Погребальная утварь греков была проста и ограничивалась лишь предметами, необходимыми для сожжения или погребения тела. При сожжении тело умершего несли на носилках до места сожжения. Погребальный костер украшали венками, лентами и обкладывали вещами, которые особенно любил покойный. Пепел сожженного тела собирали в урну — красивый сосуд, украшенный живописью или пластикой.

При погребении тело или клали в гроб, или без гроба опускали в сложенную из камня могилу, которая имела вид комнаты (рис. 162).

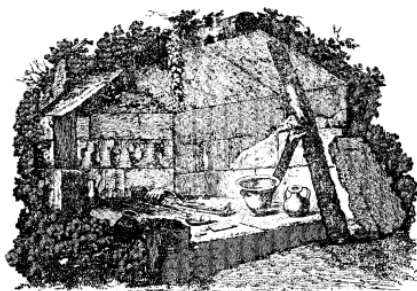
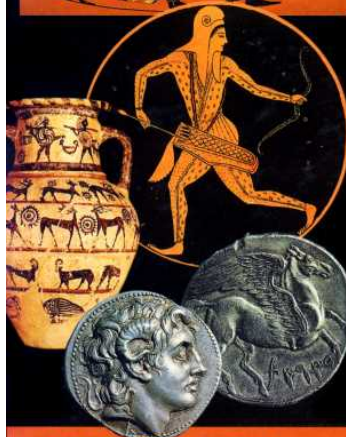

Рис. 162.

Гробы были деревянные, но чаще из обожженной глины. Обычно их покрывали черным лаком и иногда расписывали красными полосками и арабесками. Форма гробов изменялась от призматической до овальной и корытообразной.

Вместе с покойником клали в могилу различные вещи, делая это по обычаю древних веков, которого придерживались и греки и который они эстетически облагородили изяществом предметов, приносимых ими в дар своим умершим.

В этом уникальном издании представлены костюм, оружие, мебель, предметы быта и архитектурные сооружения народов нашей планеты. Автор этого интереснейшего труда — выдающийся немецкий художник и историк культуры, профессор Берлинской академии художеств Герман Вейс (1822—1897). Особую ценность многочисленным иллюстрациям придает то, что они выполнены самим автором с оригиналов, большинство из которых сегодня утрачены. По широте и объему материала, сведенного в единое целое, эта книга до сих пор не знает себе равных в России.

В серии также выходят:

- «Зарождение мировой цивилизации. ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ»
- «Первые сверхдержавы. АССИРИЯ. ВАВИЛОН. ПЕРСИЯ»
- «Возвышение и упадок империи. ДРЕВНИЙ РИМ»
- «Великое переселение народов. ГОТЫ, ГУННЫ, СЛАВЯНЕ, GERMANЦЫ»
- «Арабские завоевания. РАСЦВЕТ ВИЗАНТИИ»
- «Европейское Средневековье. ПЛАМЕНЕЮЩАЯ ГОТИКА»
- «Великие христианские государства. АНГЛИЯ. ФРАНЦИЯ. ГЕРМАНИЯ»
- «Высокое Возрождение. ИТАЛЬЯНСКИЙ РЕНЕССАНС»
- «Торжествующая монархия. ЕВРОПА. XVIII—XIX вв.»
- «Загадка великой культуры. РОССИЯ. X—XX вв.»
- «Прекрасная эпоха. ЕВРОПА. XX в.»

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ. Истоки европейской цивилизации